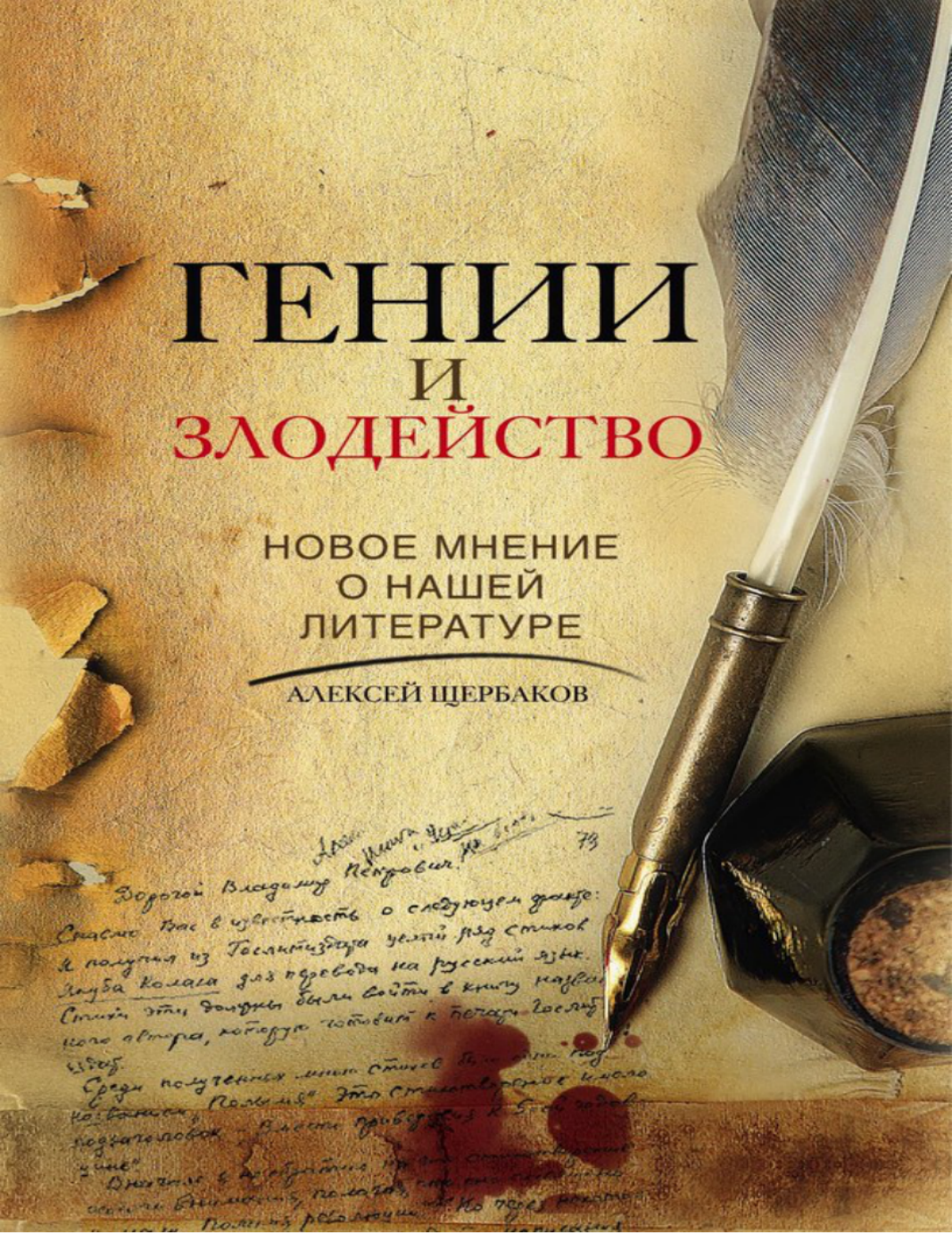
ГЕНИИ И ЗЛОДЕЙСТВО

НОВОЕ МНЕНИЕ О НАШЕЙ ЛИТЕРАТУРЕ

АЛЕКСЕЙ ЩЕРБАКОВ



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В массовом сознании известные деятели культуры советского периода предстают невинными жертвами красных монстров. Во многом, конечно, так оно и было. Однако не все было так просто. Отношения деятелей культуры – в том числе и литераторов – с советской властью были очень непростыми. Власть пыталась использовать писателей в своих целях, они ее – в своих. Автор предлагает посмотреть на великих писателей советского времени взглядом, не затуманенным слезой умиления. Они были такими, какими они были. Сложными людьми, жившими в очень непростой век. Тем и интересны.

- Алексей Щербаков
  - ○
  - ○ Предисловие
  - ○ Часть первая
    - ■ Черный квадрат
      - ■ Серебряный упадок
      - ■ Графином в лоб – это победа
    - ■ Ветер больших перемен
      - ■ Пожар в дурдоме
      - ■ Наш пострел везде поспел
      - ■ Романтики монгольской орды
    - ■ Николай Гумилев. Человек, шедший поперек
      - ■
      - ■ Странная биография
      - ■ ЧК бьет с носка
    - ■ Претенденты на монополию
      - ■ Странное время
      - ■ Власть и музы
      - ■ Авангард на всех парах
      - ■ Пролетарская мафия
    - ■ Сергей Есенин. Последний анархист
      - ■ Пастушок с тальянкой
      - ■ «Если ты вышел оттуда, где тихо жил…»
      - ■ Мать порядка
      - ■ Финал в «Англетере»
    - ■ Владимир Маяковский. Бумажный солдат
      - ■ Наука ненависти
      - ■ Попытки шагать в ногу
      - ■ Тени за спиной
      - ■ Ассенизатор и водовоз

        - Русская рулетка
- Часть вторая
    - Михаил Булгаков. Жизнь через призму романа
        - О времени и о себе
        - Большой скандал
        - Не свет, а покой
    - Фасад империи
        - Кровавое межвременье
        - Мы будем жить теперь по-новому
        - Великий съезд
    - Алексей Толстой. Красный граф
    - Хотели как лучше
        - Творческий заповедник
        - Великий пиар-проект
        - Вышло как всегда
    - Жертвы эпохи
        - Отступление. Доносы как они есть
        - Осип Мандельштам. Заблудившийся в небе
        - Борис Пильняк. Игра втемную
        - Исаак Бабель. Опасные связи
        - Родина мифов
- Часть третья
    - Новый поворот
        - Поступь императора
        - Здесь вам не тут!
        - «Оттепель»
    - Борис Пастернак. Попытка к бегству
        - Свободы захотели?
        - Суета вокруг романа
        - «Я Пастернака не читал»
    - Как карта ляжет
        - Поэты на стадионах
        - Явление «героя»
        - Высокое искусство маневра
        - Иосиф Бродский. Богемная история
    - Александр Солженицын. Двусмысленный пророк
        - Жить не по лжи?
        - Главное – побольше шума!
        - Главная книга
        - Непонятая звезда
    - Игра на вылет
        - Хочу в Америку!
        - Кумир «шестидесятников»
        - Скандал заказывали?

- Миф самиздата
  - Как можем, так множим
  - Литературный «черный рынок»
- Вместо заключения
  - Эдуард Лимонов. Старые игры в новое время
  - «Против системы»
  - Обыкновенный национал-большевизм
- ПРИЛОЖЕНИЕ
  - Письмо Правительству СССР
    -
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
  - Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б)
  - Записка Отдела культуры ЦК КПСС об итогах обсуждения на собраниях писателей вопроса «О действиях члена Союза писателей СССР Б.Л. Пастернака, несовместимых со званием советского писателя»
  - Л.А. Самутин «Воспоминания»

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14

- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50

Алексей Щербаков
Гении и злодейство. Новое мнение о нашей литературе

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Предисловие
Зеркало великой эпохи

Дело было в 1920 году в Харькове. В городском саду – излюбленном месте прогулок тамошней публики – дышал воздухом и заехавший в Харьков Сергей Есенин, окруженный кучкой восторженных почитателей. Как часто случалось, поэт внезапно громко, на публику, стал читать свои стихи. Дошло дело и до поэмы «Инония». Начиналось это произведение так:

Не устрашуся гибели,
Ни копий, ни стрел дождей, —
Так говорит по Библии
Пророк Есенин Сергей.

Время мое приспело,
Не страшен мне лязг кнута.
Тело Христово, тело
Выплевываю изо рта.

Потом поэт сообщил, что «даже Богу я выщиплю бороду/ Оскалом моих зубов».

И так далее в том же духе.

Есенин в те времена был не слишком-то известен широким народным массам. Да и вообще, собравшаяся публика, скорее всего, даже не поняла, что это стихи. Поняли другое. Молодой и наглый парень у всех на глазах занимается вызывающим богохульством. Да не каким-нибудь примитивно-ругательным, а «по понятиям» – вся поэма построена на библейских образах, так сказать вывернутых наизнанку. Быстро собралась толпа, которая стала надвигаться на Есенина с очень недвусмысленными намерениями...

Неизвестно, чем бы это все закончилось. Возмущенные граждане были настроены серьезно – так что жизнь поэта могла бы оборваться на пять лет раньше. Но тут откуда ни возьмись возникла группа матросов. Скорее всего, это был какой-то большевистский «спецназ». Иначе откуда матросы в абсолютно сухопутном Харькове, удаленном на тот момент от основных фронтов догорающей Гражданской войны? Но, как бы то ни было, матросы быстро разобрались в ситуации, расправили литые плечи и положили руки на кобуры маузеров.

– Читай, товарищ! – сказали они Есенину.

Публика знала, что с красными матросами лучше не связываться. Пришлось прикусить языки. А Сергей Есенин продолжал свое импровизированное выступление под надежной охраной революционной братвы[1].

* * *

Этот эпизод очень символичен. Его стоит вспомнить, когда речь заходит о взаимоотношении советской власти и известных писателей. Сегодня в массовое сознание вбрасываются очередные сказки, в которых все известные деятели культуры советского периода предстают невинными жертвами красных монстров. В этом ключе был выстроен, к примеру, недавно прошедший сериал «Есенин». Другой сериал, «Мастер и Маргарита», изготовлен по тому же лекалу. Да и остальные деятели культуры… Маяковского и Горького тоже убили, Гумилева расстреляли, Мандельштама сгноили в лагере, Булгакова и Пастернака всю жизнь травили. А кого не постреляли и не посадили – так у тех всю жизнь стояли над душой и мешали творчески самовыражаться. Кошмар.

Во многом, конечно, так оно и было. Да только не совсем. Не все было так просто. На самом-то деле отношения деятелей культуры – в том числе и литераторов – с советской властью были очень заковыристыми. Власть пыталась использовать писателей в своих целях, они ее – в своих. Речь идет не только – и не столько – о гонорарах, тиражах и славе. Хотя и о них тоже.

Но в советское время литература считалась чем-то большим, нежели просто изложение тех или иных мыслей и художественных образов на бумаге. Маяковский мечтал, чтобы «к штыку приравняли перо». Его и приравняли. А это большой соблазн – соблазн воспользоваться таким положением дел. В очень разных смыслах. Ведь даже «антисоветчики» вроде Солженицына тоже совершенно сознательно использовали такое необычное положение литературы в СССР.

Это была великая эпоха. Эпоха титанов. Как в политике, так и в искусстве. А у титанов, знаете ли, другие мерки и другие ценностные категории. Которые не лезут ни в «общечеловеческие ценности», ни в схемы типа «тиран и гений». Конечно, времена были иногда страшными, иногда нелепыми. Но великие эпохи другими и не бывают. И в эти времена жизнь писателей складывалась… Ну, как складывалась.

Эта книга не совсем о литературе. Она – о времени. Возможно, об одном из самых интересных периодов в истории

даже не России, а мировой новейшей истории. А судьбы и произведения людей, умеющих талантливо излагать свои мысли и чувства на бумаге, – просто лучшая иллюстрация тех времен.

Вся эта литература – отнюдь не пыльное прошлое, забытое на библиотечных полках. Как показала реакция на сериал «Есенин», русские зрители отнюдь не безграмотные идиоты, за которых их держала семейка Безруковых. Да и времена… Они меняются. И классики вдруг прочитываются по-новому, а забытые книги становятся бестселлерами.

У нас любят ставить гранитные памятники и создавать идеальные биографии. Это с ужасом предчувствовал Владимир Высоцкий.

Я немел, в покрывало упрятан, —
Все там будем! —
Я орал в то же время кастратом
В уши людям.
Саван сдернули – как я обужен, —
Нате смерьте! —
Неужели такой я вам нужен
После смерти?!

А почему бы не посмотреть на великих писателей советского времени взглядом, не затуманенным слезой умиления? Они были такими, какими они были. Сложными людьми, жившими в очень непростой век. Тем и интересны.

Часть первая
ОСЕДЛАТЬ МОЛНИЮ

Черный квадрат

Серебряный упадок

И ни церковь, ни кабак,
Ничего не свято.
Эх, ребята, все не так,
Все не так, ребята!

Владимир Высоцкий

Первые годы XX века, точнее, период с 1905 по 1917 год часто называют серебряным веком. Это словосочетание настолько вошло в обиход, что не все уже помнят, откуда оно взялось. Главное – звучит хорошо. Символизирует эдакую смутную ностальгию по красивым и изящным временам, которые закончились в 1917 году. На самом деле первоначально термин звучал как «серебряный век русской поэзии». И только-то. Под золотым веком понималась пушкинская эпоха. Потом наступил упадок, а в первые годы XX века – новый взлет, правда, уже не такой высокий. Ну а поскольку поэзия в значительной степени определяла культурную жизнь той эпохи, определение распространилось и на все остальное.

В самом деле, по части поэзии эпоха была что надо. Время, когда поэты были популярны если не как сегодняшние попсовые звезды, то как рок-музыканты. И звезд, настоящих, больших, оставшихся в истории, было хоть добывай промышленным способом.

Блок стрелялся на дуэли с Андреем Белым. В «Башне»[2] Вячеслава Иванова встречались и спорили такие люди, что, если повесить на эту «Башню» мемориальные доски всем, кто того достоин, – стена обвалится. В кафе «Бродячая собака» пили вино Гумилев с Ахматовой, а роль «плохого мальчика Вовочки» в этом кафе играл молодой Маяковский. Ничего себе так.

Но только вот какая странность. Этот же период называют эпохой декаданса, что в переводе с французского означает «упадок». Такой вот парадокс. С одной стороны – расцвет, с другой – упадок. Но это потому, что время это было весьма своеобразным. Вроде бы заводы работали, хлеб растили, железные дороги строились. В столице империи возводились шикарные здания в стиле модерн. В культурной жизни – опять же расцвет. Во всех жанрах. А тем не менее настроение в культурной среде царило довольно паршивое. Гнильцой попахивало. Вот что

пишет о тех временах Алексей Толстой: «То было время, когда любовь, чувства добрые и здоровые считались пошлостью и пережитком; никто не любил, но все жаждали и, как отравленные, припадали ко всему острому, раздирающему внутренности.

Девушки скрывали свою невинность, супруги – верность. Разрушение считалось хорошим вкусом, неврастения – признаком утонченности. Этому учили молодые писатели, возникавшие за один сезон из небытия. Люди выдумывали себе пороки и извращения, лишь бы не прослыть пресными».

Замечу, что Толстой писал это, еще находясь в эмиграции, то есть не стоит полагать, что это он «подлаживался» к советской власти. Нет, Толстой просто описывал то, что видел.

Конечно, таковыми были не все. Но таковой была культурная среда. И литература создавалась соответствующая. Взять хотя бы поэта номер один той эпохи Александра Блока. Его мироощущение было, прямо скажем, мрачноватым – чтобы в этом убедиться, достаточно прочитать наугад десяток его стихов. Одно из самых знаменитых его циклов стихотворений называется «Пляски смерти». Благодаря рекламному ролику теперь вся страна вспомнила строки оттуда:

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи еще хоть четверть века —
Все будет так. Исхода нет.

Умрешь, начнешь опять сначала,
И повторится все, как встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.

Лейтмотивом же цикла является: поэт ощущает себя среди живых мертвецов.

Вообще же оптимистические стихотворения у Блока можно пересчитать по пальцам. Большинство же какие-то болезненные или туманно-мистические. Как, впрочем, и у других символистов. Я не хочу особо утомлять читателя поэтическим цитатами. Приведу слова еще одного «столпа» символизма Андрея Белого (течения, которое было самым значительным в тогдашней литературе – так сказать, системой меры и точкой отсчета, притяжения и отталкивания).

Туда, – где смертей и болезней
Лихая прошла колея, —

Исчезни, в пространстве исчезни,
Россия, Россия моя!

Проза была тоже не веселее. Можно вспомнить популярный роман Федора Сологуба «Мелкий бес», большинство из героев которого – просто мелкая мразь с психопатологическим уклоном[3]. Суперпопулярный тогда писатель Леонид Андреев наполнил рынок произведениями, которые отличаются уж и вовсе беспросветной «чернухой». Не в смысле описания темных сторон быта, а, так сказать, в философском плане. Все плохо, все гнусно, а будет еще хуже.

Хотя… Есть у Андреева один бодрый роман «Сашка Жегулев». Если современные читатели с ним и знакомы, то по блестящей пародии «митька» Виктора Шинкарева. Книге не повезло. Большевики ее не жаловали за откровенный анархизм, фрондирующая либеральная интеллигенция – за полное безразличие к гуманистическим идеалам.

Между тем роман, несмотря на весьма спорные литературные достоинства, очень интересен. Это, по сути дела, ответ Андреева другу-сопернику Максиму Горькому. Тот выпустил роман «Мать», в котором описал большевиков. Андреев ответил произведением, являющимся апологетикой анархизма.

В романе повествуется о гимназисте Саше, который начал партизанскую борьбу во главе отряда восставших крестьян. Эдакий Че Гевара российского разлива. Забавно поясняются мотивы, по которым повстанцы, в том числе и главари, вписались в это дело: «время настало». И все тут. Автор не видит смысла подыскивать никаких объяснений того, что его герои, которым он явно симпатизирует, льют кровь рекой. «Так надо». Кстати, роман – не такая уж фантазия. В 1905 году на юге Украины действовал партизанский отряд (или, если хотите, банда) будущего знаменитого красного командира, а тогда анархиста Григория Котовского.

Андреев тут не одинок. Видная чета символистов Мережковский и Гиппиус с восторгом встречались в Париже со знаменитым террористом Борисом Савинковым и остались его преданными сторонниками до смерти последнего. Савинков, кстати, с успехом публиковал под псевдонимом В. Ропшин и собственную прозу, посвященную, понятно, любимому делу – киданию бомб. Люди старательно копали могилу самим себе.

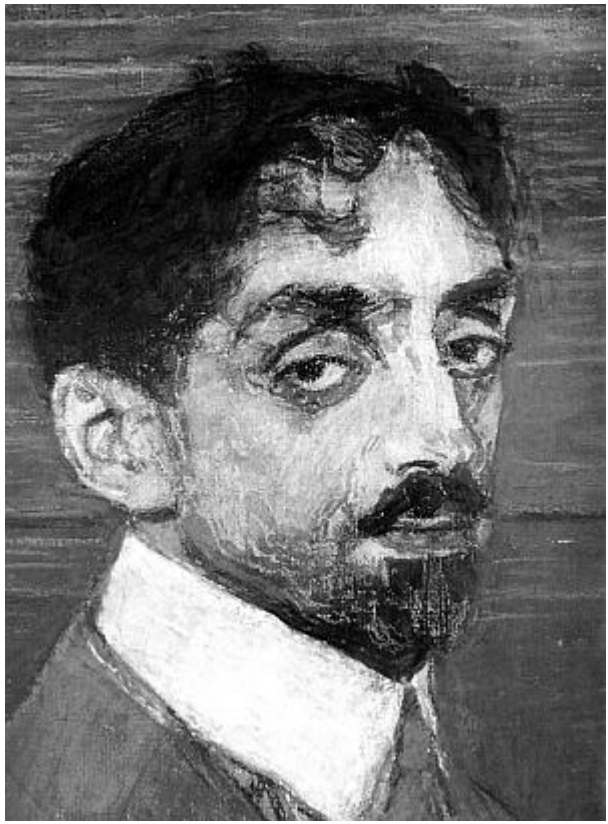
Можно до кучи вспомнить еще одного тогдашнего «столпа» – поэта и прозаика Валерия Брюсова. В его произведениях меньше надрыва и пессимизма. Зато присутствует ницшеанство. «И

Господа, и дьявола хочу прославить я». То есть главное – чтобы круто было.

Впрочем, увлечение революционным насилием было скорее отголоском революции 1905 года. Потом пошла разнообразная чертовщина. Теософия, антропософия, повышенное внимание к разным народным религиозным закидонам вроде хлыстовства. Кстати, поэт Николай Клюев, литературный «крестник» Сергея Есенина, сам попал в литературные круги через то, что имел отношение к хлыстовству. Это не умаляет его таланта. Но «раскручивался» Клюев, умело используя интерес представителей питерской богемы к эдаким вывертам.

Именно в это время наркотики из уголовной среды перекочевали в среду творческих людей. И пришлись там ко двору. Всплыли гомосексуалисты. То есть они, конечно, всегда были. Но только в серебряный век поэт Михаил Кузмин мог позволить себе публиковать цикл стихов, посвященных мужчине-любовнику.

Кстати, не стоит думать, что это только богема разлагалась, а народ был чист аки ангел – как нас пытаются убедить господа Говорухин и Михалков. Не буду об этом распространяться, приведу только один факт – насчет народной религиозности. Почерпнутый, кстати, не в каком-нибудь «масонском» издании, а в православном журнале «Фома». В царской армии посещение церкви было обязательным. И потому явка составляла сто процентов. После Февральской революции это стало добровольным делом. И буквально за несколько дней численность солдат, посещающих храмы, упала в десять раз! Так что про насквозь православный народ – не надо…



М. Кузмин

* * *

Но вернемся к нашим творцам. Как видим, царили настроения, типичные для периода упадка. Декаданса. Распада. Дальше пути просто не было. Тупик. И вот потому-то у многих, в том числе и у Александра Блока, в мозгу начинала шевелиться мысль: если все бы это полетело к черту – неплохо бы вышло. Речь идет не о политике. Политикой увлекались перед 1905 годом. Главным врагом был не царский режим, а «обыватель», «мещанин». Говоря современным языком – нормальный человек общества потребления. То есть это теперь он считается нормальным. Тогда вот – не очень. Казалось – от них все зло. Вот если бы устроить мир, чтобы таких вот «тупых и сытых» не стало. Недаром с революцией, одной из целей которой было воспитать нового человека, станут сотрудничать писатели, весьма далекие от большевизма. Наступало время, когда хотелось перемен. Коренных перемен. «До основанья, а затем…» Российская

империя подошла к тому рубежу, когда ее культурная элита – или значительная ее часть – полагала: пусть все рушится. А там посмотрим. И рухнуло.

Но до революции было еще далеко. Зато под эпохой декаданса была подведена жирная черта. Ее подвел вышедший в 1912 году тощенький сборник, отпечатанный на оберточной бумаге, – «Пощечина общественному вкусу».

Графином в лоб – это победа

История российского футуризма далеко выходит за пределы литературы. Ее имеет смысл изучать всем, кто хочет работать в области пиара или попробовать свои силы продюсером. По сути дела, футуристы были первыми в России деятелями культуры, которые очень четко и грамотно «раскручивались». Мало того. Они умудрились прогреметь на всю Россию, отчаянно рекламируя себя за чужой счет. Впоследствии этот финт ушами с разным успехом проделывали многие. Так, в конце девяностых годов подобным образом раскрутилась национал-большевистская партия писателя Эдуарда Лимонова, который историю футуризма великолепно знает.

А первым до такого на наших просторах додумался человек, которого звали Давид Бурлюк. Вообще-то он считался художником и поэтом. Но рисовал он, прямо скажем, так себе – имелись тогда и среди крайних авангардистов художники куда сильнее. По сравнению со своими товарищами по футуристической борьбе – Филоновым или Кандинским – его просто не разглядеть. Поэтом он являлся и вовсе никаким. Тем не менее Бурлюк был гениальным человеком. Гениальным продюсером. Он первым осознал основной закон раскрутки – не важно, что о тебе пишут. Главное – чтобы писали как можно чаще! Сегодня это положение кажется общим местом. Но до всего кто-то додумывается впервые. И колесо когда-то было новинкой. В том-то и состоит гениальность, что человек открывает новые горизонты.

А. Крученых. Коллаж

Итак, Бурлюк стал раскручивать футуризм. Вообще-то первая попытка была им предпринята в 1909 году. Тогда он в компании с поэтами Велимиром Хлебниковым и Василием Каменским выпустил сборник «Садок судей». Но то ли время еще не пришло, то ли опыта не хватало – выстрел получился холостым. Поэтических книжек тогда выходило много – и на «Садок» никто внимания не обратил. А вот три года спустя все вышло иначе.

Итак, «Пощечина». Сборник начинался чем-то вроде манифеста. Приведу его полностью (орфография и пунктуация – как в оригинале).

> ПОЩЕЧИНА ОБЩЕСТВЕННОМУ ВКУСУ
>
> Читающим наше Новое Первое Неожиданное.
>
> Только мы – лицо нашего Времени. Рог времени трубит нами в словесном искусстве.
>
> Прошлое тесно. Академия и Пушкин непонятнее гиероглифов. Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч., и проч., с парохода Современности.
>
> Кто не забудет своей первой любви, не узнает последней.
>
> Кто же, доверчивый, обратит последнюю Любовь к парфюмерному блуду Бальмонта? В ней ли отражение мужественной души сегодняшнего дня? Кто же,

трусливый, устрашится стащить бумажные латы с черного фрака воина Брюсова? Или на них зори неведомых красот?

Вымойте ваши руки, прикасавшиеся к грязной слизи книг, написанных этими бесчисленными Леонидами Андреевыми.

Всем этим Максимам Горьким, Куприным, Блокам, Сологубам, Ремизовым, Аверченкам, Черным, Кузьминым, Буниным и проч., и проч. – нужна лишь дача на реке. Такую награду дает судьба портным.

С высоты небоскребов мы взираем на их ничтожество!

Мы приказываем чтить права поэтов:

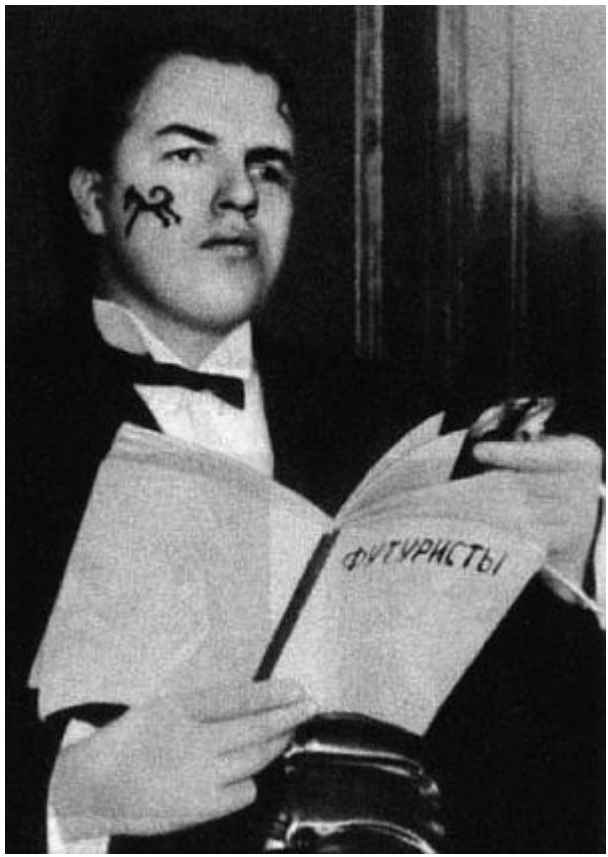
1. На увеличение словаря поэта **в его объеме** произвольными и производными словами (Слово – новшество).
2. Непреодолимую ненависть к существовавшему до них языку.
3. С ужасом отстранять от гордого чела своего из банных веников сделанный вами Венок грошовой славы.
4. Стоять на глыбе слова «мы» среди моря свиста и негодования.

И если пока еще и в наших строках остались грязные клейма ваших «здравого смысла» и «хорошего вкуса», то все же на них уже трепещут впервые зарницы Новой Грядущей Красоты Самоценого (самовитого) Слова.

Д. Бурлюк, Александр Крученых[4]*,*
В. Маяковский, Виктор Хлебников.
Москва. 1912 г. декабрь.

Нынешний читатель может пожать плечами: всего-то? Конечно, по нынешним временам – ничего особенного. Теперь иные деятели искусств, дабы обратить на себя внимание, занимаются даже публичным скотоложеством. Но тогда было другое время! В 1912-м такой текст в самом деле звучал как пощечина. А все потому, что отношение к литературе было иным, нежели в наше время. Ее воспринимали всерьез. За XX век люди насмотрелись и наслушались всякого – нас трудно чем-то

ошарашить, а уж тем более возмутить. Но тогда люди были менее испорченные. Для образованного человека призыв топить классиков звучал страшным кощунством – пусть даже он сам не слишком часто заглядывал в упомянутых авторов. В общем, манифест точно бил в цель. Он не мог остаться незамеченным. И разумеется, не остался.



Д. Бурлюк с расписанным лицом

Самое-то смешное, что текст писался от фонаря. Как рассказывал присутствовавший при этом поэт Бенедикт Лифшиц, футуристы собрались на квартире у Бурлюка и писали абы что, лишь бы круто. Но ведь хорошо написали! Придуманную Крученых и Маяковским фразу про «пароход современности» склоняют до сих пор. Плохие фразы столько не живут. Кстати, упомянутый Лифшиц, хоть и причислял себя к футуристам, манифест подписывать не стал. Принципиальным оказался.

Сборник вышел тиражом в пятьсот экземпляров – мизерным даже по тем временам. Но Бурлюк обеспечил, чтобы книжка попала куда надо. Так, Хлебников и Каменский заявились на

тусовку в «Башню» к Вячеславу Иванову и рассовали в передней книжки по карманам шуб гостей (больше их туда не пускали). Получили по экземпляру и газеты.

Результат вышел примерно такой же, как у питерских национал-большевиков, которые в 1998 году вышли на Невский проспект отмечать день рождения Лаврентия Берии. Шум поднялся до неба. Чуть ли не все питерские газеты посчитали своим долгом написать, какие футуристы негодяи. Дальше все было просто. По Москве прошли несколько лекций «о новом искусстве». Ломились на них как в буфет – желающих попасть пришлось сдерживать силами конной полиции. Это несмотря на довольно высокую входную плату.

Собственно, никаких лекций не было. Никто и не пытался их читать. Начинали с нескольких сумбурных, но «стреляющих» лозунгов о «новом искусстве», потом начинали декламацию стихов, которая довольно быстро перерастала в скандал, а порой – и в мордобой. Самым злым был творец «заумного языка» (нечто вроде «поэтического абстракционизма») Алексей Крученых. Будучи хлипкого сложения, он первым ввязывался в жаркую дискуссию, не стесняясь в выражениях, а когда страсти особо накалялись и переходили в мордобой, Крученых применял неотразимый аргумент – удар графином по башке. Успех от этого был еще больше.

Чтобы публика не скучала в перерывах между лекциями, футуристы взяли моду прогуливаться по центру Москвы в причудливых костюмах. Маяковский потом говорил, что свою знаменитую желтую кофту он надел от бедности. Это не так. На самом-то деле – из чистого выпендрежа. С той же целью через шестьдесят пять лет английские панки стали делать себе прически индейцев-ирокезов и раскрашивать их в яркие цвета.

Сегодня никого не удивишь необычным прикидом. Но я еще застал времена, когда меня в милицию забирали за простую проклепанную «косуху». Вот и футуристов забирали. Что только добавляло шума.

Дело было сделано. Какой журналист пройдет мимо скандала! Поэтому репортажи с футуристических выступлений печатали обильно и охотно. Я сам журналист, так что понимаю своих предреволюционных коллег. Писать о литературном вечере, пусть даже отличном – скучно. То ли дело – о скандальном шабаше! Попутно можно поизощряться в остроумии, высмеивая горе-поэтов. Или выплеснуть на них ушат благородного негодования. В общем, футуристы получили грандиозную прессу, из которой слава о них пошла по всей Руси великой, малой и белой.

Закрепляя успех, футуристы двинули в турне по стране. Это тоже было внове. Конечно, и раньше, если какой-нибудь видный деятель культуры оказывался в провинции, он обычно выступал с лекцией или чтением своих произведений. Заметим, что тогда читали со сцены не только стихи, но и прозаические произведения. Причем не профессиональные актеры, а авторы, которые не всегда обладали мастерством художественного чтения. Но люди на это шли и платили за это деньги.

Но поездка футуристов более всего напоминает то, что эстрадные музыканты называют чесом, – планомерный объезд глубинки с целью заработка.

Удалось и это. Провинциалы, начитавшиеся столичной прессы, шли поглазеть на скандальных московских знаменитостей. Ведь телевизоров тогда не было. Жизнь в провинции во все времена скучная. А тут такой заезжий аттракцион!

Разумеется, если публика идет на скандал, то он случится в любом случае – к этому даже не нужно прилагать никаких усилий. И случались. Порой осторожные градоначальники запрещали футуристические выступления. Это тоже шло в плюс. Запрещенное всегда притягивает.

Забавно, но гвоздем программы во время турне был не фактурный Маяковский, обладавший к тому же эффектным и очень красивым баритоном, а довольно средненький во всех отношениях Василий Каменский. Причина крылась в хобби Василия. Он был авиатором. Тогда это было то же, что в шестидесятых годах – космонавт. Большинство провинциалов никогда не видали ни летчиков, ни самолетов. Каменский являлся хорошим символом – человек, сочетающий занятия искусством будущего и техникой будущего. К тому же Василий обладал еще одним достоинством. Когда возмущенный шум в зале доходил до точки, он вкладывал в рот два пальца и разражался оглушительным свистом. Эту манеру впоследствии позаимствовал у него Сергей Есенин.

В. Маяковский. 1916 г.

Надо сказать, что собственно на стихи футуристов тогда никто особого внимания не обращал. Да и какой-то творческий багаж был разве что у Каменского и Хлебникова. Первого слушать было незачем. Второй же читал свои и без того странноватые произведения отвратительно, поскольку обладал невнятной дикцией и полным отсутствием артистизма. У Маяковского же в запасе тогда не было еще почти ничего.

И вот тут-то произошла довольно интересная вещь. Успех футуристов оказался не только скандальным. Для части аудитории они стали, говоря сегодняшним языком, культовыми фигурами. У них появилось множество поклонников и последователей, которые принимали эти шабаши на ура. Опять же – не столько из-за самих стихов. Но это было круто!

Поклонниками футуристов становились в основном студенты и школьники старших классов гимназий. Что же их так привлекало? Ну, во-первых, футуристы продолжили и довели до крайности ненависть предыдущего поколения к «мещанам», к «сытым». Обывателя было принято не любить. Во-вторых, им нравилось, что они поносят классиков, которых им вдалбливали в гимназии. Я утверждаю: для того чтобы привить людям отвращение к тому или иному писателю, надо включить его в школьную программу. В-третьих, и это главное, молодежи нравился дух отрицания. Разрушительный пафос. Ну надоела им тогдашняя Россия! Хотелось чего-нибудь новенького. За это ведь

любили и революционные теории.

Опять приведу параллель из недавней истории. Точно так же в восьмидесятых принимали группы ленинградского рок-клуба. Музыку – а тем более тексты – воспринимать на концертах было сложно из-за отвратительной аппаратуры. Но музыка по своему духу была явно ПРОТИВ. Хорошо это было или не очень – можно спорить. Но такие вот сложились настроения. Ничего не поделаешь. Как вышло – так вышло.

Футуристы не обманули ожиданий. Закрепляя успех, они стали выдавать на-гора поэтический материал – и из-под их перьев попер уже полный «хеви-метал». Теперь выступления группы проходили так: в проходах – толпа «фанатов» (впрочем, можно и без кавычек), а в зале – возмущенная, но продолжающая ходить на вечера «приличная публика».

«Фронтмена» Каменского сменил Маяковский. О последнем будет отдельная глава, поэтому сейчас я не заостряю внимания на его личности. Хлебников же был поэтическим «золотым фондом», которым козыряли перед эстетами. Крученых с его тарабарщиной проходил как суперэкспериментатор. Его абракадабра выдавалась за нечто запредельно новое. По большому счету, предреволюционные футуристы, несмотря на то что Маяковского признали особо чуткие эстеты – такие, к примеру, как художник Илья Репин или уважаемый критик Корней Чуковский, – все-таки оставались в сознании потребителей литературы прежде всего бандой скандалистов.

При этом не стоит думать, что футуристы просто ломали комедию, стремясь прославиться любой ценой. Ни в коем случае. Весь их выпендреж – всего лишь средство обратить на себя внимание. На самом-то деле они действительно считали себя представителями искусства будущего. Как и все остальные модернисты. Во всех странах это был крайне агрессивный стиль. Претензии представителей всех разновидностей модернизма в искусстве не отличались ничем от модернистов в политике. То есть революционеров, а позже – фашистов[5] и нацистов. Они сводились к тому, что все старое безнадежно устарело. Надо теперь делать по-другому, по-новому. Нужна тотальная революция. Потому-то политические и художественные модернисты находили друг друга.

Что же касается футуристов, довольно быстро они начали выдыхаться. Сколько можно кричать «Долой!»? К тому же наступившая война обратила внимание людей на куда более серьезные вещи. Футуристическая поэтическая компания напоминала творчество своего художника-единомышленника Казимира Малевича. В какой-то момент своей жизни он,

разрабатывая свой художественный метод, пришел к черному квадрату[6] как к результату творческих поисков своего поколения художников. К этому же пришла и литература серебряного века. Занавес упал. Конец действия. Новое будет гораздо веселее.

Ветер больших перемен

Пожар в дурдоме

Как часто бывает, крутые перемены, которых так долго ждали, свалились на голову совершенно неожиданно. Для большинства русских литераторов Первая мировая война как-то прошла стороной. Исключение составляют разве что Николай Гумилев и его товарищ по «Цеху акмеистов» поэт Владимир Нарбут, впоследствии сыгравший огромную роль в литературной карьере Ильфа и Петрова. Эти двое честно воевали, а Нарбут даже потерял на войне руку. Но о них рассказ впереди. Остальные до фронта не доехали. Это им не в упрек – но против фактов не попрешь. Поэтому революция шарахнула литераторам железным молотком по голове. Многие из тех, кто так жаждал перемен, посмотрев этим самым переменам в лицо, сильно испугались. Страшноватым это лицо оказалось. И к тому же совершенно непонятным.

О революции надо сказать несколько слов. Сегодня иные умники называют ее «переворотом». Так вроде бы унизительнее звучит. Почему-то французы про свою Великую революцию такого не говорят. Хотя крови, грязи и мерзости там было не меньше.

Но бог с ними, с французами. В России случилась именно Великая революция. И сделали ее не только большевики. Революция началась в феврале 1917 года и без четкой границы переросла в гражданскую войну всех против всех. Большевистский переворот 25 октября был одним из ключевых эпизодов революции. Но только «одним из». События развивались гораздо интереснее. Так, к примеру, Нестор Иванович Махно в своем родном Гуляйполе установил советскую власть еще в августе 1917-го. А в некоторых местах и до, и после 25 октября долгое время вообще никакой власти не было. Не будь большевиков – все могло бы сложиться иначе. Но вряд ли лучше. Потому что Леонид Андреев в «Сашке Жегулеве» был прав – «время настало такое». Никто не любит стихийных катастроф, но они случаются.

Разница только в том, что революции, в отличие от стихийных бедствий, делают люди. Ими движут очень разные мотивы. Одни хотят справедливости, другие – севрюжины с хреном. В революцию идут идеалисты и негодяи. Причем часто все это сочетается в одних и тех же товарищах.

Революция всегда замахивается очень широко. Те, кто ее

делает и кто ей сочувствует, всегда полагают, что это «последний и решительный бой». Не с конкретными несправедливостями (а революции происходят ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО там, где несправедливости столько, что нет сил терпеть). Штурманы этой бури намерены искоренить несовершенство мира раз и навсегда.

И уж тем более сказанное относится к русской революции, которая рассматривалась как начало мировой. При этом, повторюсь, шли в нее очень разные люди. А потому хаос в головах царил капитальный. В том числе, кстати, и в рядах правящей партии.

Есть замечательная книжка – протоколы VIII съезда РКП(б), который проходил в марте 1919 года. Это было первое массовое собрание большевистской элиты после того, как они взяли власть. Первое, что поражает в этих протоколах, – средний возраст делегатов. Согласно регистрационным документам, он составляет 31 год![7] Это, заметьте, элита партии, ее костяк. Тогда на съезды посылали не в ладоши хлопать.

Но еще интереснее сами дискуссии. Как из них следует, в партийных мозгах царил полный разброд. Размах мнений был совершенно чудовищный. То ли прямо сейчас идти и мутить мировую революцию, то ли разбегаться по кустам и отдать власть кому-нибудь другому. Пусть, мол, они расхлебывают[8].

Если так дело обстояло в одной из самых дисциплинированных в истории партий, то можно представить, что творилось в головах тех, кто примкнул к революции исходя их каких-то собственных соображений. А таких всегда много. В первые послереволюционные годы многим казалось, что большевики – это всего лишь эпизод. Потом начнется новый этап (забегая вперед, замечу – так ведь через пятнадцать лет и случилось).

Но вернемся к литературе. Сразу после революции наблюдалась следующая картина. Данное место оказалось вакантным. Руководители большевиков не лаптем щи хлебали. Они прекрасно понимали: голой силой страну не удержишь. Да к тому же, что бы там о них ни говорили, большевики не являлись циничными подонками, которых волновала только власть сама по себе. Не так ведут себя временщики, совсем не так. Они торопятся вывезти за рубеж все, что не привинчено. Большевики же отчаянно пытались создать новый мир. И кстати, не они начали Гражданскую войну. Сначала казалось – все можно решить по-тихому. Не вышло, конечно. Но дело не в этом.

Как бы то ни было, новая власть озаботилась вопросами искусства. Кстати, не все помнят, что большевики тут же взяли под охрану все дворцы, являвшиеся памятниками архитектуры, –

Зимний, Царское Село, Петергоф и так далее. Для сравнения. Вспомните, к примеру, Версаль и Зимний дворец. Что поражает во французском дворце – так это полное отсутствие обстановки – мебели, гобеленов и так далее. А знаете, почему ее там нет? Потому что французская революционная власть всю дворцовую обстановку *распродала* под лозунгом «Что взято у народа, то должно быть возвращено народу». А вот большевики сохранили.

Это о старом искусстве. Но требовалось и новое. Другое дело, искусство требовалось не абы какое, а то, что помогало бы большевикам в деле строительства нового общества. Беда была только в том, что большевики сами толком не понимали, что оно – и новое общество, и новое искусство – должно собой представлять. Маркс об этом ничего толком не сказал. Понятно было лишь, что новое искусство должно принципиально отличаться от старого. А чем? Вопрос, конечно, интересный…

Еще одна проблема заключалась в том, что большинство деятелей культуры не спешили бежать к новой власти. Одни сразу поняли, что в новые времена им в России делать нечего. Другие решили выждать – авось это ненадолго. Третьи просто несколько обалдели от происходящего. Часто водораздел происходил отнюдь не на идейной почве. К примеру, Куприн не имел ничего против большевиков. Но в силу личных отношений он подался в эмиграцию. То же приключилось и с Алексеем Толстым. В общем, с деятелями культуры вышло как-то хило. Но кое-кто откликнулся.

Наш пострел везде поспел

Первыми сориентировались в ситуации неугомонные футуристы. Терять им было нечего, даже цепей – за неимением таковых. В наступившей неразберихе они увидели для себя великолепный шанс осуществить свои заветные чаяния: перевернуть искусство, переделать его так, как они считали нужным. Затея имела успех. Левые труженики пера и кисти прибежали по первому зову наркома просвещения Луначарского и сумели убедить новую власть, что они-то и есть настоящее революционное искусство. Особо выбирать большевикам было не из кого – футуристы получили карт-бланш и развернулись на полную катушку.

Ленин выступает на открытии гипсового памятника К. Марксу и Ф. Энгельсу. 1918 г.

Более всего отличились художники и скульпторы. Так, к примеру, знаменитый Татлин к годовщине Октября раскрасил из пульверизатора деревья на Красной площади в красный цвет. Ничего так смотрелось, наверное. Но это было только начало.

В первые годы советской власти была принята так называемая программа «монументальной пропаганды». Ее целью была установка на улицах и площадях Москвы скульптур знаменитых революционеров. Надо сказать, что в те времена под революционерами понимались все, кто в мировой истории боролся за дело трудового народа. От руководителя восстания римских рабов Спартака до анархиста князя Кропоткина. В итоге в Москве возникли многочисленные гипсовые сооружения весьма

странного вида (гипсовые – потому что на бронзу средств не было). Так, памятник Марксу и Энгельсу представлял собой отцов-основоположников, высовывающихся по пояс из какого-то непонятного сооружения античного вида. Народ тут же прозвал творение «два мужика в ванной». Но самый забавный эпизод произошел с памятником анархисту Кропоткину. Памятник был тоже шибко авангардный. Но простояла скульптура недолго. Как-то поутру от нее обнаружили лишь жалкие остатки. Скульптуру взорвали.

Времена были суровые – и в ЧК заподозрили контрреволюционный акт. Расследовать долго не пришлось. В богемном кафе «Домино», что располагалось на Тверской (в романе Алексея Толстого «Хождение по мукам» оно довольно точно описано под именем кафе «Бом»), чекистам тут же сообщили, что памятник рванули… анархисты. Сторонников безвластия в Москве тогда было как собак нерезаных. На Малой Никитской у них было нечто среднее между клубом и «малиной». Жили они весело и плевать на всех хотели, развлекаясь в основном грабежом, простите, экспроприацией ценностей в «буржуйских» домах. Руководил ими, кстати, известный актер Мамонт Викторович Дальский[9], еще до революции прославившийся не только своим талантом, но и разными дикими выходками. А после Октябрьского переворота его темперамент развернулся в полной мере.

Но до поры до времени большевики на развлечения анархистов закрывали глаза. Все-таки вроде как союзники[10]. Так вот, анархисты, увидев футуристическое творение, пришли в сильное негодование, оценив его как глумление над своим любимым вождем. Ребята они были крутые, а потому свое отношение к памятнику выразили четко и конкретно. Группа добровольцев вышла с Малой Никитской, прихватив гранаты. И памятника не стало. Его решили не восстанавливать.

Литераторы тоже не пропали. В Петрограде Маяковский сотоварищи создали газету «Искусство коммуны», которая регулярно выходила, пропагандируя революционное искусство. Издание находилось на содержании Петросовета, который обеспечивал футуристов главным дефицитом издателей того времени – бумагой. С этим у футуристов был полный порядок, как и с распространением – ведь газета числилась чуть ли не официальным органом. Так что ее распространяли наряду с «Правдой» и «Известиями».

Тут, кстати, стоит пояснить. Даже в годы «военного коммунизма» функционировало много негосударственных издательств, пользовавшихся относительной свободой. Конечно,

ничего антисоветского напечатать было нельзя, но в остальном… Нужно было лишь получить разрешение на издание в надзорном органе Центропечати или ее региональных филиалах. Бардак в этих заведениях царил страшный. Эдуард Лимонов в книге «Молодой негодяй» рассказывает о харьковском художнике-футуристе Ермилове, который во время визита Хлебникова в этот город решил издать книгу стихов поэта. Разговаривать с местным комиссаром, отвечающим за издательское дело, Ермилову было лень. Так он просто подделал разрешение. И ничего. Книга вышла, никто и не заметил, что она напечатана «слева». (Это издание мне доводилось видеть на выставках, посвященных Хлебникову.) Вообще, если имелась своя бумага, издавать поэзию можно было сколько душе угодно. К примеру, Николай Гумилев издал в Петрограде в 1918 – 1919 годах ряд своих поэтических сборников, хотя к революции они никакого отношения не имели.

Можно было издавать на государственной бумаге – и за бесплатно, – если доказать, что стихи служат революции. На этом, к примеру, отчаянно играли Есенин и Мариенгоф. Это кстати о населении, которое якобы было до смерти запугано красным террором. Кто-то, возможно, и был запуган, а вот некоторые развлекались как хотели.

А у «Искусства коммуны» таких проблем вообще не было. Для большевиков эта газета и издававшиеся вокруг нее сборники того же Маяковского были своими.

* * *

Замахивались же футуристы на большее. По сути, они метили на то, чтобы стать официальным искусством. Единственным. В этом нет ничего ни нового, ни необычного. Все к этому стремятся. Только не все признаются. Как ни крути, государство – самый лучший заказчик. Пикассо, к примеру, тоже неоднократно заявлял, что был бы очень рад, если бы его произведения пропагандировались «сверху». Да что далеко ходить! Вспомним недавнюю нашу «демократическую творческую интеллигенцию», которая после разговоров о «свободе» начала отчаянную борьбу с конкурентами – писателями с национал-патриотическими взглядами – за государственную поддержку. В Петербурге они ее не получили только потому, что на выборах первого губернатора поставили не на того кандидата.

В. Хлебников в армии

А уж что сейчас творится в кинематографе вокруг выделяемых государством средств – это вообще что-то неприличное. При СССР хотя бы грызлись в кулуарах, а теперь выносят дрязги на всеобщее обозрение.

Другое дело, что футуристы, в отличие от вышеназванных, стремились не к месту у кормушки. Потому что тогда никто не знал, где большевики будут находиться в скором времени – в Кремле или на фонарях. В «культурном обществе» большинство полагало – красные не продержатся и нескольких месяцев. Футуристы нахраписто лезли в официоз, потому что искренне верили: они «знают, как надо». Так думали все модернисты. В этой среде – гораздо больше изломанных судеб, нежели удачных карьер. Такое уж время было, такие уж люди.

Что же касается футуристов, то они совершенно справедливо ощущали внутреннее родство с революцией. Оставим на потом Маяковского. Возьмем другого знаменитого футуриста – Велимира (Виктора) Хлебникова. Одни считают его гением, другие – шизофреником. Хотя одно другому не мешает. Но и те и другие видят его эдаким благостным хиппи, погруженным в свой

мир. В чем-то это верно. Но не совсем… Вот две его поэмы, посвященные революции, – «Ночь перед Советами» и «Настоящее». Первая начинается с того, что старой барыне является не менее старая служанка и меланхолически заявляет: «Барыня, барыня, вас завтра повесят». И далее автор раскрывает, за что такое наказание, а по большому счету – пытается объяснить причины революции. По Хлебникову это – МЕСТЬ. Справедливая месть. Народ платит по старым счетам за все, начиная с крепостного права. И тут ни о каком гуманизме речи не идет.

Вторая поэма – произведение жутковатое. Тихий кроткий Хлебников откровенно любуется революционной «улицей», истребляющей «сытых».

Знайте – сегодня самый страшный грех:
Пощада!
Или вот еще:
Эй, молодчики, купчики!
Ветерок в голове.
В пугачевском тулупчике
Я иду по Москве!

Замечу, что Хлебников и в самом деле был абсолютно бескорыстным человеком и писал только то, что думал. Недаром, когда его занесло в Персию вслед за вступившей туда Красной армией (был такой малоизвестный эпизод Гражданской войны в 1920 году), иранцы прозвали Велимира «урус-дервиш» – русский дервиш. То есть святой человек, который понимает сокровенную правду и говорит ее людям. Так вот «дервиш» расценивал происходящие события так, как он их расценивал. А ведь он шатался по стране в самые лихие времена – и видел все, как оно было на самом деле. Это потом пастернаковский доктор Живаго будет судить обо всем с точки зрения гуманизма. А вот Хлебников, в отличие от Пастернака видевший все своими глазами, был другого мнения.

* * *

Будучи на подъеме, футуристы пытались для большей солидности разрабатывать теорию революционного искусства. Тут ничего путного не вышло. Теоретические статьи в «Искусстве коммуны» были непонятны, наверное, даже самим авторам. Это была многословная наукобезобразная галиматья. С практикой тоже особо не получилось. Можно по-разному относиться к

творчеству футуристических писателей и художников. К последним, кстати, кроме Малевича в то время принадлежали Филонов и Кандинский. Но в любом случае футуристы, скажем так, сложны для понимания. В деле «воспитания масс» левые деятели искусств особо помочь не могли. Хотя из их разработок выросло многое. Но в первые послереволюционные годы не существовало даже этих разработок. Они появятся позже. Пока что роман советской власти и футуристов медленно, но верно заходил в тупик. «Вы нас не понимаете? Так учитесь!» – отвечали футуристы с милой непосредственностью на все упреки. Большевиков такая позиция не устраивала. Хотя тот же Маяковский искренне хотел помочь. Чего только стоит его работа в «Окнах РОСТА»!

* * *

Кстати, модернисты и в Европе тяготели к крайним революционным партиям. Которые, заметим, там не пришли к власти. Но тем не менее. Начнем с итальянских единомышленников футуристов. Российские футуристы и до революции от этого родства всеми силами открещивались. Хотя общие черты просто бросаются в глаза. Скорее всего, потому, что наши не желали быть «филиалом» заграницы (там футуристы появились раньше), они сами хотели играть лидирующую роль. Что же касается идейного багажа, то он не так уж и различался. Идеолог итальянских футуристов Томазо Маринетти, разумеется, провозглашал свое направление «искусством будущего». Он тоже предлагал «скинуть с парохода» все, что только можно. И не только скинуть, но заодно уж и сжечь музеи и библиотеки. Чтобы не мешались под ногами. Впрочем, в Италии к этому относились как-то более спокойно, нежели в России. Возможно, потому, что там старого искусства настолько много, что от него рябит в глазах. Когда прекрасного слишком много, оно перестает таковым восприниматься.

Так вот, итальянские футуристы присоединились к Муссолини, едва только он начал раскручивать фашизм. И активно помогали дуче в его нелегком деле. Впрочем, Муссолини увлекались тогда многие. Например, писатель и террорист Борис Савинков. Да у Бердяева есть восторженная статья про фашизм, о которой очень не любят вспоминать.

Во Франции в двадцатых годах пышно расцвел сюрреализм. На первый взгляд это течение, зацикленное на копании в собственном подсознании, на плохо понятом фрейдизме, никоим

образом не стыкуется с политическим радикализмом. Но тем не менее. Во главе со своими лидерами Анри Бретоном и Луи Арагоном сюрреалисты стройными рядами двинулись в коммунистическую партию Франции. Первая крупная выставка сюрреалистов прошла в здании ФКП. Они очень много сделали для того, чтобы эта партия стала одной из самых крупных красных европейских организаций. Впоследствии Арагон отошел от сюрреализма и стал основателем французского социалистического реализма – было и такое. А вот Бретон после высылки Троцкого и раскола коммунистического движения примкнул к троцкистам как к самым радикальным и отмороженным.

После Первой мировой войны в Германии возникло поэтическое направление экспрессионизм, представляющее из себя «чернуху» в чистом виде. «Все дерьмо, будущего нет». Представители этого течения метались между коммунистами и молодыми нацистами. Лучший из экспрессионистов, поэт Готфрид Бенн, восторженно принял победу Гитлера. Правда, потом отношения у него с нацистами испортились, но тут никто не виноват. Ну не понравился Готфрид Бенн Геббельсу. Пришлось поэту оставить литературу и идти служить в вермахт, где он дослужился до полковника медицинской службы.

В чем причины такой любви «крайних» деятелей искусств и таких же политиков? Модернисты чуяли в политических радикалах своих. Коммунисты, фашисты, нацисты – все они планировали разрушить мир «до основанья» – и на руинах построить новый. Все «ультра» кричали о своей лютой ненависти к обывателям, обещая более высокий смысл существования человека, нежели удовлетворение своих материальных потребностей. Кроме всего прочего, «ультра» – это была СИЛА. Прямая, простая и грубая. Радикалы намерены были добиваться своих целей, не оглядываясь ни на законы, ни на мораль. Это завораживало. И завораживает. Помните, случай с Есениным, с которого я начал книгу? Проклинать и ниспровергать куда сподручнее, когда за твоей спиной стоят крепкие боевики.

* * *

Что же касается России, то золотое время для футуристов кончилось в 1922 году. До этого главным их другом в советском правительстве был нарком (министр) просвещения Анатолий Луначарский. Вообще-то он был человеком старшего поколения, совершенно лишенным размашистого революционного

нигилизма. Тем не менее футуристов он продвигал. Возможно, потому, что очень ценил Маяковского и Хлебникова – просто как поэтов. Возможно, полагал, что у них пройдет «детская болезнь левизны» – и они станут поспокойнее. Остальным видным большевикам было как-то не до искусства. Но в конце концов Троцкий отдал приказ написать итальянским коммунистам – попросить узнать, какую политическую позицию занимают итальянские футуристы? Неизвестно, был ли ответ, но если был – он явно Троцкого не порадовал. А тут еще в дело вмешался Ленин. Владимир Ильич, хоть и был типичным модернистом в политике, в искусстве придерживался достаточно консервативных взглядов – он любил нормальный реализм образца XIX века. И что важнее, как опытный политик, Ленин прекрасно понимал, что с футуристами каши не сваришь. Мало того что они сами были малопонятными простому народу, так еще своими закидонами отпугивали других деятелей культуры, которые стали потихоньку менять свое отрицательное отношение к власти. В общем, Ленин заявил, что Луначарского «надо за футуризм сечь». Вот и вся любовь. Как сели футуристы на холку власти, так и слетели. Нет, никаких карательных мер к ним не применили. Просто сняли режим наибольшего благоприятствования, предоставив им крутиться как знают.

Романтики монгольской орды

Была и еще одна группа литераторов, принявшая революцию с самого начала. Речь идет о группе «Скифы». Интересно в ней уже то, что отцами-основателя ми в ней были отнюдь не молодые нигилисты. Совсем наоборот. Основателем группы являлся малоизвестный персонаж Р. Иванов-Разумник. Зато в числе его сподвижников значились «живые классики», уже завоевавшие себе место на полке российской словесности, – Александр Блок и Андрей Белый. Кроме того, присутствовали «деревенщики» – Николай Клюев, Сергей Клычков и Сергей Есенин. «Скифы» ориентировались на левых эсеров, которые после революции числились в союзниках большевиков. В эсеровских партийных изданиях они и печатались.

А. Блок. 1921 г.

Идея, вокруг которой собралась группа, лучше всего изложена в стихотворении Блока «Скифы». Произведение и сегодня звучит современно, потому что доступно и образно излагает учение, весьма популярное сегодня в интеллектуальных кругах – так называемое евразийство. Суть его, если объяснять на пальцах, в том, что Россия (точнее, территория Российской империи) – это особая самодостаточная цивилизация, которая Европу в гробу видала. У России свой путь и за ней будущее.

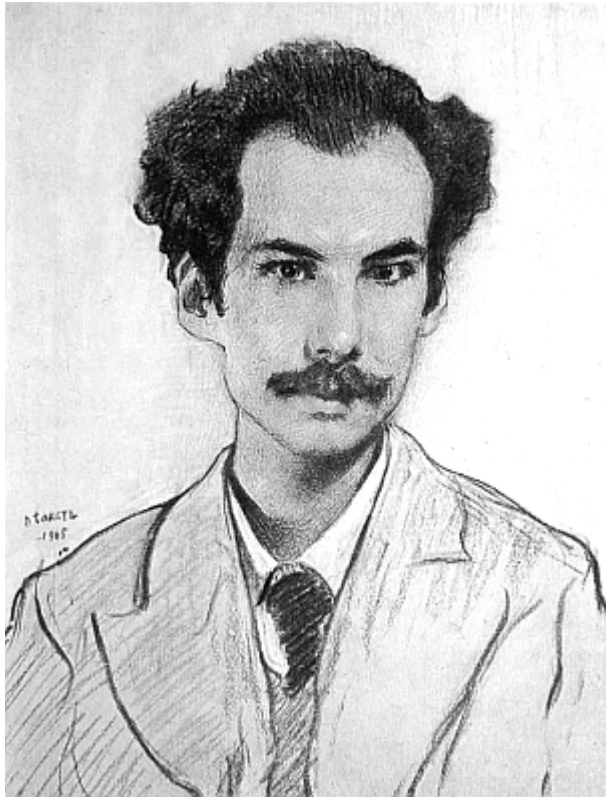
Нечто подобное говорили еще славянофилы. Но в свете революции старые идеи зазвучали на новый лад. Блок и остальные члены группы, в отличие от большинства представителей интеллигенции, видели в революции не «гибель России», а наоборот – ее возрождение. Революция пропахала все старое и замшелое, в стране проснулись новые силы, которые себя покажут. Тема стихотворения «Скифы» – вы, ребята-европейцы, лучше нас не трогайте. Наши дела – это наши дела, и нечего в них соваться. А то хуже будет.

Мильоны – вас. Нас – тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!

Стихотворение написано с позиции силы. Блок от имени этих «мильонов» вроде бы приглашает Европу дружить. Точнее, делает предложение, от которого невозможно отказаться. «А если нет…» Ну тогда вы попляшете. Западная культура по Блоку – это тупик. У России после революции появился шанс создать альтернативную цивилизацию – в итоге Запад окажется в проигрыше. Вообще-то идея, которую иллюстрирует стихотворение «Скифы», называется русским империализмом.

К старой Российской империи Блок относился без особого энтузиазма. К тому же после февральского переворота он вместе с Алексеем Толстым был секретарем комиссии Временного правительства, которая расследовала деятельность высшей власти Российской империи в предреволюционные годы. Так что Блок из первых уст знал о продажности, подлости и глупости тогдашней элиты. Заметим, что граф Алексей Толстой тоже все это слышал. Что удивляться, что он стал «красным графом»? Не сразу, а когда пришло время.

Потому-то Блок вполне одобрял революцию, которая все это смела. Оттого-то и его поэма «Двенадцать» с образом Христа, идущего под красным флагом. Каких только глупостей не наговорили об этом! Между тем современники все оценили очень точно. После появления «Двенадцати» многие из прежних добрых знакомых Блока, те, кто революцию не принял, сделались его непримиримыми врагами. Они поняли, что Блок – на другой стороне.



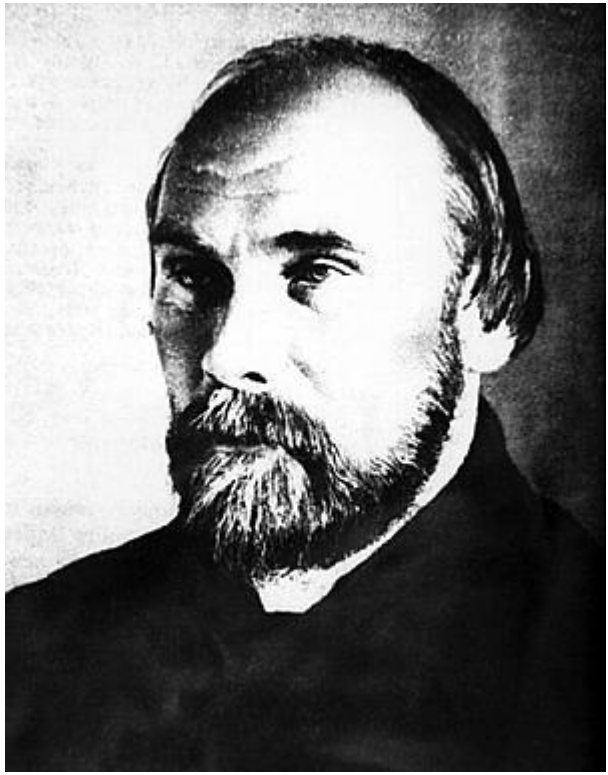
А. Белый. Рис. Л. Бакста

Разумеется, Блок не был сторонником коммунистической концепции революции, которая должна быть только первым этапом к мировой. Для него, как и для других членов группы «Скифы», вся эта интернациональная ориентация была только этапом, «болезнью роста». Правда, далее члены группы расходились в разные стороны. Что же касается Блока – в апокалипсических образах стихотворения «Скифы» видится предчувствие новой империи. Кстати, нарком культуры Луначарский придерживался примерно таких же взглядов.

Группа «Скифы» просуществовала недолго. Ее членов несло в разные стороны. Есенину будет посвящена отдельная глава. Стоит упомянуть еще об одном деятеле – поэте Николае Клюеве.

Этот человек удачно сочетал в себе большой поэтический талант и незаурядное чутье на то, как его пристроить. До революции он вошел в моду благодаря увлечению элиты допетровской, «исконной» Россией. Увлечение было, конечно, поверхностным. В качестве иллюстрации можно вспомнить Федоровский городок в Царском Селе – резиденцию последнего императора, – выстроенный в псевдорусском, «петушином» стиле, или яркие развеселые картины художника М. Рябушкина из

жизни стрельцов и русских царей.



Н. Клюев

Клюев сориентировался в ситуации и стал косить «под мужика». Даже свою квартиру в центре Москвы он превратил в нечто вроде опереточной избы. Имел успех – в том числе и в придворных кругах.

После революции началась игра всерьез. Клюев был из старообрядцев, да еще в молодости плотно общался с хлыстами – самой сильной из тогдашних тоталитарных сект. Хлысты, как и наиболее радикальные старообрядцы, революцию приняли с большим одобрением. Для них крах старого режима, а с ним и государственной религии – православия – был предвестником торжества «истинной веры». Твердокаменный атеизм большевиков их не пугал. Они полагали, это пройдет. А потом придут они.

Есть в Ленине керженский дух,
Игуменский окрик в декретах,
Как будто истоки разрух
Он ищет в Поморских ответах, —

пишет Клюев. Тут что показательно? Что очень многие из тех, кто принял революцию, видели в ней (и в Ленине, как ее символе) – СВОЕ. Кстати, ни хлысты, ни радикальные старообрядцы не являлись особенными гуманистами. Поэтому кровавая пляска революции Клюева не ужасала. Ну и что? Зато потом воссияет «истинная вера».

В личности Клюева много театральности. Трудно понять, где кончались его убеждения, где начиналась игра на публику. Так или иначе, он заигрался – уже в конце двадцатых угодил в ссылку на Север. Где разгуливал с иконкой на груди, что тоже выглядит дешевой театральщиной. Кончил он плохо – погиб в лагерях.

Вот тут можно вспомнить набившие оскомину причитания: люди поверили в революцию, а потом… А потом история пошла не так, как им хотелось бы. И начались разногласия. Ну а если бы вдруг пошло ТАК? Пока ход событий их удовлетворял – никаких претензий к власти не имелось. Обычное дело.

В 1918 году «Скифы» распались. Их идеи, уже на другом уровне, всплывут много позже – когда начнется та самая эпоха, которую предчувствовал Блок.

Николай Гумилев. Человек, шедший поперек

Да, я знаю, я вам не пара!
Н. Гумилев

Странная биография

Рассказ об этой эпохе невозможен без упоминания о человеке, которого в последнее время принято считать «первой жертвой большевиков» среди творческих людей. Да только вот на самом-то деле в его гибели виноваты, мягко говоря, не только чекисты…

Вся биография Николая Степановича Гумилева полна парадоксов. Он жил своеобразно – двигался не по течению, не против него, а, если можно так сказать, поперек. Из двух возможных вариантов поведения он умудрялся выбирать третий.

Свою литературную деятельность Гумилев начинает как молодой, но подающий большие надежды поэт символистского толка. Свой первый сборник, «Путь конквистадоров», он выпускает в 1905 году, когда все – даже самые упертые адепты «чистого искусства» – были заморочены политикой. Гумилев этого увлечения с успехом избежал. Потолкавшись еще в гимназическое время по марксистским кружкам, он вынес к любой политике стойкое отвращение. Далее все идет так, как и должно идти у молодого литератора. Николай Степанович плотно вписывается в питерскую тусовку символистов и довольно быстро занимает в ней видное положение. В общем, успешно делает литературную карьеру.

И тут в конце 1909 года Гумилев совершает совершенно неожиданный поворот: он едет в Африку, куда потом отправится еще не раз. Заметим, это были отнюдь не туристические поездки. Это были серьезные исследовательские экспедиции, которые в начале XX века сумели добраться до «белых пятен» на картах – мест, где еще никогда не видали белых. А там, где видали, встречали не всегда хлебом-солью, а иногда и копьями.

Вождь их с рыжею шапкой косматых волос
Смертный мне приговор произнес,
И насмешливый взор из-под спущенных век
Видел, сколько со мной человек.
Завтра бой, беспощадный, томительный бой
С завывающей черной толпой.

Под ногами верблюдов сплетение тел,
Дождь отравленных копий и стрел.

Выбор жизненного пути, прямо скажем, неожиданный. Представители круга, к которому принадлежал Гумилев, обычно в то время либо начинали бодро клепать денежку, либо погружались в пучину тогдашней бурной литературно-философской жизни. Или, в крайнем случае, шли «бороться за народное дело». Экзотика дальних странствий была как-то уже не в чести. Тем более что от этих путешествий очень отдает стратегической разведкой. Но видимо, все три дороги Гумилева как-то не привлекали. Мне приходилось слышать мнение, что ему просто надоело играть в поэта. Может быть.

Правда, вернувшись в Россию, Николай Степанович в 1912 году пытается поднять шорох в литературных кругах, провозгласив новое поэтическое направление – акмеизм (он же аполлонизм) и объявив войну своим прежним товарищам по литературе. Направление было, честно говоря, высосано из пальца. Если на него и обратили внимание, то благодаря жене Гумилева Анне Ахматовой. ТАКИХ женских стихов в русской литературе еще не было.

К тому же вскоре начали громко шуметь футуристы – по сравнению с их грамотно организованной пиар-кампанией возня с акмеизмом выглядела дилетантской забавой. И Гумилев снова уехал в Африку. Видимо, там ему было интереснее. Вернулся он незадолго до того, как в Европе заговорили пушки.

Н. Гумилев

С началом войны Гумилев отправляется на фронт. Как я уже упоминал, подавляющее большинство русских литераторов, хоть многим и пришлось надеть погоны, до фронта как-то не добрались. А Гумилев воевал не где-нибудь, а во фронтовой разведке лейб-гвардии уланского полка. Кстати, на фронт он ушел рядовым (точнее, вольноопределяющимся[11]).

Воевал Николай Степанович лихо. Он славился своей бесшабашной храбростью даже среди разведчиков-улан – а в этой среде запредельная храбрость считалась нормой. За два года Гумилев получает два солдатских Георгиевских креста – а такие награды кому попало не давали (во время Второй мировой войны аналогом Георгия был орден Славы – одна из самых почетных наград). Первый крест Гумилев получил за удачную разведку, второй – за спасение пулемета под артиллерийским огнем при отступлении. Офицерское звание он тоже заслужил на поле боя. Казалось бы, человек нашел свое место в жизни. Так, по крайней мере, кажется при чтении его «Записок кавалериста». В этих записках нет никакой ремарковщины – надрыва и описания ужасов войны. Человек спокойно делает свое дело – и это дело ему нравится. Таких «людей войны» в Первую мировую появилось немало. Обычно они потом никак не могли остановиться. Но с Гумилевым вышло не так.

Революцию Гумилев встретил во Франции, где находился в

составе русского экспедиционного корпуса. Был такой. Русское правительство послало солдат во Францию, где они и застряли. И тут Гумилев совершает поступок, от которого чешут в затылках его биографы, – он возвращается в Советскую Россию.

Дело в том, что этот шаг был непростым во всех отношениях. Война-то продолжалась – и французское правительство делало все, чтобы не допустить утечки русских военнослужащих, тем более таких ценных кадров, как Гумилев. Они были и французам нужны. С другой стороны, сведения о событиях в России, доходившие до Франции, были сами понимаете какие. Большевики в глазах французов выглядели предателями, заключившими сепаратный мир с Германией, и вообще – помесью демонов и людоедов.

Появившиеся первые беженцы, разумеется, тоже вряд ли рассказывали о новой власти хоть что-нибудь хорошее. Можно было бы еще понять, если бы Гумилев подался на Дон, где уже поднималось Белое движение. Кстати, оказавшиеся в Париже русские офицеры как-то к белым особо не рвались, предпочитая пересидеть события во Франции. Но он кружным путем – через Лондон и Мурманск – пробрался-таки в Петроград. Почему? А вот так. Снова он выбрал самый неожиданный из всех возможных вариантов.

Итак, Гумилев оказался в революционном Петрограде со всеми его «прелестями» и революционными закидонами. И начинает там заниматься делом, менее всего соответствующим духу эпохи, – работает в издательстве «Всемирная литература». Было такое, которое по инициативе Луначарского и Горького существовало, по сути, как своего рода заповедник для литераторов. Там трудились те, кто революцию поддерживать не спешил, но Луначарский полагал, что стоит их приберечь на всякий случай. Работа в этом издательстве не давала умереть с голоду в очень трудные времена – там давали паек, который значил куда больше, нежели деньги. И что не менее ценно, работа в этой конторе обеспечивала социальный статус при новой власти, которая к болтающимся без дела представителям «имущих классов» относилась очень подозрительно. А от подозрения до стенки в годы военного коммунизма путь был очень короток.

Но «Всемирная литература» – это был именно заповедник для тех, кто ничего не умел, кроме как читать чужие книги и писать свои. Гумилев был совсем из иного теста. Он бежал от этих людей в 1913 году – и теперь к ним вернулся.

В то время кое-кто из представителей интеллигенции революцию принял. Большинство – не приняли. Гумилев снова

пошел поперек – он ее просто не замечал. Он стал заниматься чистой литературой.

Гумилев публикует свои старые стихи, которые ни с какого края не соответствуют духу эпохи, – посвященные своим путешествиям, которые на фоне событий Гражданской войны выглядят турпоходом в пригород. Кроме того, Гумилев возрождает свой эстетский «Цех поэтов». И даже становится в некотором роде начальником – председателем Петроградского отделения Всероссийского союза поэтов. Впрочем, тогда это была одна из многих литературных тусовок, которая особой роли не играла. Ни в литературе, ни тем более в политике.

ЧК бьет с носка

И вот тут-то начинается самое интересное. В ночь с 3 на 4 августа Гумилев арестован Петроградской ЧК. Ему предъявляют обвинения в принадлежности к контрреволюционной организации…

Стоит пояснить обстановку того времени. 1921 год явился одной из критических точек в истории советской власти. По сути дела, в стране началась вторая гражданская война. Большевики немного погорячились с политикой продразверстки – это когда у крестьян изымали весь хлеб, оставляя только на пропитание. Частенько случалось, что и этого не оставляли. Это понятно. В составе продотрядов шли идейные коммунисты, мечтающие о мировой революции. А мужики, гады такие, столь высоких материй не понимали и хлеб отдавать не желали. В общем, по стране начались крестьянские восстания. В феврале 1921 года восстал Кронштадт. История этого восстания довольно запутанна. С одной стороны, участвующие матросы выдвинули лозунг «Советы без коммунистов» – они, возбужденные письмами от деревенских родственников, искренне негодовали на власть. Но, как всегда бывает, тянулись ниточки и к эсерам, не смирившимся, что их отодвинули от власти, и к иностранным разведкам. Шла большая политическая игра, в которой матросиков откровенно подставили. Подбивая их на восстание, лидеры утверждали, что в Питере, мол, все схвачено. Вы начните, а там поддержат. Не стоит думать, что противники большевиков были все такими белыми и пушистыми. В любом случае вторая гражданская война не принесла бы России ничего хорошего. Потому что у большевиков было много сторонников – и так просто они бы не сдались. Вышло бы как в Китае того времени, где вялотекущая гражданская война шла около тридцати (!) лет. И кстати, что она все-таки закончилась, что Китай остался единым государством, «виноват»

товарищ Сталин. Если бы не его помощь Мао, они бы там еще тридцать лет таким образом развлекались.

Можно понять, какое настроение в 1921 году царило в Петроградской ЧК. По всему получалось, что в городе существует разветвленный заговор. Его и бросились искать. И нашли.

* * *

Чуть ли не аксиомой считается, что никакого заговора, никакой «Петроградской боевой группы» в природе не существовало. Дескать, чекисты сфабриковали дело по своей природной злобности – потому что спали и во сне видели, как бы поскорее уничтожить «соль земли Русской» – интеллигенцию. Больше им делать было нечего. Кто-то договорился даже до того, что это, мол, была «репетиция тридцать седьмого года».

Но все-таки – была ли контрреволюционная организация? И да, и нет. Такой вот парадокс. В письме бежавшего из Петрограда в 1921 году участника Таганцевской организации профессора-германиста Б.П. Сильверсвана писателю А.В. Амфитеатрову, написанном в 1931-м, сообщалось, что организация реально существовала и даже охватывала армию. Поэт Георгий Иванов, близкий друг Гумилева, пишет: «Я был участником несчастного и дурацкого Таганцевского заговора, из-за которого он погиб. Если меня не арестовали, то только потому, что я был в «десятке» Гумилева, а он, в отличие от большинства других, в частности самого Таганцева, не назвал ни одного имени».

Инициатор всей этой затеи, геолог, академик В.Н. Таганцев, влез в политику в 1919 году. Туда его вовлекли знакомые, принадлежащие к так называемому «Национальному центру» – еще одной антибольшевистской структуре, которая, впрочем, ничем серьезным себя не проявила, кроме антисоветской болтовни. В 1920 году Таганцев начал создавать собственную организацию – «Петроградский боевой центр». Отцы-основатели руководствовались самыми лучшими побуждениями, но, как это всегда бывает, с самого начала к их играм оказались причастны люди из иностранных разведок, у которых цели были далеко совсем не такие благородные. И далее вышло как всегда. Группа начала создавать подпольные банковские конторы для того, чтобы добыть средства на борьбу, и попыталась приступить к активной вербовке новых членов. Организация была связана с лидерами кронштадтского восстания, планируя поддержать его выступлением в городе. Вот протокол допроса Таганцева по поводу Гумилева:

«Поэт Гумилев после рассказа Германа обращался к нему в конце ноября 1920 г. Гумилев утверждает, что с ним связана группа интеллигентов, которой он сможет распоряжаться и в случае выступления согласна выйти на улицу, но желал бы иметь в распоряжении для технических надобностей некоторую свободную наличность. Таковой у нас тогда не было. Мы решили тогда предварительно проверить надежность Гумилева, командировав к нему Шведова для установления связей. В течение трех месяцев, однако, это не было сделано. Только во время Кронштадта Шведов выполнил поручение: разыскал на Преображенской ул. поэта Гумилева, адрес я узнал для него во «Всемирной литературе», где служит Гумилев. Шведов предложил ему помочь нам, если представится надобность в составлении прокламаций. Гумилев согласился, что оставляет за собой право отказаться от тем, не отвечающих его далеко не правым взглядам. Гумилев был близок к совет. ориентации. Шведов мог успокоить, что мы не монархисты, а держимся за власть Сов. Не знаю, насколько мог поверить этому утверждению. На расходы Гумилеву было выделено 200 000 советских рублей и лента для пишущей машинки. Про группу свою Гумилев дал уклончивый ответ, сказав, что для организации ему потребно время. Через несколько дней пал Кронштадт. Стороной я услыхал, что Гумилев весьма отходит далеко от контрреволюционных взглядов. Я к нему больше не обращался, как и Шведов и Герман, и поэтических прокламаций нам не пришлось ожидать.

В. Таганцев
6.VIII.1921».

«В дополнение к сказанному мною ранее, Гумилеве как о поэте добавляю, что насколько я помню в разговоре с Ю. Германом сказал, что во время активного выступления в Петрограде, которое он предлагал устроить к восставшей организации, присоединится группа интеллигентов в полтораста человек. Цифру точно не помню. Гумилев согласился составлять для нашей организации прокламации.

Получил он через Шведова В.Г. 200 000 рублей.

Таганцев
23 авг. 21».

Странное впечатление оставляют эти документы, не правда ли? С одной стороны, академик признается, что он звал Гумилева отнюдь не в поэтический кружок. С другой… Как-то все это несерьезно. Именно эта несерьезность подтверждает, что протокол допроса не сфальсифицирован. Чекисты при желании могли бы придумать что-нибудь пострашнее. Благо деятели реальных антибольшевистских структур были во множестве отловлены – и дали подробные показания. Так что при желании можно было переписать оттуда что-нибудь более впечатляющее.

А вот что показывал сам Гумилев:

> «Месяца три тому назад ко мне утром пришел молодой человек высокого роста и бритый, сообщивший, что привез мне поклон из Москвы. Я пригласил его войти, и мы беседовали минут двадцать на городские темы. В конце беседы он обещал мне показать имеющиеся в его распоряжении русские заграничные издания. Через несколько дней он действительно принес мне несколько номеров каких-то газет. И оставил у меня, несмотря на мое заявление, что я в них не нуждаюсь. Прочтя эти номера и не найдя в них ничего для меня интересного, я их сжег.
>
> Приблизительно через неделю он пришел опять и стал спрашивать меня, не знаю ли я кого-нибудь, желающего работать для контрреволюции. Я объяснил, что никого такого не знаю, тогда он указал на незначительность работы: добывание разных сведений и настроений, раздачу листовок и сообщил, что эта работа может оплачиваться. Тогда я отказался продолжать разговор с ним на эту тему, и он ушел. Фамилию свою он назвал мне, представляясь. Я ее забыл, но она была не Герман и не Шведов.
>
> *Н. Гумилев*
>
> *9 августа 1921*».

> «В добавление сообщаю, что я действительно сказал Вячеславскому, что могу собрать активную группу из моих товарищей, бывших офицеров, что являлось легкомыслием с моей стороны, потому что я встречался с ними лишь случайно и исполнить мое обещание мне было бы крайне затруднительно. Кроме того, когда мы обсуждали сумму расходов, мы говорили также о миллионе работ.
>
> *Гумилев*

Допросил Якобсон 18.8.1921 г.».

Вот так, видимо, дело и обстояло. То есть получается, что формально-то организация и существовала. А вот ее силы были довольно сомнительны. Один сказал, что за ним есть люди, другой… А сколько их было на самом деле? Бог весть.

Рискну высказать циничное предположение: кто-то из лидеров организации получил из-за бугра деньги на «проект» и теперь их «отбивал». Знакомое дело. Граждане просто не понимали, в какие игры ввязались.

Судя по всему, Гумилев это тоже не слишком понимал. Как свидетельствуют близко знавшие его люди, поэт был достаточно беспечным человеком. Злую шутку сыграло и его демонстративное отвращение к политике. Гумилев, возможно, просто не представлял накала и свирепости борьбы.

К тому же члены «Петроградской боевой группы», едва попав в ЧК, тут же начали сдавать всех – кто был с ними и кто не был. Как декабристы до этого, как диссиденты впоследствии. Не выдал своих ТОЛЬКО Гумилев! Так что размеры организации могли вырасти в этих показаниях до чудовищных размеров. Если Николай I в случае с декабристами имел терпение во всем досконально разобраться, то чекисты были ребятами другой формации. Они сначала действовали, а потом разбирались. Кстати, контрразведка Добровольческой или колчаковской армий действовала не менее лихо.

Торопливость и крутость действий чекистов может объясниться еще и тем, что они элементарно заметали следы. В тогдашних органах работали не только убежденные большевики. Немало, к примеру, там трудилось бывших левых эсеров, которые полагали, что большевики – это временное явление, потом придет их очередь. Они могли иметь отношение к таганцевской организации – и торопились закрыть дело, чтобы до них не добрались.

В случае же с Гумилевым есть еще один темный эпизод. Я уже упоминал, что в 1921 году он занял пост председателя Петроградского отделения Всероссийского союза поэтов, сменив на этом посту Александра Блока. Как свидетельствует Георгий Иванов, «перевыборы были подстроены некоторыми членами «Цеха», которым надобно было завладеть печатью Союза, чтобы при помощи ее обделывать дела мошеннического и коммерческого свойства. Для этого они прикрылись именем и положением Гумилева. Гумилева же, как ребенка, соблазнили титулом председателя…».

Мы вряд ли точно узнаем, что там за дела крутились.

Вспомним про подпольные банковские конторы, которые создавал Таганцев. В таких делах политика всегда мешается с откровенным криминалом. Возможно, Гумилев слишком много знал…

24 августа Гумилев вместе с другими участниками заговора – или к ним причисленными – был расстрелян.

Если подвести итог, Гумилев всю жизнь шел навстречу опасности. Долгое время судьба его хранила. Но тут пришло время, когда подобные игры чреваты. Пламя сжигает.

Претенденты на монополию

Странное время

Сегодня весь советский период истории часто стараются представить чем-то единообразным. Мол, как только большевики пришли к власти – сразу и возникла система в ее законченном виде. Это очень хорошо видно по многочисленным «историческим» телепередачам, где, к примеру, рассказ о событиях два дцатых годов сопровождают хроникой следующего десятилетия. Особо налегая на показ товарища Сталина, который в двадцатых был далеко не «самым главным» вождем. Именно на таком фоне и паразитируют версии об убийстве Есенина, Маяковского и заговоре чекистов против Гумилева.

На самом деле двадцатые годы и сталинская эпоха отличаются друг от друга куда сильнее, нежели последняя – и брежневская. Потому что застой – это всего лишь сталинская система, прогнившая и разложившаяся до последней степени. А двадцатые годы были принципиально иными. Не лучше и не хуже – просто иными. Главное отличие – в двадцатых годах революция все еще продолжалась, только в иных формах. К примеру, отчаянная грызня между вождями была тогда не подковерной борьбой, она выплескивалась в широкие партийные массы.

Начнем с того, что привычного для тех, кто жил при застое, единомыслия средств массовой информации не было и в помине. Споры куда идти и что делать дальше – продолжали бушевать. И не только на самом верху – а всюду. В повести Малашина «Луна с правой стороны», в которой очень ярко описаны жизнь и нравы тогдашнего студенчества, есть колоритный эпизод. Комсомолец с комсомолкой после занятий любовью, не успев вылезти из кровати, начинают дискуссию о троцкизме. Да что там повесть! Мой дед, вступив в ВКП(б) в 1917 году, в двадцать первом вышел из партии – ввиду несогласия с политикой нэпа. Дескать, за что боролись? В двадцать четвертом, правда, снова вступил – по «ленинскому призыву»[12]. Такой эпизод в его биографии не являлся в те времена особой диковинкой. Подобным образом поступали многие. И деду, кстати, ничего за это не было ни в какие времена. Такое вот царило разномыслие.

И нравы царили специфические. Можно привести такой яркий пример. В двадцатых годах среди комсомольской молодежи была весьма популярна книга Александры Коллонтай «Любовь пчел трудовых». Кроме всего прочего, там пропагандировалась

свободная любовь. Книжку не только читали, но и активно претворяли ее положения в жизнь. Нравы в студенческих общагах царили такие, что сегодняшней сексуальной революции и не снилось. Ревность, к примеру, считалась буржуазным пережитком. Правда, были и тонкости. Можно было заниматься групповухой с товарищами по борьбе, но вот если комсомольца замечали просто прогуливающимся под ручку с нэпманской дочкой – мало ему не показывалось. В 1922 году в Москве прошла демонстрация парней и девушек в костюмах Адама и Евы – членов общества «Долой стыд». В Петрограде на Марсовом поле устроили такой же пикничок. Знаете, как отреагировали власти? Нарком здравоохранения Семашко опубликовал статью в «Правде», в которой заявлял: в нашем климате ходить голым вредно для здоровья, чревато простудой. И все.

Что же касается литературы, то тут и вовсе не стеснялись. Анатолий Мариенгоф писал:

«В Москве поэты, художники, режиссеры и критики дрались за свою веру в искусство с фанатизмом первых крестоносцев.

Если очередной диспут был платным, сплошь и рядом эскадрон конной милиции опоясывал общественное здание. Товарищи с увесистыми наганами становились на места билетерш, смытых разбушевавшимися человеческими волнами.

О таких буйных диспутах, к примеру, как «Разгром Левого фронта», вероятно, современники до сих пор не без увлечения рассказывают своим дисциплинированным внукам.

В Колонный зал на «Разгром» Всеволод Мейерхольд, назвавший себя мастером, привел не только актеров, актрис, музыкантов, художников, но и весь подсобный персонал, включая товарищей, стоявших у вешалок.

Следует заметить, что в те годы эти товарищи относились к своему театру несравненно горячей и преданней, чем относятся теперь премьеры и премьерши с самыми высокими званиями.

К Колонному залу мейерхольдовцы подошли стройными рядами. Впереди сам мастер чеканил мостовую выверенным командорским шагом. Вероятно, так маршировали при императоре Павле. В затылок за Мейерхольдом шел знаменосец – вихрастый художник богатырского сложения. Имя его не сохранилось в истории. Он величаво нес длинный шест, к которому были прибиты ярко-красные лыжные штаны, красиво развевающиеся в воздухе.

У всей этой армии Левого фронта никаких билетов, разумеется, не было. Колонный был взят яростным приступом. На это ушло минут двадцать. Мы были вынуждены начать с опозданием. Когда я появился на трибуне, вихрастый знаменосец

по знаку мастера высоко поднял шест. Красные штаны зазмеились под хрустальной люстрой.

– Держись, Толя, начинается, – сказал Шершеневич.

В ту же минуту затрубил рог, затрещали трещотки, завыли сирены, задребезжали свистки.

Мне пришлось с равнодушным видом, заложив ногу на ногу, сесть на стул возле трибуны.

Публика была в восторге. Скандал ее устраивал значительно больше, чем наши сокрушительные речи.

Так проходил весь диспут. Я вставал и присаживался, вставал и присаживался. Есенин, засунув четыре пальца в рот, пытался пересвистать примерно две тысячи человек…»

Большую роль сыграл нэп – частичное возрождение частного предпринимательства. Появилась возможность создания негосударственных издательств и периодических журналов.

Поэтому разномастные литературные группировки расцвели пышным цветом – они теперь имели возможность пропагандировать свои идеи в печатном виде. И, понятное дело, начали с того, что стали увлеченно ругаться друг с другом. А люди тогда были горячие. Накал страстей, царивший в печати и диспутах, сегодня и сравнить-то не с чем. Разве что с митинговой демократией конца восьмидесятых. В двадцатых о политкорректности, не к ночи будь она помянута, никто и не слышал. Словом, было весело.

С другой стороны, появление нэпманов, тогдашних «новых русских», повлекло за собой большое брожение умов, в том числе и у писателей. Одни надеялись, что все возвращается на круги своя, другие негодовали, полагая, что утрачиваются революционные идеалы. Это будет заметно на творчестве многих – в том числе Маяковского и Есенина.

Еще одной особенностью двадцатых годов было то, что тогдашние общественные организации, в частности профсоюзы, были и в самом деле общественными, а не чиновничьими структурами – а потому имели значительную степень свободы. Вспомним бессмертного героя «Двенадцати стульев» поэта Ляписа-Трубецкого, таскающего по редакциям стихи о Гавриле. Вообще-то герой списан с одного очень известного тогдашнего деятеля – после выхода романа вся литературная Москва показывала на него пальцами. Если вы не догадались, я подскажу ответ, когда до него дойдет речь. Сейчас я о другом: а что это были за издания, куда поэт пристраивал свою «Гаврилиаду»? Почему они все расположены в одном здании?

Все просто. Дом народов, по которому ходит пиит, – это Московский дворец труда, штаб-квартира профсоюзов. А журналы

– издания отраслевых профсоюзов, работников народного образования, здравоохранения, машиностроения и так далее. Тогда каждый профсоюз выпускал свой журнал или газету – и в них, кроме материалов, посвященных сугубо специфическим вопросам, помещались и художественные произведения.

Это было весьма важным фактором. Площадь для пишущих людей очень расширилась. К примеру, Михаил Булгаков долгое время существовал в основном на то, что печатал в журнале «Медик» короткие «случаи из практики». Впоследствии часть из них вошла в «Записки врача». В качестве фельетониста Булгаков сотрудничал и в газете железнодорожников «Гудок» (в «Двенадцати стульях» – «Станок»), где работали журналистами Валентин Катаев, а также Илья Ильф и Евгений Петров[13]. Многие свои прозаические произведения дуэт сатириков напечатал в приложении к этой газете – журнале «30 дней». Кстати, редактором журнала работал уже упоминавшийся товарищ Гумилева по «Цеху акмеистов» Владимир Нарбут, который до революции был одновременно акмеистом и подпольщиком-большевиком. Так вот, именно Нарбут одним из первых прочел роман никому не известных репортеров. Роман даже по тем авангардным временам был очень необычным. До них так никто в России не писал (да и после них тоже, хоть и были попытки[14]). Прочитав, Нарбут загорелся и стал активно пробивать произведение всюду, где мог.

Все имеет обратную строну. Редакторы профсоюзных журналов предпочитали брать художественные произведения «на тему». То есть если журнал лесной отрасли, то хотелось, чтобы в публикуемом там произведении действовали бы лесники или лесорубы. Если медицинской – то врачи, если морской – моряки. Это дало начало расцвету советского производственного романа. В самом жанре нет ничего плохого. В конце концов, «Аэропорт» и прочие произведения Артура Хейли, «Менты» Андрея Кивинова – это тоже производственная проза. Можно еще вспомнить менее известный роман Э. Уоллеса «Банкир»[15], который ярко иллюстрирует тезис «Бизнес – это война».

Беда в том, что подобная конъюнктура расплодила огромную армию профессиональных халтурщиков, которые мало того что писать не умели, но и совершенно не понимали то, о чем писали.

> Глядишь, роман, и все в порядке:
> Показан метод новой кладки,
> Отсталый зам, растущий пред
> И в коммунизм идущий дед.
> Она и он передовые,

Мотор, запущенный впервые,
Парторг, буран, прорыв, аврал,
Министр в цехах и общий бал…
А. Твардовский

Эта публика оказалась живуча, как тараканы, и благополучно пережила все крутые перемены. Именно она, а не советская власть виновна во многих последующих чудесах советской литературы. Она же, эта самая конъюнктура, во многом определила лицо двух группировок, отчаянно претендовавших на роль «самых главных».

Власть и музы

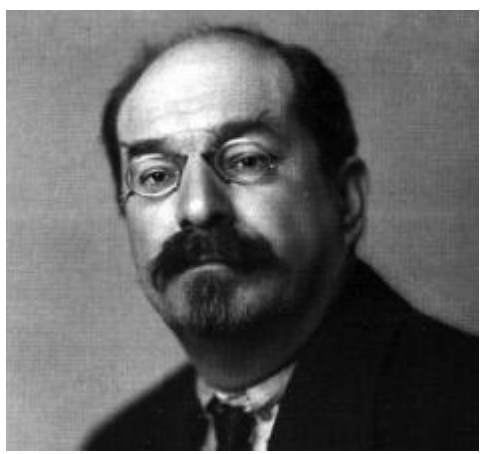
В первые послереволюционные годы у советской власти до изящной словесности как-то руки не доходили. Хватало и более насущных забот. Именно по этой причине футуристы так вольно резвились на казенные средства.

Но едва только разномастных врагов постреляли и разогнали, так сказать, в первом приближении, власть сразу же обратила внимание на культуру вообще и литературу в частности. Целью коммунистов было «воспитание нового человека», пригодного жить в новом обществе. Сейчас на эту тему очень любят злословить. Но вообще-то примерно то же происходило после всех крутых перемен во всех странах. Во время Великой французской революции все культурные начинания новой власти были направлены на то же самое. Можно вспомнить и более близкие времена. В начале девяностых годов XX века представители российской «творческой интеллигенции» с пеной у рта проклинали культурную политику большевиков и тут же жаловались, что темный и отсталый русский народ несознателен – не понимает прелестей рыночной экономики. Тогдашняя – да и сегодняшняя – политика, допустим, телевидения очень четко направлена на воспитание человека «общества потребления». Просто большевики были первыми, кто эту задачу четко сформулировал.

Шанс у советской власти был уникальный. Тогдашнее население России было в массе, прямо скажем, не шибко грамотно. И уж в любом случае – не было приучено к чтению. При том, что тогда люди стремились к культуре. Как известно, большевики чуть ли не с первых месяцев после прихода к власти стремились к ликвидации безграмотности. Но по-настоящему эта кампания развернулась в начале двадцатых. При чем тут

литература? При том, что имелся шанс воспитать читателей, так сказать, с нуля. Воспитать их на новой литературе.

Несколько отвлекаясь от темы, замечу, что у большевиков имелся опыт в сходной сфере. Откуда в начале XX века появилось первое поколение рабочих-революционеров? Тех, без которых РСДРП так бы и осталась кучкой интеллигентов? Все очень просто. Они прошли через своего рода «вечерние школы», в которых учителями были социал-демократы. Так, к примеру, видный революционер Иван Бабушкин (расстрелянный в 1905 году в Сибири за захват вагона с оружием) после работы слесарем приобщался к знаниям под руководством Надежды Константиновны Крупской (тогда она еще не была супругой Ленина, но являлась убежденной революционеркой). И не он один. В этих легальных «вечерних школах» отнюдь не вели революционной агитации. Просто преподавали историю культуры с определенной точки зрения. Сегодня, кстати, примерно так же работают со школьниками национал-большевики.



А.В. Луначарский

Но вернемся в двадцатые го ды. Если говорить о литературной политике тех лет, то среди большевистской верхушки выделяются два человека: нарком просвещения Александр Луначарский и Лев Троцкий. Первого принято считать эдаким старомодным интеллигентом, который по мере сил пытался спасти культуру от варваров-революционеров. На самом деле Александр Васильевич был далеко не так прост. Он играл в собственную игру – с прицелом на будущее. По своим взглядам Луначарский был, скажем так, не совсем коммунистом – в тогдашнем понимании. И не он один. Многие из видных большевиков коммунистами не являлись. Такой вот парадокс. Впрочем, тогда время этих людей еще не настало. Оно придет в

следующем десятилетии. Поэтому о нем говорить пока рано.

Лев Давидович Троцкий был человеком иного склада. Ему была нужна именно революционная литература, и желательно уже сегодня. Причем Троцкого интересовали не просто писатели, которые бы клялись в своих произведениях в верности новой власти, а «властители дум». Лев Давидович, сам отличный журналист, прекрасно понимал, что по приказу таких людей не создашь. Он пытался отыскивать в литературном мире своих и потенциально своих. Потихоньку им помогать – и смотреть, что выйдет. Именно с его подачи, например, государство частично финансировало и поддерживало такие структуры, как ЛЕФ, группу «Перевал» (в которую входил автор «Гренады» Михаил Светлов) и ряд других. Никакой конкретной отдачи за это не требовалось. Троцкий подкидывал деньги и смотрел, что из всего этого получится.

Л.Д. Троцкий

Имелись и партийные деятели поменьше калибром – у них были собственные протеже. В этом тоже одна из скрытых причин поведения двух самых агрессивных литературных тусовок двадцатых годов – ЛЕФ и РАПП.

Авангард на всех парах

Как мы помним, в начале двадцатых футуристы, оседлавшие культуру, крепко получили по голове. Нельзя сказать, что их как-то покарали. Нет, их просто лишили привилегированного положения, поставили на одну доску с другими.

Заметим, что в те времена в литературе существовала своего рода двойная конкуренция. С одной стороны – обыкновенная, рыночная. Борьба за читателя, отнюдь не ушло с издательского рынка. Множество газет, журналов и издательств финансировалось непосредственно советской властью. Публикуемые там произведения выбирались отнюдь не по рыночным, а по идеологическим критериям. Кстати, сегодня ситуация в чем-то сходная. Только место государства заняли различные фонды. Так что одни писатели стремятся продавать свои книги, другие – пробиться туда, где раздают гранты. Правда, гранты дают теперь чаще не по идеологическим критериям, а по блату. Но и тогда такое наблюдалось.

Так вот, отодвинутые от власти футуристы не пали духом. Они перегруппировались, создав в 1922 году Левый фронт искусств, ЛЕФ, и одноименный журнал (позже – «Новый ЛЕФ»). Правда, из первоначальной команды почти никого не осталось. В 1922 году умер Велимир Хлебников, оставшись чуть ли не единственным в русской литературе образцом поэта, который мог «идти, не касаясь земли» (А. Башлачев). Бойкий пиарщик Давид Бурлюк обосновался в США, где продолжал шокировать тамошних «буржуев» коммунистическими залепухами. Василий Каменский провозгласил себя «коммунистом-футуристом», оставшись сидеть в уже отцепленном вагоне поезда.

Зато подоспела помощь с Дальнего Востока. Это были молодые люди, воспитанные на трудах футуристов первого поколения, – Николай Асеев, Сергей Третьяков, Николай Чужак. К тому же на Дальнем Востоке они насмотрелись на Гражданскую войну.

К компании присоединился и Осип Брик, сыгравший важную роль в судьбе наиболее знаменитого лефа (так называли членов группы в двадцатых) – Владимира Маяковского. А также представители других жанров – художник и фотограф Александр Родченко и кинорежиссер Дзига Вертов. В числе идейно близких

числились Всеволод Мейерхольд и Сергей Эйзенштейн.

О. Брик

Разумеется, лефы провозгласили, что именно их творчество является подлинно революционным искусством.

Вот что писал Маяковский в первом номере журнала:

> «Постепенно разочаровываясь в двухнедельном существовании Советской власти, академики стали в одиночку и кучками стучаться в двери наркоматов.
>
> Не рискуя пользовать их в отечественной работе, Советская власть предоставила им – вернее, их европейским именам – культурные и просветительские задворки.
>
> С этих задворок началась травля левого искусства, блестяще завершенная закрытием «Искусства коммуны» и проч.
>
> Власть, занятая фронтами и разрухой, мало вникала в эстетические распри, стараясь только, чтоб тыл не очень шумел, и урезонивала нас из уважения к

«именитейшим».

Сейчас – передышка в войне и голоде. ЛЕФ обязан продемонстрировать панораму искусства РСФСР, ;установить перспективу и занять подобающее нам место.

ЛЕФ будет:

В работе над укреплением завоеваний Октябрьской революции, укрепляя левое искусство, ЛЕФ будет агитировать искусство идеями коммуны, открывая искусству дорогу в завтра.

ЛЕФ будет агитировать нашим искусством массы, приобретая в них организованную силу.

ЛЕФ будет подтверждать наши теории действенным искусством, подняв его до высшей трудовой квалификации.

ЛЕФ будет бороться за искусство-строение жизни.

Мы не претендуем на монополизацию революционности в искусстве. Выясним соревнованием.

Мы верим – правильностью нашей агитации, силой делаемых вещей мы докажем: мы на верном пути в грядущее».

В другой статье Маяковский развивал мысль:

«Но мы будем бить в оба бока:

тех, кто со злым умыслом идейной реставрации приписывает акстарью действенную роль в сегодня,

тех, кто проповедует внеклассовое, всечеловеческое искусство,

тех, кто подменяет диалектику художественного труда метафизикой пророчества и жречества.

Мы будем бить в один, в эстетический бок:

тех, кто по неведению, вследствие специализации только в политике, выдают унаследованные от прабабушек традиции за волю народа,

тех, кто рассматривает труднейшую работу искусства только как свой отпускной отдых,

тех, кто неизбежную диктатуру вкуса заменяет учредиловским лозунгом общей элементарной понятности,

тех, кто оставляет лазейку искусства для идеалистических излияний о вечности и душе».

Н. Асеев

Как видим, ничего особо нового. Долой старье, потому что именно мы за советскую власть. Все бы хорошо, но к этому времени в любви к советской власти наперебой объяснялись уже многие. Тот же Есенин, к примеру. Или хитрый циник-символист Валерий Брюсов. Последний мог писать в любом стиле и на любую тему. Так что выбирать было из кого. Поэтому требовалось придумать что-нибудь эдакое, обосновать претензии на то, что именно ЛЕФ является подлинно революционным искусством. В результате после долгих мытарств появилось понятие «социального заказа», которое выдвинул поэт Николай Асеев.

Один из главных теоретиков ЛЕФа раскрывал это понятие так: «Поэт – мастер слова, речетворец, обслуживающий свой класс, свою социальную группу. О чем писать – подсказывает ему потребитель».

Грубо говоря: мы умеем писать хорошо, если что надо, обращайтесь к нам, дорогие товарищи!

Такой подход характерен скорее не для литературы, а для ее ближайшей родственницы – журналистики. Это не случайно. Почти все известные писатели двадцатых годов вышли из газетчиков.

Журналистской закваской попахивает и от провозглашенной ЛЕФом теории «литературы факта». В наиболее крайнем варианте

эта теория отрицает художественный вымысел вообще. Резон такой: сейчас в Стране Советов происходит столько реальных грандиозных дел, так на кой черт выдумывать события и характеры, если есть возможность писать о реальных вещах и реальных людях! А уж если писать «художку» – то опять же на основе фактического материала.

Доля истины в этом есть. Во времена бурных исторических событий газеты становятся интереснее романов. Например, во время войны. Лефы полагали, что на дворе стоит именно такое время, когда «литература факта» интереснее вымысла.

Прикладной смысл этих теорий виден невооруженным глазом. Он связан с профсоюзной печатью. Теория «литературы факта» подводит под романы и стихи на производственную тему идеологическую базу. Более того, подобное же обоснование было подведено и под рекламу – занятие выгодное, но с точки зрения «высокой литературы» сомнительное. А вот тандем Маяков ский – Родченко увлеченно занимался созданием рекламных плакатов. Обосновывали они это дело так: мы делаем рекламу не корысти ради, а для того, чтобы продвигать товары государственных предприятий в противовес буржуям-частникам.

Но ведь что интересно – как они это делали! Сегодня, пройдя по Москве или Петербургу, можно обнаружить множество рекламных плакатов, эксплуатирующих находки Маяковского – Родченко. Кстати, тот же Родченко, начинавший как художник-авангардист, одним из первых превратил фотомонтаж в высокое искусство.

Но это не самое интересное. Теория «литературы факта» отнюдь не сводилось к замене художественной прозы очерком, а поэзии – агитационными стишками. Все было куда интереснее. Это лучше всего видно на творчестве представителя другого жанра – лидере так называемых киноков режиссере Дзиге Вертове.

Это был крайний экстремист в кинематографе. Художественное кино он отрицал в принципе, как баловство. Но противопоставлял ему Вертов не тупую кинохронику – он является создателем так называемого монтажного кино.

Суть его в том, чтобы находить в реальности эффектные, «говорящие» кадры и путем монтажа добиваться от фильма максимального нужного воздействия на зрителя. То есть речь не идет об объективном отражении реальности. Совсем наоборот – о пропаганде определенных идей. Вертов полагал, что с помощью его метода впаривать народу нужные идеи получится куда лучше, нежели с помощью выдуманных построений художественного кино.

Данная точка зрения имела очень веские основания. Тогдашний уровень игрового кино, за редкими исключениями, был тот еще. Кино все еще носило отпечаток балаганного развлечения, с которого начиналось. Попытки наполнить «фильму» серьезным содержанием чаще всего выглядели донельзя убого. Оно и понятно. Ведь большевики были первыми, кто стал пытаться снимать кино, претендующее на серьезность. В других странах в те времена лепили исключительно развлекуху. Само собой, снимать всерьез получалось поначалу не очень. Вот Вертов и считал – не стоит дурью маяться, надо снимать реальность и монтировать.

«А Эйзенштейн?» – спросит читатель. Вот именно. Сергей Эйзенштейн был не таким экстремистом, как Вертов, но мыслил он в том же направлении. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть раскадровку его фильмов – особенно ранних, таких как «Стачка» или «Броненосец «Потемкин».

А полностью идеи Вертова воплотил режиссер, воспевавший уже совсем других строителей светлого будущего, – Лени Рифеншталь. Достаточно сравнить ее знаменитые фильмы «Триумф воли» и «Олимпия» с работами Вертова, чтобы увидеть, от чего она отталкивалась. Можно не любить Рифеншталь как пропагандистку нацизма. Но – деваться некуда – лучше ее в документальном кино пока что еще ни у кого снимать не получалось…

И что самое смешное, идеи монтажного кино сегодня взяло на вооружение… телевидение. Точнее, новостники – авторы информационных программ, которые мы видим каждый день. С помощью камеры «Бетакам» и обыкновенного монтажного стола зрителям успешно втюхивают все что угодно. Многие до сих пор верят, что показанное по ящику – правда.

* * *

В литературе лефы пытались работать в том же направлении. Беда была в том, что, нащупав принцип, они не смогли его по-настоящему реализовать. В по эзии нечто похожее видно у Маяковского и Асеева (поэмы «Про это», «Хорошо!» и «Лирическое отступление»). С прозой вышло хуже – по причине явной неспособности лефов в этом жанре. Хотя… Выручали авторы со стороны. В ЛЕФе впервые увидела свет «Конармия» Исаака Бабеля, которая, если присмотреться, построена по очень похожему принципу. Никто другой эту повесть брать не захотел как слишком авангардную[16].

Что же касается самого принципа… В жанре, который пропагандировал ЛЕФ, написано огромное количество книг, которые читаются получше, чем авантюрные романы. К примеру, «Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицына. Это произведение откровенно тенденциозно и рассыпается в прах при обращении к документам. Но – впечатляет! То же самое можно сказать и о книгах Виктора Суворова.

А если не о скандальных произведениях… В этом же жанре «монтажа» написаны популярные сейчас исторические работы Александра Бушкова. И – вы будете смеяться – в этом жанре написан… Ветхий Завет. Куски из истории еврейского народа смонтированы с притчами. А получилась самая читаемая книга в истории человечества.

Так что лефы сформулировали принцип, который носился в воздухе, и стали его с энтузиазмом пропагандировать. Компания подобралась наглая и очень шумная. Во многом благодаря этому она и была популярна – прежде всего у студенческой молодежи. Тогда, в двадцатых, еще верили в то, что мировая революция вот-вот грянет. Что мирный период – это короткий перерыв, после которого начнутся новые классовые бои. К этому были основания. Германия до 1923 года балансировала на грани социалистической революции. В других странах было тоже весело. Казалось, вот оно, начинается. Вот такими-то революционными настроениями и подпитывалась популярность авангарда. Журнал «ЛЕФ» был, честно говоря, довольно занудным изданием. Но его читали молодые энтузиасты, которые мечтали переделать все и вся.

А товарищ Троцкий подкидывал немного денег. Так, на всякий случай. Вдруг из лефов что-нибудь получится. Не напрямую, а через третьих лиц.

Но все-таки к главной своей мечте лефам не удалось даже приблизиться. Официальным искусством они стать так и не смогли. Причем чем дальше, тем становилось хуже. Революционный энтузиазм иссякал – а вместе с ним становился не нужен и размашистый революционный нигилизм. ЛЕФ перестал существовать в 1930 году, почти точно на переломе эпохи.

Пролетарская мафия

Главным конкурентом ЛЕФа в стремлении стать официальным советским искусством являлась Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП). Среди литературных группировок двадцатых годов она пользуется самой мрачной

славой. Недаром Булгаков в «Мастере и Маргарите» с таким смаком описывает пожар головного офиса этой структуры – как и неприятности, случившиеся с ее видными представителями. Между прочим, неприятности, в отличие от пожара, случились на самом деле – и очень серьезные. Поэтому Булгакову РАПП было не жалко – достали человека. Но о Булгакове разговор будет дальше.

Что же касается РАППа, ассоциация вышла из недр так называемого Пролеткульта – организации, возникшей чуть ли не сразу после революции. Связана она была с уже неоднократно упоминавшейся идеей о необходимости просвещения широких народных масс и приобщения их к культуре. Идеологом Пролеткульта выступал философ А. Богданов, разработавший в марксистском ключе теорию пролетарской культуры. Суть ее в следующем.

Согласно теории марксизма, каждый человек прежде всего является представителем социального класса, к которому принадлежит. Соответственно, он является носителем психологии этого класса, носителем его ценностей и его морали. В сфере культуры человек вольно или невольно отражает прежде всего «классовую позицию». То есть если вы, допустим, являлись дворянином, то все равно будете мыслить «по-дворянски». И все тут. Правда, не очень понятно было, куда в этом случае отнести дворянина Ленина (у семьи которого и имение было) и выходца «из среды крупной буржуазии» Троцкого. Но это как-то обходили.

Что же касается культуры, то, соответственно, есть дворянская культура, буржуазная… А теперь в темпе вальса необходимо создавать свою, пролетарскую. Что же касается других – да на кой черт они нам сдались! Предполагалось, что культура сбросившего оковы пролетариата расцветет так, что затмит все бывшее ранее.

Впрочем, эти левацкие закидоны не определяли деятельности Пролеткульта. По большому счету, именно от него пошли советские Дома культуры с их многочисленными студиями, секциями и кружками, в которых впервые попробовали свои силы многие известные писатели, актеры, художники и музыканты. Но это будет потом. Что же касается собственно Пролеткульта, то он просуществовал до 1920 года – и никаких особых талантов из его недр не вышло. Кроме разве что такого явления, как «Синяя блуза». Но рассказ о ней уводит совсем далеко от темы.

Зато породил другое. Множество молодых людей, едва овладев грамотой, почувствовали творческий зуд. Оно бы и ничего, но господствовавшая в Пролеткульте идеология убедила их, что они являются новыми, пролетарскими писателями. А

потому их нельзя оценивать с точки зрения «старой» литературы. Они лучше уже в силу своего социального происхождения.

Снова отвлекусь от темы. Все повторяется. В семидесятых годах XX века в литературу США рядами и колоннами ринулись чернокожие писатели. Среди них, понятное дело, попадались разные – хорошие и не очень. Но объяснить бездарному представителю этой волны, что он писать не умеет, было делом безнадежным. Он, понимаете ли, афроамериканец. И вы понять его не можете по определению. Не хотите печатать? Да вы расист! В итоге все как-то устаканилось, но издателям головной боли эта публика добавила.

* * *

Вот на подобных самородков и опирался РАПП. Если быть точным, то эта организация сменила ряд названий, пока в 1925 году так не обозвалась. Но это уже излишние подробности. Важно другое – РАПП провозгласил, что является объединением носителей подлинно новой, пролетарской культуры. А остальные? А остальные – «попутчики». То есть писатели вроде как второго сорта.

Главное различие с Пролеткультом было то, что Пролеткульт вообще-то очень подозрительно относился к профессионализму в сфере искусства. В смысле – к писательству как к профессии. Предполагалось, что заниматься творчеством можно и в свободное от работы время. (При советской власти рабочий день законом – впервые в мире – был установлен в восемь часов, вместо прежних двенадцати – четырнадцати. Считалось, появившееся свободное время можно использовать для культурной деятельности.)

РАПП же являлся именно профессиональной организацией. При этом крайне агрессивно претендовала на то же, что и ЛЕФ, – на статус официальной культуры.

Как это чаще всего случается, лидер и идеолог РАППа Леопольд Авербах ни с какой стороны не принадлежал к рабочему классу. Родился он в 1903 году во вполне обеспеченной буржуазной семье – и ни на заводе, ни в поле не работал не единого часа. Являясь родственником видного большевика Якова Свердлова, он сразу начал трудовую деятельность с комсомольских вожаков, быстро угодив в аппарат Коммунистического интернационала молодежи.

Это очень симптоматично. КИМ являлся структурой, которая получала от советской власти изрядные средства, но так и

осталось непонятным – что же она сделала полезного? Хотя бы для мировой революции. Эта организация, пожалуй, больше всех была заинтересована в том, чтобы в обществе господствовала ультрареволюционная идеология. КИМ и «старший брат» Коминтерн изо всех сил старались поднимать как можно больше шума вокруг «классовой борьбы». Это была фабрика по созданию имитации бурной деятельности. Авербах, выйдя из подобной конторы, стал применять те же принципы и в литературе.

РАПП, в отличие от большинства других групп двадцатых годов, являлся массовой организацией. Отделения Ассоциации появились практически во всех крупных городах. Количество, правда, не перешло в качество. Из имен, оставшихся в истории литературы, можно назвать только Александра Фадеева и Демьяна Бедного. А остальные… Я снова возвращаюсь к теме «профсоюзной литературы». С РАППом она связана непосредственно. По сути, Ассоциация являлась объединением профессиональных халтурщиков, которые рвали на груди рубаху на тему, что являются пролетарскими писателями. А значит, самыми-самыми.

Иногда приходится встречать утверждения, что РАПП был чуть ли не официальной партийной организацией. Это не так. Другое дело, что благодаря личным связям Авербаха и ряда других лидеров РАППа многие партийные деятели им сочувствовали и помогали. Но и у ЛЕФа были связи наверху. Да и у многих других тоже.

РАПП придерживался старого принципа: нахальство – второе счастье. Главный журнал Ассоциации «На посту» (потом – «На литературном посту») вещал с непререкаемостью, создававшей впечатление, что они являются самыми главными. Кстати, большевики еще в двадцатых за это крупно давали Авербаху по мозгам – именно за то, что он и его товарищи вещают от имени партии. Но он не успокаивался.

Как и все тогдашние литературные группы, РАПП действовал по принципу «Мочи чужих, хвали своих». Отличие было в том, что благодаря своей массовости и иллюзии «поддержки в верхах» критика Ассоциации доставляла не только моральные неприятности. После их статей для авторов закрывались двери издательств, снимались пьесы в театрах. Так, на всякий случай. Главной темой в рапповской критике была именно «классовая». То есть всех, «кто не они», пролетарские писатели обвиняли в неправильной классовой позиции. Качество произведений никого не волновало. РАПП с наглостью танка старался стать монополистом. И чуть было не стала. Но это случилось позже. А в двадцатых годах РАПП являлся своеобразным мощным «силовым

полем». Сама Ассоциация ничего особо ценного не дала, но повлияла на очень многое.

Сергей Есенин. Последний анархист

Пастушок с тальянкой

«Есенина в России не читают, Есенина в России поют», – сказал один умный человек. Так оно и есть. Разумеется, вокруг личности поэта наверчено огромное количество мифов. Мощный вклад внес и нашумевший сериал, который по своей бездарности выделяется даже среди нынешних «шедевров». Впрочем, семью Безруковых особо винить не стоит. Попса – она и есть попса. Авторы постарались воплотить все расхожие мифы о Есенине, не очень заботясь об их совместимости друг с другом. А до кучи приправили все это «сенсационной» версией об убийстве поэта. Которой вообще-то в обед сто лет. И которая, мягко говоря, весьма сомнительна. Вот и получилась милая картинка. Эдакий наивный деревенский поэт, окруженный подонками, заплутавший в каменных джунглях и убитый злобной властью…

Так уж повелось, что в России известным людям обожают после смерти приделывать то крылышки с нимбом, то рога с копытами. А иногда и то и другое одновременно. Между тем жизнь Сергея Есенина интересна сама по себе.

* * *

Не стоит думать, что Есенин пришел в большую литературу чуть ли не от сохи, не успев стряхнуть с сапог рязанский нечернозем. Вообще-то семья Есенина была крестьянской только по паспорту (крестьяне в Российской империи были не только профессией, но еще и сословием). Отец поэта с детства работал приказчиком (продавцом в магазине) в Москве. А такие люди – их было немало – имели уже совсем иную психологию. Они были уже, так сказать, не совсем деревенские. Именно к подобному типу людей социологи впервые применили понятие «маргиналы»[17]. То есть находящиеся в пограничном положении. От деревенской жизни уже отошли, к городской пока еще не прибились.

Главный крестьянский вопрос – земельный – маргиналов не особо волновал. Средой обитания подобных выходцев из деревни был город, и только город. Вот и Есенин, в полном соответствии с традициями таких семей, двинул в Белокаменную в возрасте семнадцати лет. Парадоксально, но, возможно, именно эта некоторая отстраненность от деревенских повседневных забот и

придала такую выразительность стихам Есенина. Деревня была для него романтическим образом, а не местом ежедневного тяжелого труда.

Так бывает нередко. Марк Шагал большую часть жизни прожил в Париже и США – и продолжал рисовать летающих по Витебску евреев. Джек Лондон погулял по Аляске несколько месяцев – и писал о ней всю жизнь.

Вообще-то стихи, что называется, «от сохи» писал только один крупный поэт – американец Уолт Уитмен, который и в самом деле трудился фермером. Возможно, только потому, что в США жить поэзией было куда сложнее.

* * *

К моменту приезда в Москву образование Есенина составляло три класса церковно-приходской школы. Это, конечно, не классическая гимназия, но по тем временам не так уж и мало. Тем более что учителя в школе были хорошие. Во всяком случае, классическую русскую литературу к окончанию школы Есенин знал куда лучше, чем многие сегодняшние выпускники. Как впоследствии заметил Александр Луначарский, «Есенин пришел из деревни не крестьянином, в некотором роде деревенским интеллигентом».

С. Есенин

В Москву Есенин приехал не на авось. Он уже писал стихи и,

как многие талантливые люди, прекрасно знал свои силы. Хотел быть именно поэтом. И никем больше.

Правда, начал Есенин конторщиком в купеческой фирме. Но по живости характера быстро оттуда вылетел. И пошел работать помощником корректора в типографию Сытина. Все же поближе к литературе. Вот как описывает «крестьянского паренька» А. Изряднова, трудившаяся у Сытина корректором:

«Он только что приехал из деревни, но по внешнему виду на деревенского парня похож не был. На нем был коричневый сюртук, высокий накрахмаленный воротничок и зеленый галстук».

Типографские рабочие, кстати очень неплохо зарабатывавшие, держали марку высоко, полагая себя рабочей элитой, поэтому стремились одеваться «чисто». Так что Есенин на первых порах просто принял правила игры.

Далее Изряднова рассказывает:

«Настроение у него угнетенное – он поэт, а никто не хочет этого понять, редакции не принимают в печать. Отец журит, что занимается не делом, надо работать, а он стишки пишет».

Словом, обычное дело. Начинающий творческий человек в большом городе. В конце концов Есенин вроде бы нашел единомышленников. Был в Москве на Миусской площади Народный университет Шанявского. Эдакое бесплатное заведение, где пытались приобщить рабочих к культуре. Возле него существовало нечто вроде литературного объединения – кружок рабочих поэтов-самоучек. Оттуда уже были дороги в некоторые журналы, где и появились первые стихи Есенина.

Довольно быстро поэт, никогда не страдавший заниженной самооценкой, убедился, что все это – игры дилетантов. Есенин хотел не просто писать и печатать стихи. Он хотел славы. Настоящей, большой славы. Он ни в коей мере не походил на самодостаточного Хлебникова. Нужно было пробить путь в большую литературу. В Москве как-то не складывалось. И Есенин двинул в Петербург. Вот тут-то все и началось…

* * *

Есть разные сведения, как Есенин додумался до того, чтобы, расставшись с одеждой представителя «рабочей аристократии», облачиться в костюм оперного мужичка. По некоторым сведениям, эту идею ему подкинул Николай Клюев, именно таким образом пробивший себе дорогу в большую литературу. По другим – своим умом дошел. Потому что вот уж чего в Есенине не

было, так это простодушия. Человек он был хитрый – и прекрасно понимал, кому и что говорить. Поначалу, явившись к поэту Рюрику Ивневу, он изображал деревенского простого парня. В пересказе Анатолия Мариенгофа история Есенина выглядит так:

«Знаешь, и сапог-то я никогда в жизни таких рыжих не носил, и поддевки такой задрипанной, в какой перед ними предстал. Говорил, что еду в Ригу бочки катать. Жрать, мол, нечего…» («Роман без вранья»).

Ход психологически верный. Одно дело – приехал очередной начинающий поэт из Москвы, другое – нагрянул натуральный самородок «из народа».

Затея имела успех. Рюрик Ивнев ввел Есенина в салон Зинаиды Гиппиус и Дмитрия Мережковского. Это было весьма своеобразное место. Там занимались разнообразными мистическими изысканиями. Мистические откровения искали всюду, где только можно. В том числе и в «глубинах народа». О котором, заметим, эти рафинированные интеллигенты не имели ни малейшего понятия. Вот и рассчитывали в молодом деревенском поэте найти что-то эдакое «глубинное» и «патриархальное». Я уже упоминал, что лубочная народность была тогда в большой моде. Забавно, что эти же настроения, распространенные в среде петербургской элиты, эксплуатировал и Григорий Распутин.

Хотите – получите! И Есенин, оценив ситуацию, начал лихо косить под пейзанина. Благо внешностью он обладал соответствующей – эдакий ангелоподобный пастушок. Поэт стал ходить по литературным салонам, одетый в костюм, который крестьяне носят лишь в оперных постановках, прихватив тальянку (примитивную гармонь). Успех был колоссальный. По большому счету, Есенин действовал в том же ключе, что и футуристы: сначала создать моду «на себя», а дальше уж разберемся. Недаром Маяковский раскусил его хитрость с первого взгляда:

> «В первый раз я его встретил в лаптях и в рубахе с какими-то вышивками крестиками. Это было в одной из хороших ленинградских (Маяковский имеет в виду – петербургских. – *А. Щ.*) квартир. Зная, с каким удовольствием настоящий, а не декоративный мужик меняет свое одеяние на штиблеты и пиджак, я Есенину не поверил. Он мне показался опереточным, бутафорским. Тем более что он уже писал нравящиеся стихи и, очевидно, рубли на сапоги нашлись бы.
>
> Как человек, уже в свое время относивший и оставивший желтую кофту, я деловито осведомился

относительно одежи:

– Это что же, для рекламы?

Есенин отвечал мне голосом таким, каким заговорило бы, должно быть, ожившее лампадное масло.

Что-то вроде:

– Мы деревенские, мы этого вашего не понимаем… мы уж как-нибудь… по-нашему… в исконной, посконной…

Его очень способные и очень деревенские стихи нам, футуристам, конечно, были враждебны.

Но малый он был как будто смешной и милый.

Уходя, я сказал ему на всякий случай:

– Пари держу, что вы все эти лапти да петушки-гребешки бросите!

Есенин возражал с убедительной горячностью. Его увлек в сторону Клюев, как мамаша, которая увлекает развращаемую дочку, когда боится, что у самой дочки не хватит сил и желания противиться.

Есенин мелькал. Плотно я его встретил уже после революции у Горького. Я сразу со всей врожденной неделикатностью заорал:

– Отдавайте пари, Есенин, на вас и пиджак, и галстук!

Есенин озлился и пошел задираться».

* * *

В общем, на первый взгляд все шло хорошо. Есенин вроде бы «попал в обойму». Его стихи достаточно широко печатались, в том числе и в сверхпопулярной «Ниве»[18] и ее приложениях. Не говоря уже об известности в модных литературных салонах. Все это давало не только славу, но и возможность неплохо жить за счет поэтического труда. Что, кстати, по тем временам – как и по нынешним – было большой редкостью. Казалось бы, что еще человеку надо? Сегодня большинство деятелей культуры, завоевав успех какой-нибудь «фишкой», мусолят ее до тех пор, пока это приносит деньги. Но тогда были люди покрупнее калибром.

Судя по всему, Есенина не слишком устраивала роль сусального пастушка – забавника для литературных снобов.

Тут снова стоит вспомнить о Николае Клюеве, игравшем в те годы для Есенина роль литературного старшего брата. Да и не только литературного. Когда в 1916 году Есенину пришла пора

призываться в армию (тогда призывали в 21 год) и, соответственно, отправляться на войну, именно Клюев, используя свои связи в верхах, добился того, чтобы Есенин не оказался на передовой. Вот что он писал полковнику Ломану, влиятельному человеку в придворных кругах:

«В настоящее время ему, Есенину, грозит отправка на бранное поле к передовым окопам. <…> Умоляю тебя, милостивый, ради родимой песни и червонного всерусского слова похлопотать о вызове Есенина в поезд».

В результате поэт служил в санитарном поезде. Не халява, конечно, работа грязная и тяжелая. Но и не под огнем (в Первую мировую еще придерживались законов войны, санитарные поезда не бомбили и не обстреливали).

Кстати, показанная в сериале сцена чтения Есениным стихов царской семье является вымыслом. Поэт и в самом деле выступал перед императрицей в Царскосельском лазарете № 17, но он был лишь одним из выступавших. По сути, это был своего рода концерт самодеятельности, подготовленной силами работников госпиталя и раненых.

А. Мариенгоф и С. Есенин

Но вернемся к Николаю Клюеву. Его влияние на Есенина огромно. И не столько в литературном плане, сколько в мировоззренческом. К моменту знакомства с Есениным Клюев был уже вполне успешным поэтом, выпустившим четыре книги, обладавшим большими связями в придворных кругах. При этом в

душе он люто ненавидел существующий порядок. Возможно, потому, что вынужден был делать литературную карьеру, ломаясь под мужичка. Но возможно, причины были глубже. Клюев много времени провел среди радикальных раскольничьих сект – и среди уже совсем запредельных хлыстов. Эти люди, мягко говоря, без симпатии относились к порядкам, царившим в Российской империи. Для них это были «чужие». Для них крушение этого мира было благом – шансом перестроить все по-своему. Клюев эти взгляды разделял.

Тем более недолюбливал Клюев представителей «дворянской культуры», в которых он, возможно и несправедливо, видел эдакую барскую снисходительность.

Молодой Есенин вряд ли имел какие-либо общественно-политические взгляды. Но вот эту неприязнь к «барам» он после общения с посетителями петербургских салонов усвоил крепко. По большому счету, терять Есенину было особо нечего. Так же как и футуристам. К революции он был морально готов.

«Если ты вышел оттуда, где тихо жил…»

После революции Есенин присоединился к группе «Скифы», о которой я уже упоминал. И тут-то началось… В творчестве поэта появляются совсем иные ноты. Его поэмы «Инония» и «Пантократор» отличаются не только революционным нигилизмом, но и кощунством. Причем это вам не футуристы с их бранью по отношению к Небесам. Кощунство Есенина построено на библейских образах. Во время написания «Инонии» он перечитывал Библию. То есть это не обычное для тех лет глумление над «старьем». Это вполне осознанный отказ от христианства.

Не хочу воспринять спасение
Через муки его и крест.
Я иное постиг учение
Прободающих вечность звезд.

Вообще-то вопрос о религиозности Есенина – спорный. Но в любом случае воспитывался он в православных традициях. Так что Есенин декларирует отказ от старого мира. Полностью. Ради нового. Нового чего? Скорее всего, Есенин и сам этого толком не понимал. Но любая революция открывает поистине безграничные новые возможности. Особенно для маргиналов. А ведь Есенин, по сути, так маргиналом и остался. От деревенской жизни он отошел

бесповоротно. Но и в новой, литературной, среде он находился где-то сбоку – являясь представителем той самой «деревни». К тому же революция предоставляла всем желающим возможность жить широко и весело – как того душа просит. Так, далеко не все революционные вожди были такими аскетами, как Сталин или Дзержинский. Тот же Троцкий путешествовал по фронтам Гражданской войны в бывшем царском вагоне. А «валькирия революции» Лариса Рейснер прославилась своей страстью к драгоценностям, которые она «экспроприировала» где только могла. Кстати, Рейснер не хватило нескольких часов, чтобы спасти от расстрела Николая Гумилева. Ленин получил ее телеграмму слишком поздно. Как он сам говорил, он бы его помиловал. Вот такие были люди.

И вот тут-то темперамент Есенина развернулся вовсю. В предреволюционные годы поэт в общем-то сидел смирно. Единственное, что с первого места работы, еще в 1912 году, его турнули за отказ подчиняться правилам тогдашней «корпоративной этики» – вставать при входе хозяина. Ну еще в бытность типографским рабочим Есенин вроде бы баловался с какими-то профсоюзными листовками. За компанию, надо полагать. Но тогда в среде рабочих, особенно квалифицированных, с профсоюзным движением, являвшимся тогда полулегальным, соприкасались чуть ли не все.

А тут пошло-поехало. В эпоху революций такое случается со многими. Ведь революция – это еще и переворот в мозгах. В переломные эпохи люди открывают в себе много нового и интересного.

Из группы «Скифы» Есенина сманил Анатолий Мариенгоф. На нем стоит остановиться хотя бы потому, что его «Роман без вранья» – самая читаемая книга о Есенине и вызывающая самые бурные эмоции. Помню, когда в школе мы проходили Есенина, учительница литературы увидела у кого-то из ребят эту книгу 1926 года издания. Так вот, она потратила два урока на объяснения, что все там неправда, а Мариенгоф вообще сволочь. Разумеется, после этого «Роман без вранья» стал бестселлером районного масштаба. К нам за книгой приходили ребята из всех окрестных дружественных школ. Многие прочли сначала Мариенгофа, а потом уж Есенина[19].

Вообще, это произведение очень хорошо характеризует, что это были за люди. К примеру, Мариенгоф со свойственным ему циничным юмором как о проходящем эпизоде рассказывает, что два поэта стали ночевать в ванной коммунальной квартиры. Потому что там было теплее, нежели в нетопленой комнате. Вот так, походя, излагает как забавную байку, а не причитает: «Какой

ужас!» Люди настолько были заинтересованы литературой, что бытовые неурядицы их не особо волновали.

Но это так, лирика. Что же касается автора «Романа без вранья»… Есенин в нем выглядит не таким, как хотелось бы любителям «житий великих писателей». Оттого-то и обида. Так, в сериале Безрукова Мариенгоф выглядит циничной бездарью, примазавшемся к Есенину.

С другой стороны, не стоит думать, что в книге «все правда». В мемуарах такого никогда не бывает. Анатолий Мариенгоф был далеко не бездарью. По крайней мере, он писал очень неплохую прозу. Другое дело – что его интересовала скорее внешняя сторона богемной жизни. Тусовки, скандалы и все такое прочее. Поэты в первые послереволюционные годы более высоко котировались, нежели прозаики, – вот он и старался стать поэтом. Поэтому Есенина, признавая огромный талант, он видел с этой точки зрения – как человека, стремящегося к литературной известности. Так оно и было. Но было и еще кое-что. А вот этого Мариенгоф не видел. Между прочим, популярность двух друзей-поэтов до есенинской «Москвы кабацкой» была примерно одинакова. Это потом время все расставило по своим местам. Характерно, что, в отличие от своего друга, Мариенгоф впоследствии перешел на писание сценариев, более-менее благополучно миновал все лихие завихрения XX века и умер в своей постели в достаточно преклонном возрасте.

Кстати, в статье одного не шибко образованного «национал-патриота» я прочел, что Мариенгоф был евреем. Долго смеялся. Видимо, автора клинило на все нерусские фамилии, а хотя бы зайти в Интернет он не удосужился. Хотя вообще-то Мариенгоф был дворянином, а корни его – из Дании.

* * *

Что же касается ордена имажинистов, который основали Мариенгоф и Есенин, то это с самого начала было чисто хулиганское начинание. Попытка повторить опыт футуристов – в конном строю ворваться в литературу на скандале. Хотя и тут не все так просто. Декларируемый имажинистами метод – текст как нагромождение крутых образов – много позже всплыл в текстах русских рок-музыкантов, где пришелся вполне ко двору. Можно вспомнить Юрия Шевчука, Константина Кинчева или Михаила Борзыкина.

Что же касается послереволюционных лет, то быстро выяснилось: скандальными декларациями тут никого не

проймешь. В газетах писали вещи покруче. Поэтому имажинисты взяли курс на прямое хулиганство. При этом они совершенно сознательно использовали революционные реалии. К примеру, разрисовали разными левацкими лозунгами стены Страстного монастыря. Самый же сильный эпизод – это листовка, расклеенная по Москве, с приказом о «всеобщей мобилизации» – требование гражданам собраться на Театральной площади со знаменами и лозунгами «в защиту левого искусства». Самое-то смешное, что граждане собрались! Времена были крутые, так что мирные обыватели сочли за лучшее сходить куда велели. Впрочем, многие молодые энтузиасты пришли и потому что хотели… Тем более мало кто понимал, что именно такое «левое искусство».

Есенина с Мариенгофом за это арестовали, но, поскольку поэты проходили у коммунистов как свои, их выпустили, мягко внушив, что так шутить не стоит. И послали уговаривать разойтись собравшихся. И ведь не все хотели расходиться. «Девушки требовали стихов, юноши – речей» (*А. Мариенгоф*).

Про дискуссию «разгром ЛЕФа», устроенную теми же товарищами, я уже упоминал. Там, правда, лефы превзошли их в скандальности. Но раз на раз не приходится.

Вот это и есть – использовать дух эпохи. Сегодня такое осуществить немыслимо – даже захватив телевидение. Все равно никто не придет.

Еще интереснее их поездки по стране в 1920 году. Друг Мариенгофа Григорий Колобов вдруг сделал стремительную карьеру, какие бывают только во времена революций: ни с того ни с сего стал вдруг большим железнодорожным начальником. Хотя не был ни железнодорожником, ни даже революционером. Но тогда большевики брали на работу всех, кто хоть на что-то был способен. Колобов принялся разъезжать в собственном вагоне, прихватывая за компанию Есенина и Мариенгофа. Имея за собой такой серьезный тыл, друзья куражились от души. В провинции не особо понимали степень ответственности и сферу приложения различных красных начальников. И вот представьте – прибывает солидный такой вагон, в нем о-о-чень большой человек с наганом на поясе, а с ним два поэта. Понятное дело, что местные руководители бегали вокруг них и заглядывали в рот. Чем друзья с удовольствием и пользовались, устраивая свои выступления.

Так же дело обстояло с выходом сборников членов ордена имажинистов. Большинство из них вышло потому, что нахальный Есенин морочил голову не слишком грамотным представителям новой власти, призванным надзирать за печатью. Внушал им, что имажинисты и есть самые революционные поэты из всех

существующих. И книги выходили за государственный счет.

То есть если футуристы пытались оседлать власть, то имажинисты резвились, используя ее в своих целях. Время было сумбурное – и это до некоторой поры вполне удавалось.

Мать порядка

Тут мы переходим к самому интересному вопросу: а каковы были взгляды Есенина на происходящее вокруг? В советские времена считалось: Есенин с энтузиазмом принял советскую власть, да вот беда-то какая, что-то недопонял. И только собрался понять, как повесился.

Сегодня принято считать, что наивный поэт поверил большевикам, а потом, увидев, как они обижают мужиков, обиделся на красных. Потому и погиб (или его убили).

С советской властью Есенин и в самом деле несколько разошелся. Только совсем по иной причине.

В сериале «Есенин» есть такие кадры. Поэт, увидев из окна, как расстреливают крестьян, жутко расстраивается и впадает в депрессию. На самом-то деле к красному террору он относился куда более спокойно. Вот что рассказывает поэт Владислав Ходасевич:

«Весной 1918 г. Алексей Толстой вздумал справлять именины. <…> Пришел и Есенин. Привел бородатого брюнета в кожаной куртке. Брюнет прислушивался к беседам. <…> Это был Блюмкин, месяца через три убивший графа Мирбаха, германского посла. Есенин с ним, видимо, дружил. Была в числе гостей поэтесса К. Приглянулась она Есенину. Стал ухаживать. Захотел щегольнуть – и простодушно предложил поэтессе:

– А хотите поглядеть, как расстреливают? Я это вам через Блюмкина в одну минуту устрою».

Вот так, по-простому. Возможно, конечно, что Есенин просто куражился. Но что характерно, ему нравилось быть причастным к сильной и жутковатой власти. Опять же – веселая жизнь! Кого хотим, того и расстреливаем. Еще забавнее отношение Есенина с Троцким, с которым он и в самом деле был знаком. Напомню, что Троцкий в то время искал своих среди литераторов – и уж никак не мог пройти мимо Есенина. А поэту, с одной стороны, Троцкий был неприятен. Только не своей чудовищной жестокостью, а «западничеством». Для Троцкого Россия была лишь базой для раздувания пожара мировой революции. Страна же, как оказалось, упорно не влезала в марксистские рамки. Все шло, и шло вроде бы удачно, – но совсем не в ту сторону. В поэме «Страна негодяев» Троцкий легко узнается в образе коммуниста

Чекистова, который заявляет:

Я гражданин из Веймара
И приехал сюда не как еврей,
А как обладающий даром
Укрощать дураков и зверей.
Я ругаю и буду упорно
Проклинать вас хоть тысячи лет,
Потом что…
Потому что хочу в уборную,
А уборных в России нет.

Но с другой стороны, Есенин испытывал перед Троцким восхищение, переходящее в экстаз. Почему? Да потому что Лев Давидович был самой яркой фигурой революции. Который что хотел, то и делал. Не останавливаясь ни перед чем. Напомню, что людям того времени были чужды либеральные принципы. Кровь так кровь. Делов-то. Но ведь так ведут себя и герои Гомера. Так вел себя Наполеон. Знакомством с личностью подобного размаха можно гордиться.

Вот как описывает первую встречу Есенина с «демоном революции» Мариенгоф:

«До начала беседы Есенин передал Троцкому только что вышедший номер нашего имажинистского журнала «Гостиница для путешествующих в прекрасном»…

Троцкий, взглянув на журнал, сказал:

– Благодарю вас.

И, выдвинув ящик письменного стола, достал тот же номер «Гостиницы для путешествующих в прекрасном», чем сразу и покорил душу Есенина.

В журнале была напечатана моя «Поэма без шляпы».

В ней имелась такая строфа:

Не помяни нас лихом, революция.
Тебя встречали мы какой умели песней.
Тебя любили кровью —
Той, что течет от дедов и отцов.
С поэм снимая траурные шляпы, —
Провожаем.

– Передайте своему другу Мариенгофу, – сказал Троцкий, – что он слишком рано прощается с революцией. Она еще не кончилась. И вряд ли когда-нибудь кончится. Потому что

революция – это движение. А движение – это жизнь».

В этой стихии «вечного движения» Есенин чувствовал себя как рыба в воде. С этой же точки зрения имеет смысл посмотреть на его дружбу с сотрудником Троцкого Блюмкиным. Принято считать, что его приставили следить за Есениным.

Вот тут пора рассказать о вранье, про которое «все знают». В то время Блюмкин не был чекистом. После убийства Мирбаха в 1918 году он долго скрывался, потом вернулся, сдался с повинной и был прощен. Но в ОГПУ он снова вступил лишь в 1925 году. Блюмкин всего лишь работал в секретариате Льва Давидовича. Но разумеется, в компании литераторов «гнул пальцы». Редкое дело, что ли? В девяностых многие, трудившиеся шестерками по присмотру за ларьками, при общении вне бандитской среды строили из себя крутых авторитетов. Да и ранее я видел мелких комитетских стукачей, изображавших из себя крутых оперов. Откуда родился миф? Да просто при СССР «все знали», что Блюмкин – чекист. Репутация – великая вещь. Помните, как дон Румата у Стругацких изображал великого ходока по женщинам? К этому подверстывался старательно культивируемый среди интеллигенции ужас перед «кровавой гэбней». Но сегодня архивы-то открыты. И биография этого товарища известна точно.

Такой уж это был человек, Блюмкин. Бывший левый эсер. Убийца германского посла Мирбаха. Но при этом – весьма странный товарищ.

«Блюмкин был лириком, любил стишки, любил свою и чужую славу. Как же не прилепиться к нам, состоявшим тогда у нее в избранниках? И он прилепился ласково, заискивающе. К тому же левоэсеровское ЦК вынесло решение: «Казнить предателя». Опять для Блюмкина запахло смертью. А он – как мы уже знаем – не очень-то любил этот запах. Впрочем, как и большинство жалких смертных. И вот Блюмкин сделал из нас свою охрану. Не будут же левоэсеровские террористы ради «гнусного предателя» (как именовали они теперь своего проштрафившегося «героя») приканчивать бомбочкой двух молодых стихотворцев.

<…>

Как-то в «Кафе поэтов» молодой мейерхольдовский артист Игорь Ильинский вытер старой плюшевой портьерой свои запылившиеся полуботинки с заплатками над обоими мизинцами.

– Хам! – заорал Блюмкин. И, мгновенно вытащив из кармана здоровенный браунинг, направил его черное дуло на задрожавшего артиста. – Молись, хам, если веруешь!

Все, конечно, знали, что Блюмкин героически прикончил немецкого графа. Что ж ему стоит разрядить свой браунинг, заскучавший от безделья, в какого-то мейерхольдовского

актеришку?

Неудивительно, что Ильинский стал белым, как потолок в комнате, недавно отремонтированной.

К счастью, мы с Есениным оказались поблизости.

– Ты что, опупел, Яшка?

– Бол-ван!

И Есенин повис на его поднятой руке.

– При социалистической революции хамов надо убивать! – сказал Блюмкин, обрызгивая нас слюнями. – Иначе ничего не выйдет. Революция погибнет» (*А. Мариенгоф*).

Отморозок, что и говорить. Или человек, прекрасно понимающий, где и что делать. Ведь если бы Блюмкин достал пистолет не в богемной среде, а в компании серьезных людей, он мог бы тут же получить пулю в лоб. (Напомню, что в те времена работники коммунистической партии и комсомола чуть ли не поголовно носили оружие. И не только браунинги, про которые шутили, что из них можно только застрелиться, но и более серьезные стволы. Из нагана я стрелял. Вполне эффективная штука. А среди товарищей коммунистов было много тех, кто воевал в Гражданскую – и имел соответствующие реакции. А актеры и поэты… Люди чаще всего достаточно безобидные.)

Но с другой стороны, иметь в друзьях-приятелях ТАКОГО типа в чем-то даже интересно. По крайней мере, сильные ощущения обеспечены.

Но возможно, дело даже не в сильных ощущениях. А в чувстве причастности к этой дикой силе, к этим людям, которые сперва стреляли, а потом разбирались. Которым никакой закон был не писан. В начале девяностых тоже было престижно дружить с бандитами.

Кстати, много позже Блюмкин, приговоренный к расстрелу, стоя у стенки, пел «Интернационал». Странные это были персонажи… И не нам их судить.

* * *

Но все-таки любимым деятелем Гражданской войны у Есенина был Нестор Махно. Личность тоже весьма своеобразная. Он не был обычным бандитом. Но и не являлся эдаким защитником крестьян, который сражался за мужичков как против белых, так и против красных. На самом-то деле махновские повстанцы все-таки прежде всего сражались против белых. Махно был за советскую власть. Только повстанцы понимали ее своеобразно по-анархистски. С одной стороны, они выступали за

интересы крестьян, с другой – считали возможным грабить все, до чего они могли дотянуться. Одним словом – Бог с нами и хрен с ними. Воля.

В отношении Есенина к Махно очень показательна поэма «Страна негодяев». Там действует бандит Номах. Прообраз понятен и без подсказки, но Есенин и сам неоднократно заявлял, что имел в виду Нестора Ивановича.

К реальному Махно герой поэмы никакого отношения не имеет. Это своего рода «голая идея». Так, как ее воспринимал Есенин. И что интересно – на всем протяжении поэмы Номах ничего не говорит о нуждах и обидах крестьян. Он провозглашает анархизм в чистом виде:

Мне нравятся жулики и воры.
Мне нравятся груди,
От гнева спертые.
Люди устраивают договоры,
А я посылаю их к черту.
Кто смеет мне быть правителем?
Пусть те, кому дорог хлев,
Называются гражданами и жителями
И жиреют в паршивом тепле.
Это все твари тленные!
Предмет для навозных куч!
А я – гражданин Вселенной,
Я живу, как я сам хочу!

С 1917 года Есенин и сам жил как хотел, ни в чем себя особо не ограничивая. Советская власть ему в общем-то особо не мешала. Скорее наоборот. Но все хорошее когда-нибудь подходит к концу. В начале двадцатых революционный беспредел стал потихоньку заходить в рамки. Символично, что в 1921 году на Малой Дмитровке сподобились ликвидировать Дом анархии.

Для Есенина, как и для многих других, символом этого стал нэп. За что боролись? Снова на улицах Москвы и Петрограда появились «буржуи», революционный пафос как-то скоро пошел на убыль. Но Есенин видал и другое. Зарождался новый порядок, с которым особо не забалуешь. Вовсю раскочегаривался строительный энтузиазм. А какое отношение имел к нему Есенин? Собственно говоря, Есенин был типичным представителем явления, которое можно с некоторой натяжкой назвать «революционной богемой». В это понятие входят не только литераторы. Но и тот же чекист Блюмкин, любивший покрутиться среди поэтов. В какой-то мере представителем

революционной богемы был и Троцкий. Но их время стало заканчиваться. Кстати, нелепый роман с Айседорой Дункан, возможно, имеет под собой стремление продолжать «быть крутым» другим способом. В этом, кстати, любовники нашли друг друга. Стареющая поблекшая звезда, чьи лучшие годы остались давно позади, увлеченно играла в коммунизм – с тем же азартом, с которым до Первой мировой войны она баловалась сатанизмом.

«Она приехала в Советскую Россию только потому, что ей был обещан… храм Христа Спасителя. Обычные театральные помещения больше не вдохновляли Дункан. Дух великой босоножки парил очень высоко. Она хотела вдыхать не пыль кулис, а сладчайший фимиам. И обращать взор не к театральному потолку, а к куполу, напоминающему небеса. Пресыщенная зрителем (к слову, ставшем на Западе менее восторженным: ведь актрис любят до первых морщинок) – она жаждала прихожан» (*А. Мариенгоф*).

Ничего хорошего из этого романа получиться не могло. И сфера интересов Есенина начала перемещаться в кабаки.

* * *

Кстати, если не считать последнего года жизни, то пьянство Есенина сильно преувеличено. Мариенгоф рассказывает случай, когда во время очередной поездки по стране пьяного Есенина не пустили в вагон – и он стал бить стекла. Как потом оказалось, поэт бил их, оборачивая руку пиджаком, – то есть работал на публику. Я, знаете ли, сам как-то по той же причине бил стекла в вагоне. Так что знаю, о чем говорю.

Есть и еще примеры. Есенин всегда следил за своей внешностью. Он очень любил свои волосы редкого пшеничного цвета и всегда тщательно брился – потому что щетина у него была не в тон, рыжеватая. Так вот, никто, кроме разве что Мариенгофа, не видел Есенина небритым и с немытой головой. Я в жизни видел множество людей в состоянии запоя. Так вот, бриться и мыть голову в подобном виде – такое не получается даже у кадровых офицеров. А ведь Есенин жил и в годы Гражданской войны, когда с бытовыми удобствами было очень плохо. Горячей воды из крана, знаете ли, не шло. А чтобы ее согреть, нужны были дрова, которые тоже не очень просто доставались.

Это я к тому, что в шумном и разгульном пьянстве Есенина было больше позы. Тем более что массовую популярность он приобрел именно как автор «Москвы кабацкой». Повторимся – так

все происходило до последнего года. А потом пришлось отвечать: игра стала жизнью.

Финал в «Англетере»

Если говорить о «традиционной» версии смерти Есенина, то ничего необычного в ней нет. Попытка жить «без тормозов» нередко заканчивается преждевременной смертью. Примеров в мировой культуре предостаточно – от Эдгара По до Владимира Высоцкого. Не говоря уже о звездах рок-н-ролла. И при чем здесь общественный строй?

Тем более что вокруг известного человека, ведущего подобный безудержный образ жизни, всегда находится достаточное количество паразитов, для которых он служит как бы оправданием собственного разгула. Вспомним, сколько богемных пьяниц оправдывали свою жизнь примером Довлатова. Это и называется богемой. В итоге начинается кошмар.

«В последние месяцы своего трагического существования Есенин бывал человеком не больше одного часа в сутки.

От первой, утренней, рюмки уже темнело его сознание.

А за первой, как железное правило, шли вторая, третья, четвертая, пятая…

Время от времени Есенина клали в больницу, где самые знаменитые врачи лечили его самыми новейшими способами. Они помогали так же мало, как и самые старейшие способы, которыми тоже пытались его лечить.

Седовласый профессор в длинном белом халате, роскошно сидящем на его мощной фигуре, самолично подмешивал в есенинскую стопку какую-то сверхтошнотворную пакость из пакостей:

– Прошу, сударь, выпейте за мое здоровье. Сегодня мне, с вашего разрешения, семьдесят восемь стукнуло.

Есенин пил. Морщился. Но не больше, чем от старого мартелевского коньяка.

<…>

К концу 1925 года решение «уйти» стало у него маниакальным. Он ложился под колеса дачного поезда, пытался выброситься из окна, перерезать вену обломком стекла, заколоть себя кухонным ножом» (*А. Мариенгоф*).

Честно говоря, дело-то обычное. Я такое видел не раз и не два. Самоубийство на почве безудержного пьянства – вещь достаточно обыденная. Это вам скажет любой участковый милиционер.

* * *

Но разумеется, когда умирает великий поэт – дело другое. Во-первых, людям как-то трудно осознать, что тот, кто умеет, как никто другой, складывать слова в рифму – такой же человек со своими недостатками и слабостями. Во-вторых, всегда находятся люди, которые хотят втиснуть его жизнь – и смерть – в рамки той или иной концепции. Вот и появилась версия об убийстве.

Родилась она в диссидентских кругах, точнее, среди национал-патриотических диссидентов. Вообще-то для всех советских диссидентов коммунисты были кем-то вроде последователей графа Дракулы, которые жить без крови не могут в силу своей природы. Кроме того, согласно представлениям «почвенников», за коммунистами стояли коварные жидомасоны. А уж у этих-то врагов рода человеческого, ненавидевших все русское по определению, просто руки чесались погубить великого русского поэта… Благо евреев – как среди тогдашних руководителей страны, так и среди сомнительных дружков Есенина – хватало. Тот же отморозок Блюмкин. В этом варианте версия об убийстве имела хоть и параноидальную, но все-таки логику. Но в перестройку версия вышла из узкой среды борцов с мировым сионизмом, пошла гулять по страницам печати и в конце концов была озвучена в нашумевшем сериале. Все бы хорошо, но, выйдя из антикоммунистического «силового поля» (коммуняки гады по определению, от них можно всего ждать), она выглядит, мягко говоря, странно.

* * *

Рассмотрим ее поподробнее. Первый возникающий вопрос: а зачем это было нужно коммунистам? Чем Есенин разозлил так советскую власть? Антисоветских стихов у него нет. Ни одного. Популярность поэта при жизни была не так уж и велика. Ее можно сравнить с известностью, скажем, Виктора Цоя в середине восьмидесятых. То есть многие знали и любили – но отойди двести метров от «Сайгона»[20] – никто о таком и не слыхал. К тому же наиболее известен Есенин был как автор «Москвы кабацкой», которая к политике вообще никакого отношения не имеет. Водка – она при всех властях водка.

Приходилось слышать, что Троцкий (масон!) обиделся на то, как его Есенин изобразил в «Стране негодяев» и свел счеты. Ага. Поэма была написана в 1924 году. То есть получается, что Лев Давидович вынашивал месть, как граф Монте-Кристо. Правда, в

отличие от графа, у Троцкого в 1925 году хватало гораздо более серьезных проблем, нежели месть поэту. Его политическая карьера со свистом летела под уклон. Да и не тот это был человек, чтобы обижаться на подобные вещи. Все упоминания о каком-то имевшемся у Есенина компромате на вождей являются всего лишь слухами. Никто этих документов не видел. О них лишь кто-то кому-то рассказывал. Да и большевики плевать хотели с высокой колокольни на всякий компромат. Где его можно было опубликовать? За границей? Так там эмигранты уже такого понаписали, что добавить было нечего. Да и откуда Есенин мог взять какой-то серьезный компромат? Единственные убойные (в самом прямом смысле) факты – это связь того или иного большевистского деятеля с охранным отделением. Но откуда такие документы мог раздобыть Есенин?

Вообще, все многочисленные варианты «убойной» версии пострены на показаниях из вторых и третьих рук. Как профессиональный журналист, могу сказать: подобным образом можно обосновать все, что угодно. Включая то, что Есенин на самом-то деле был гуманоидом.

* * *

Но пойдем дальше. Допустим, чекисты по свойственной им злобности решили ликвидировать поэта. Но тут снова возникает вопрос: а на кой черт было устраивать подобный цирк? Помочь умереть глубоко пьющему человеку – дело нехитрое. Столкнуть его в реку, под поезд или под трамвай. Нанять бандита, который в каком-нибудь кабаке затеет драку и под шумок воткнет жертве заточку в печень. Вышло бы как в одном из самых известных его стихотворений. Так ведь нет! Чекисты устраивают изощренную постановку – и тем самым обеспечивают красивый финал мифу о поэте. То есть вместо того, чтобы заставить его замолчать, они своими руками обеспечивают ему пусть посмертную, но зато уже подлинную известность. Анатолий Мариенгоф справедливо заметил, что Есенин догнал славу на следующий день после смерти.

Часто приходится слышать утверждения, что Есенина в последние дни постоянно преследовали чекисты. Он то и дело пытался от них оторваться – соскакивал с извозчиков, метался в проходные дворы…

Вообще-то профессиональную слежку обычному человеку заметить трудно. А в ОГПУ к тому времени работали неслабые ребята. Которые переиграли знаменитого террориста Бориса

Савинкова. К тому же откуда стало известно об этой слежке? Да со слов самого Есенина, который жаловался на нее друзьям. Вот только достоверность таких слов поэта весьма сомнительна. За ним давно замечались некоторые странности. Вот как описывает Мариенгоф приезд Есенина из-за границы:

«И еще вспомнилось: два наших дворника-близнеца, пыхтя, вносят в комнату громадный американский чемодан, перехваченный, как бочка, толстыми металлическими обручами.

Вслед, пошатываясь, входит Есенин. Его глаза в сухом кошачьем блеске. Лицо пористое и похоже на мартовский снег, что лежит на крышах.

– Вот, Толя, – кивает он на чемодан, – к тебе привез. От воров.

И скользящим подозрительным взглядом окидывает комнату, не доверяя углам, где и собачонке-то не утаиться.

– От каких, Сережа, воров? Кто ж это? Где они?

– Кругом воры! Кругом!

<…>

И, озлившись, роется в чемодане дрожащими руками:

– Я, знаешь ли, по три раза в день проверяю. Сволочи! Опять шелковую рубашку украли. И два галстука…

Бред! Страшный, нелепый бред!

– Подделали! Подделали ключи-то. Воры! Я потому к тебе и привез. Храни, Толя! Богом молю, храни! И в комнату… ни-ни! Не пускай. Не пускай эту мразь! Дай клятву! По миру меня пустят. С сумой. Христовым именем чтобы кормился. Пла-акать хочется».

Это было задолго до трагедии. А потом началась «слежка чекистов». Ну что ж. Если много и целенаправленно потреблять алкоголь, то могут появиться не только чекисты, но и черти. Можно напомнить, что в результате Есенин угодил в психушку. Считается, что он там скрывался. Но это опять же считается авторами «убойной» версии. А вот мне врач больницы имени Скворцова-Степанова, специализирующийся как раз на чрезмерно пьющих гражданах, утверждал, что у Есенина был типичный алкогольный психоз. Замечу, кстати, что водка в те времена была очень плохого качества. Вроде «паленки» в начале девяностых. Что там в нее добавляли – это теперь нам уже не узнать. Так что «крышу снести» с нее могло запросто.

* * *

А теперь можно переходить к самому главному – к тому, что случилось 27 декабря 1925 года в гостинице «Англетер». Тут я

приведу мнение специалиста. Во время перестройки версия об убийстве поэта начала широко распространяться. В результате в 1992 году была проведена экспертиза, в которой участвовал эксперт Бюро судебно-медицинской экспертизы Департамента здравоохранения Москвы Сергей Никитин, один из ведущих специалистов страны. Своими выводами он поделился сразу после расследования, однако тогда они пришлись как-то не ко двору, поскольку выбивали почву у тех, кто эксплуатировал «убойную» версию. После шумихи, связанной с сериалом, о нем снова вспомнили. Я не стану пересказывать его выводы, а приведу интервью Никитина, опубликованное 11 ноября 2005 года в «Комсомольской правде».

« – Сергей Алексеевич, смотрите сериал?

– Серьезному специалисту, который хорошо знает, чем отличается жертва убийства от самоубийцы, глядеть на это смешно. Но вчера после вашего звонка специально посмотрел.

– Ну и как?

– Особенно впечатлил судебный медик. Ужас! Разве нельзя было найти человека более благообразного? Мы же все-таки ученые, а не бандиты. За 32 года работы ни разу не встречал даже санитара с такой физиономией.

– Ваш «коллега» в фильме утверждает, что Есенина убили.

– В 1992 году после многих публикаций о расправе над великим поэтом в бюро Главной судебно-медицинской экспертизы Минздрава России (я тогда был командирован в это бюро для участия в идентификации царских останков) официально обратился председатель Есенинского комитета ИМЛИ им. Горького, ныне покойный Ю. Прокушев. Комитет попросил проверить все версии смерти Есенина. Наша экспертная группа, в которую входили три профессора судебной медицины – С. Абрамов, В. Крюков и В. Плаксин, а также эксперт И. Демидов, уже ответила много лет назад на все эти вопросы. Большую помощь как специалист в области фотографии нам оказал прокурор-криминалист Генпрокуратуры В. Соловьев. Мы изучили массу материалов – копию акта осмотра места происшествия, копию акта вскрытия тела, подлинные фотонегативы, семь гипсовых посмертных масок лица С. Есенина. Чтобы исследовать самую качественную из них, изготовленную скульптором И. Золотаревским на следующий день после смерти поэта и на которой видна каждая морщиночка, я специально ездил в Санкт-Петербург в Пушкинский дом.

– И каков был ваш вердикт?

– Он повесился сам.

– А разве нельзя обмануть следователя и судмедэксперта?

– Можно. Для этого, например, можно толкнуть жертву под поезд. Или застрелить в упор (случай с Маяковским, кстати, в определении рода смерти намного сложнее есенинского). Но главный аргумент против версии убийства Есенина вовсе не в области судмедэкспертизы. Это просто обычная логика.

– То есть?

– Ну зачем, по-вашему, огэпэушникам (именно ОГПУ, по мнению следователя Э. Хлысталова и др., является убийцей), перед тем как вешать Есенина, бить его канделябром в лоб?! У них ведь другая задача – чтобы комар носа не подточил.

– Ну оплошали чекисты. Есенин неожиданно оказал сопротивление…

– Тогда возникает вопрос: зачем могущественное ОГПУ после неудавшейся имитации самоубийства пустило в гостиничный номер фотографа М. Наппельбаума? Он, приехав на место происшествия, фотографировал все, что хотел, включая «неопровержимые улики»… Следователь Э. Хлысталов и другие теперь предъявляют фото вдавления на лбу Есенина как главное доказательство убийства. Кроме того, зачем ОГПУ заставило скульптора И. Золотаревского сделать точнейшую гипсовую маску лица поэта? *(Смеется.)*

– А если и это не аргументы?

– Предположим. И даже забудем о результатах исследования тела С. Есенина, проведенного А. Гиляревским в морге Обуховской больницы. Допустим, он при вскрытии предпочел «не заметить» перелом лобной кости. Допустим, агенты ОГПУ создали себе кучу проблем, сначала избив С. Есенина, а потом затащив на трехметровую высоту мертвое тело. В этом случае версию о самоубийстве, как это ни парадоксально, доказывает именно этот след на лбу у покойного.

– ?!

– Любой судебный медик знает: если человека ударить по лбу тупым предметом, никакого вдавления не получится. Образуется рана. Она может быть различной формы, но в виде ямки – никогда. Даже если после удара образуется вдавленный перелом лобной кости, вдавления на коже все равно не будет.

– Тогда что на лице у Есенина?

– Я провел эксперимент. С посмертной маски Есенина снял гипсовую форму и нанес на ее внутреннюю сторону слой пластилина толщиной около 5 – 6 мм (толщина мягких тканей). Вмятину выровнял. Внутреннюю сторону получившейся маски залил гипсом, который играл роль черепа. А затем приложил трубу диаметром 3,7 см (диаметр был вычислен исходя из размеров и глубины вдавления) с учетом характерного для

повесившихся наклона головы. И все совпало! След на маске точно повторял оригинал – вплоть до следа у правого ската носа. Следовательно, горячая труба (а в ночь на 28 декабря в гостинице «Интернационал» – бывший «Англетер» – включили паровое отопление) в течение нескольких часов была в плотном контакте с кожей лба.

– Разве это ожог? Что-то не похоже…

– Мягкие ткани как бы сварились, и вдавление зафиксировалось вплоть до похорон. Горячая труба сделала еще одно дело. Левое же глазное яблоко несколько запало, как у всех покойников, и произвело впоследствии впечатление «вытекшего».

– Но были же в деле Есенина и другие странности.

– Возьмем протокол осмотра, составленный участковым надзирателем Н. Горбовым. Итак, «прибыв на место, мною был обнаружен висевший на трубе мужчина… Лицо было обращено к трубе… Ноги от пола были около 1 и 1/2 метра…».

– Вот и пожалуйста! Говорят, что высота потолков в «Англетере» около четырех-пяти метров и туда невысокий поэт самостоятельно бы не забрался.

– Ничего подобного. Судя по фотодокументам, высота потолков – не более 352 сантиметров. Это легко устанавливается с помощью математики *(показывает расчеты)*. Тут вообще-то трагическое стечение обстоятельств. Никаких высоко расположенных крючков в номере не было. Но кресло, письменный стол и высокая подставка для канделябра привлекли внимание С. Есенина. Они образовали этакую лестницу на Голгофу. Оставалось только взойти по этим ступенькам и дотянуться до трубы парового отопления. Есенин ростом 168 сантиметров стоял на тумбе высотой 150 сантиметров – получается 3 метра 18 сантиметров. Он легко дотягивался до той точки, где был узел.

– Но разве узел не должен соскользнуть по трубе вниз?

– Тогда позвольте спросить: каким образом участковый застал Есенина висевшим именно на вертикальной трубе? Но так как возникло много дурацких вопросов, мы провели дурацкий эксперимент – нашли точно такую трубу, что была в гостинице, и стали на ней испытывать всевозможные виды веревок – пеньковые, хлопчатобумажные, шелковые различного диаметра. Завязывали самые разные узлы, и ни один из них не подвел. Сначала на трубе подвесили нашего лаборанта А. Иванова, затем к нему присоединился другой, и только когда на этой гирлянде повис третий, узел начал сползать вниз.

– «…В нижней трети левого предплечья одна рана, идущая в горизонтальном направлении, и три раны в вертикальном

направлении, эти раны длиною около 3 см...» – читаю я протокол.

– Он сделал поверхностные разрезы кожи, чтобы написать кровью свое последнее стихотворение «До свиданья, друг мой, до свиданья...». Кое-кто утверждал, что такие небольшие раны не могли дать достаточного количества крови. Мы снова опытным путем доказали – могли. Наш лаборант случайно чуть порезал палец, и я его кровью написал это стихотворение. Причем в двух экземплярах, так как второй должен оставаться в архиве. Выяснилось, что крови хватило бы и на три стихотворения (0,02 миллилитра на каждое). Но здесь нужно учесть, что вряд ли С. Есенин написал это произведение за 2 – 3 минуты. Поэтому после остановки кровотечения из первой ранки он делал второй разрез, затем третий и четвертый.

– «Под левым глазом – небольшая поверхностная ссадина...» Еще одна странность.

– Одна из фаз механической асфиксии при повешении – так называемые клонические судороги, в результате чего человек бьется об окружающие предметы. Один старый судмедэксперт, присутствовавший при казнях предателей во время войны, рассказывал мне, что судороги были настолько сильны, что обрывались веревки. Кстати, если вы прочтете следующую строку: «Одет в черные лакированные туфли», то вы обнаружите настоящий криминал. Шикарные туфли Есенина бессовестно украли в морге. Это установила научный сотрудник ИМЛИ М. Стахова. Я хочу, чтобы вы поняли, насколько скрупулезно исследовались все документы.

– Но в фильме утверждают, что у рта Есенина имеются следы от удавки.

– Следы действительно есть. Но это вертикальные потеки подсохшего желудочного содержимого у уголков рта. Такое случается с повесившимися. И никакого предшествовавшего повешению удавления в случае с Есениным не было. Посмотрите на фотографию крупным планом правой боковой поверхности шеи. Видна двойная борозда, образованная обычной витой веревкой диаметром около 1 см. Кстати, известно, что С. Есенин всегда надевал шарф именно двойным оборотом...

– Получается, Есенин наложил на себя руки все-таки сам.

– Думаю, в этом поучаствовал алкоголь. За несколько дней до гибели поэт вышел из психиатрической больницы. В тот вечер он с друзьями выпил немного шампанского. А у алкоголиков после длительного воздержания даже маленькие дозы алкоголя могут вызвать помутнение рассудка.

– Но почему все-таки версия об убийстве так популярна?

– Наверное, потому, что выдумки интереснее правды».

* * *

Справедливости ради стоит отметить, что некоторые странности в этом деле имеются. Но пока что никто из сторонников версии убийства Есенина не смог членораздельно опровергнуть ВСЕ аргументы, выдвинутые Никитиным. Который, заметим, в отличие от оппонентов, является профессионалом. В его добросовестности нет никаких оснований сомневаться. В 1992 году конъюнктурной была как раз противоположная версия – в то время большевиков обличали все кому не лень. В любом случае на жертву режима Есенин не тянет никак. Советскую власть можно упрекнуть лишь в том, что при ней Есенин мог позволить себе делать все, что ему хотелось.

Кстати, в США того времени поэту, сочинившему что-либо «богоборческое» вроде «Инонии» и «Пантократора», до конца жизни не удалось бы напечатать ни одной строчки[21].

* * *

Чтобы закончить тему, можно вспомнить о посмертной славе поэта. Сегодня принято считать, что при Сталине Есенин был запрещен. В сериале приводятся слова, что кто-то пел в коммунальной квартире Есенина, и его за это расстреляли. Это полная чушь. Мой отец, к примеру, познакомился с творчеством Есенина в конце тридцатых, будучи школьником. Книга поэта ходила по классу – и никого не посадили. Замалчивали поэта – было дело. Но тут вина не власти, а строчкогонов из Союза писателей – на фоне Есенина они смотрелись, прямо скажем, кисло. Маяковского, кстати, тоже усиленно пытались забыть. И забыли бы, если б не Сталин.

Вот на этом я перехожу к другой самой заметной и трагической фигуре двадцатых годов...

Владимир Маяковский. Бумажный солдат

Наука ненависти

Иногда кажется, что Маяковский сегодня прочно забыт. Им так перекормили в годы застоя, что больше не тянет. Да и его творчество как-то не очень соответствует сегодняшним настроениям.

А между тем цитаты из его стихов прочно вошли в русский язык. Настолько, что мы часто их и не замечаем. К тому же поэты такого уровня имеют обыкновение возвращаться в самый неожиданный момент. Никто не знает, какие завтра будут настроения в обществе. Но главное даже не это – биография Владимира Маяковского в какой-то мере является символом русского авангарда. Не зря говорили, что выстрел поэта означал конец целой эпохи. Так оно и было.

* * *

Начало творческой карьеры Владимира Маяковского очень своеобразно. В 1912 году он вошел в футуристическую группу Давида Бурлюка «Гилея», первые стихи его вышли в «Пощечине общественному вкусу». Необычность же поэтического старта в том, что к моменту начала активного продвижения в литературу у Маяковского практически не было стихов! Подобное с литераторами вообще случается редко, а с поэтами – и подавно. Обычно к тому времени, когда дело доходит до первой публикации, у них уже накапливается пропасть материала. А у него – нет. Точнее, что-то Маяковский ранее писал, но сам поэт предпочел считать, что этих стихов не было. Значит, и не было. Тем более их никто не видел.

К концу 1912 года, когда футуристы пошли на тщательно спланированный штурм Парнаса, Маяковский являлся обладателем творческого багажа, состоящего из трех (!) стихотворений. С этим он и претендовал на звание «Колумба современности». То есть в поэты Владимир Владимирович лез, что называется, на голой наглости. Сам поэт позже объяснял, что его на это подвиг Давид Бурлюк, прослушав какую-то вещь и объявив Маяковского гением. Может, так оно и было. Но соратники Маяковского по «Гилее» уже имели изрядное количество печатных – и напечатанных – строчек. У Владимира Владимировича же с самого начала все складывалось не так, как

происходит обычно у творческих людей, которые сначала пишут, а потом пытаются свои творения пристроить в печать. Тут получалось наоборот: печатать уже было где. Вопрос состоял в том – что. Поэтому в утверждениях, что Бурлюк сделал Маяковского, есть доля истины. Он поэта вырастил, как в наше время продюсер растит молодую звезду. Я не зря об этом упоминаю – потому что до самой смерти Маяковский свои стихи будет именно делать. Конструировать. Положив тем самым основу новой школы.

* * *

В моей юности раннего Маяковского в шутку называли первым русским панком. Впоследствии эту мысль озвучил в печати Эдуард Лимонов. И здесь есть доля истины. В чем-то похоже даже поведение поэта. Желтая кофта – это еще что! К примеру, один преуспевающий питерский адвокат, интересовавшийся авангардным искусством, выгнал Маяковского из своей квартиры, когда тот, явившись в гости, при всем честном народе встал на четвереньки и стал лаять по-собачьи. В абсолютно трезвом виде, заметьте. То есть человек всячески привлекал к себе внимание скандальным поведением.

Но все-таки интереснее не бытовые приколы молодого Маяковского, а его творчество. Так вот, мотивы его ранних стихов очень даже «панковские». Глубокая и искренняя ненависть ко всему окружающему миру. За что этот мир так ненавидеть? А не нравится! Не такой он, как хотелось бы. Слишком самодовольный. Спокойный. «Общество потребления», короче говоря. Дело в общем-то обычное. Такая позиция, как правило, внутренне обусловлена тем, что человеку кажется, мир его оценивает ниже, чем он того стоит. А раз так – гори этот мир огнем!

Нигилизм и апокалипсические картины всеобщего разрушения смаковали тогда многие. Но у Маяковского это получалось лучше всех. Видимо, потому, что он был наиболее искренен. Ненависть симулировать куда труднее, нежели любовь.

Вообще-то в своем раннем творчестве Маяковский использовал вполне традиционные представления, разработанные еще романтиками. Такие, к примеру, как «поэт и толпа», богоборчество, романтизацию зла и разрушения. Все это было еще у Лермонтова. Другое дело – Маяковский довел все это до крайности, до логического конца. Все мне не отвязаться от аналогий с рок-музыкой. Ну люблю я ее. Так вот,

афроамериканская лирическая песня, блюз, в своей экстремальной форме превратилась в мрачный истошный хеви-метал. То же самое мы видим и у Маяковского. И в этом он был очень созвучен надвигающимся революционным событиям. Потому что марксизм-ленинизм, да и нацизм – это всего лишь доведенные до логического конца идеи, вызревавшие в Европе в течение двух предшествующих столетий.

При всем при этом Маяковский как человек был просто ходячим противоречием. Парень двухметрового роста с квадратным подбородком, угрюмым взглядом уличного хулигана и зычным баритоном, он, мягко говоря, отнюдь не являлся образцом мужественности. Маяковский обладал невероятным набором комплексов и фобий. Так, к примеру, он всю жизнь страдал болезненной чистоплотностью, происходившей из боязни инфекции. Поздоровавшись за руку с человеком, он долго потом протирал руки одеколоном. Воспевая тотальное разрушение, создавая исключительно кровожадные стихи и поэмы («Понедельники и вторники окрасим кровью в праздники!»), Маяковский в реальной жизни патологически боялся боли, а особенно – крови. Своей и чужой. Выступления футуристов часто кончались мордобоем. Самым драчливым в их компании был хлипкий, но злой, как хорек, Алексей Крученых. А вот случаев участия в потасовках амбала Маяковского не отмечено ни одного. Впрочем, может, это и к лучшему. Если бы Маяковский двинул кому-нибудь по башке графином, то поехал бы на каторгу за убийство. Силушкой-то его Бог не обидел.

Да и вообще, за всю его жизнь не замечено случаев, чтобы он применял кулаки. Для литературных нравов того времени (как, впрочем, и любого другого) – случай редчайший. В этой среде драки – ничуть не менее распространенное явление, чем среди гопников. Бывали, знаем. Но дело даже не в кулаках. Маяковский, что называется, плохо держал удар. Когда такая особенность характера у поэта – говорят «тонкая ранимая душа». Когда у солдата или бизнесмена – говорят «слабак». Впрочем, каждому свое. Солдату – солдатское, поэту – поэтово. Возможно, это качество являлось причиной, что Маяковский всегда стремился быть в команде. Качество вообще-то талантливым людям несвойственное.

Но это так, к слову. Все это не имеет такого уж большого значения. Маяковский был великолепным артистом. А актеру, играющему героя, не обязательно самому быть героем. Главное – чтобы в его игру верили зрители. А они верили[22]. Во всяком случае, стихи и поэмы Маяковского имели успех. Правда, успех этот был в значительной степени скандальным. Поэтическое

мастерство оценили лишь немногие эстеты – вроде критика Корнея Чуковского или художника Ильи Репина. Но все-таки успех есть успех. В поэтической тусовке предреволюционного периода Маяковский прочно занял место эдакого «хулигана Вовочки». К примеру, в Питере он регулярно появлялся в знаменитой «Бродячей собаке», где слонялся мрачной тенью и портил всем настроение. 11 февраля 1915 года Маяковский прочел в «Бродячей собаке» стихотворение «Вам!», где помимо традиционного хамства имелось и немного матерщины.

> Я лучше в баре блядям буду
> Подавать ананасную воду![23]

По тем временам это было запредельно. Тогда материться в приличном обществе было категорически не принято. Скандал вышел страшный. После выступления в Маяковского полетела посуда и всякие прочие мелкие предметы. «Бродячую собаку» чуть было не закрыли. Но, впрочем, если не считать хозяина заведения Виктора Пронина, которому пришлось долго и нудно объясняться с начальством, все остались довольны. Такие люди, как молодой Маяковский, в богемной среде всегда имеются. Без них скучно.

Хуже было другое. К 1916 году Маяковский начал иссякать. В самом деле, сколько можно кричать о том, что все гады и все ненавидишь? Конечно, поэмы «Облако в штанах» и «Флейта-позвоночник» были еще и о любви. Но и тут тема оказалась исчерпанной. Последние дореволюционные произведения Маяковского производят впечатление вымученных. Вроде последних бесконечных продолжений популярного фильма. Их снимают, потому что тему надо выработать до конца, но снимать-то уже нечего. Но тут Маяковскому помогла история. Началась революция.

Попытки шагать в ногу

«Принимать или не принимать? Такого вопроса для меня (и для других москвичей-футуристов) не было. Моя революция. Пошел в Смольный. Работал. Все, что приходилось».

Так сам Маяковский характеризует свое отношение к Октябрьскому перевороту. В самом деле, как мы помним, у футуристов никаких сомнений не было. Хотя бы потому, что терять им было нечего. А вот приобрести они могли очень многое.

А были ли у тогдашнего Маяковского какие-нибудь четкие

политические взгляды? Вопрос непростой. В юности он всерьез играл ся в революцию, в 1908 году в пятнадцатилетнем возрасте вступил в РСДРП[24]. Его три раза арестовывали, и в конце концов Маяковскому пришлось отсидеть одиннадцать месяцев в «предварилке» в Бутырской тюрьме. Суд его признал виновным в антигосударственной деятельности – будущий поэт был причастен к деятельности подпольной большевистской типографии. Однако было признано, что действовал он «по несознанию», а потому Маяковский легко отделался. Наверное, суд был прав. Во всяком случае, революционная деятельность Маяковского на этом закончилась. Как отрезало. Хотя убежденных революционеров такая мелочь, как тюрьма, не останавливала. Возможно, ему сильно не понравилось в тюрьме. Да и вообще, большевики-подпольщики были людьми совсем иного склада. В те времена членство в РСДРП требовало активной работы по раздуванию революции. Что было хлопотно, опасно и, как тогда казалось, не обещало скорых результатов. Да-да. В период между 1905 годом и Первой мировой войной большевики, не сомневаясь в своей правоте, считали тем не менее – торжество своих идей они увидят в лучшем случае под старость...

Поскольку Маяковский предпочел занятия сначала живописью, а потом и поэзией, членство в большевиках прекратилось само собой. Семнадцатый год он встретил беспартийным. За период, последовавший после выхода из-за бутырской решетки и до семнадцатого года советские историки и литературоведы, как ни старались, не могли найти никаких следов сотрудничества Маяковского не только с большевиками, но даже с куда более умеренными легальными марксистами, которых тогда было достаточно много. А уж они нашли бы точно, если бы таковые имелись. Да и вообще поэт не интересовался политикой. Кстати, занятия поэзией сами по себе революционной работе не мешали. Уже упоминавшийся Владимир Нарбут вполне удачно совмещал деятельность в гумилевском «Цехе поэтов» и подпольную борьбу за светлое будущее. Маяковский же пошел иным путем.

А после Октября он, задрав штаны, побежал за большевиками. Причем из всей футуристической команды Маяковский был в этом наиболее последовательным. Это была и в самом деле ЕГО революция – с романтизацией насилия и пафосом разрушения. Это были свои. Кроме того, революция была силой. А сила всегда привлекает. Одно дело – пугать обывателей с эстрады страшными картинами крушения их мира. И совсем другое – слышать в качестве аккомпанемента своих слов тяжелый топот идущих в бой колонн. «Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо», –

скажет впоследствии Маяковский. Это было искушение, которому подвергались многие авангардисты. Менять не только литературу, но и перекраивать жизнь.

Этому были основания. В революции, а впоследствии и в Гражданской войне слово играло колоссальную роль. Не зря ведь создателем Красной армии был Лев Троцкий – один из лучших ораторов XX века, а возможно, и мировой истории. С чего начиналась Красная армия? На вокзалах, набитых толпами бежавших с фронта озлобленных солдат, комиссары произносили пламенные речи. И толпы строились в колонны, шли сражаться и умирать. Можно говорить, что речи эти были ложью и демагогией – но тем не менее... Кстати, одна из главных причин провала Белого движения в том, что у них не нашлось слов такой силы...

Так вот, Маяковский был уверен, что его поэзия – именно то, что нужно революции. Всю оставшуюся жизнь он пытался объяснить это власти.

Кроме того, Владимира Владимировича по-настоящему захватил провозглашенный большевиками коллективизм. Он был по своей психологии очень «командным» человеком. Многие исследователи с сожалением отмечают, что поэта всю его творческую жизнь кто-то направлял. Сначала это был Давид Бурлюк, потом чета Бриков. Но возможно, сожалеть тут не о чем. Бывает талант и такого рода – когда человек великолепно знает «как», но ответ на вопрос «куда?» он спрашивает у окружающих. А вот большевики были командой. Большой. Настоящей. Обладающей огромной возможностью и, что самое главное, – несгибаемой волей и отчаянной решимостью довести начатое дело до конца. Перекроить мироздание – задача, может, и утопическая, но впечатляющая. В этом сила подобных проектов. Не всех удовлетворяет перспектива тихо коптить небо. А вот жить ради такой цели... Игра стоила свеч.

Но отношения с новой властью складывались у Маяковского непросто. Я уже отмечал, что в первые годы советской власти футуризм являлся официозным искусством, а Маяковский сделался редактором газеты «Искусство коммуны», которая издавалась на средства Петроградского совета. Для Маяковского это было время иллюзий, которые быстро прошли. Стать рупором революции не вышло. Во многом это произошло из-за того, что Ленин к творчеству поэта относился резко отрицательно[25]. Так, на выход поэмы «150 000 000», изданной за государственный счет, Ленин отреагировал запиской:

«Как не стыдно голосовать за издание «150 000 000» в 5000 экз.?

Вздор, глупо, махровая глупость и претенциозность. По-

моему, печатать такие вещи лишь 1 из 10-ти и не более 1500 экз. для библиотек и чудаков. А Луначарского сечь за футуризм».

Хотя бы поэтому Маяковскому не светило стать «самым главным» в области поэзии. В его статьях начала двадцатых присутствует прямо-таки детская обида: да я ж, да мы ж за советскую власть с первого дня! А она предпочитает «академиков» – то есть представителей более традиционного искусства, которые, возможно, не столь любили новую власть, но в творческом плане вызывали куда меньше вопросов.

А что Маяковский хотел, так сказать, в идеале? Это можно понять, листая тот же ЛЕФ. Львиную долю материалов составляет не творческая продукция, а теория. Точнее, поучения всех и вся: как и о чем надо писать, чтобы было по-настоящему, по-революционному. Но ЛЕФ был изданием с весьма небольшим тиражом, одним из многих. А хотелось, чтобы он был главным и единственным.

Сразу оговорюсь, что в случае с Маяковским это не было простым стремлением сделать карьеру, пролезть на теплое место под крылышко к власти. Он и в самом деле полагал, что лефы нашли единственно верный путь. Что в качестве официозного издания они принесут революции максимальную пользу.

* * *

Раз уж речь зашла о ЛЕФе. Маяковский являлся главным редактором журнала и самой заметной фигурой в этой тусовке. Но на самом деле решал не он. За спиной поэта стояли Лиля и Осип Брик.

Тени за спиной

О Лиле Брик стоит рассказать поподробнее. Она не только сыграла огромную роль в его жизни, но и в значительной степени именно ей обязан поэт своей чудовищной – иначе не скажешь – посмертной славой.

В 1891 году в Москве в семье присяжного поверенного Юрия Кагана родилась девочка Лиля. Ее мать, Елена Юльевна, была пианисткой с консерваторским образованием. Отец увлекался поэзией Гете и поэтому назвал дочь в честь Лили Шенеман, возлюбленной немецкого поэта. И Лиля, и ее младшая сестра Эльза получили прекрасное воспитание, играли на рояле, говорили по-немецки и по-французски.

Лиля была девочкой очень живой, чуть ли не с подросткового

возраста она приобрела некий шарм, который сводит с ума мужчин куда сильнее, нежели «чистая» красота. Неудивительно, что уже с юных лет Лиля начала причинять родителям головную боль своими сердечными историями. В тринадцать лет она влюбилась в сына коммерсанта Осипа Брика, который был ее двумя годами старше. Это была душераздирающая история, с попытками самоубийства и прочими подростковыми ужасами. Впрочем, страсть не мешала разным мимолетным увлечениям, одно из которых – роман с гимназическим учителем музыки – закончилось абортом (в шестнадцать лет). Кроме того, среди ее поклонников и дружков были художники, актеры и представители «золотой молодежи».

Все-таки в 1912 году Лиля и Осип сочетались законным браком. Ее муж был парнем тихим, который все время, свободное от работы в отцовской ювелирной мастерской, тратил на чтение книг и приобрел в итоге очень даже неслабую эрудицию. Довольно быстро семейная жизнь расползлась, но тесная дружба осталась на всю жизнь. Расстаться с Осипом Лиля так и не сумела. Уже после смерти Маяковского, выйдя замуж за комбрига Примакова, Лиля тем не менее притащила Осипа с собой. Что лишний раз подтверждает исключительное обаяние этой женщины. Представьте Примакова – крутого мужика, умевшего в Гражданскую приводить в повиновение орды буйных и своенравных красноармейцев, пролившего столько кровушки, что оторопь берет. Это был персонаж, по сравнению с которым наши нынешние бандиты – просто детки из песочницы. И вот жена тащит к нему какого-то интеллигента, да еще бывшего мужа. А ведь затащила. И так случается.

В. Маяковский и Л. Брик

С Маяковским Лиля познакомилась в 1915 году. Собственно, в это время поэт ухаживал за ее младшей сестрой Эльзой. Но, увидев старшую, переключился на нее. Лиля Брик вспоминала:

«Это было нападение. Володя не просто влюбился в меня, а напал на меня. И хотя фактически мы с Осипом Максимовичем жили уже в разводе, я сопротивлялась. Меня пугала его напористость, рост, неуемная, необузданная страсть».

Кстати, впоследствии Эльза стала женой знаменитого сюрреалиста и основателя французского варианта социалистического реализма Луи Арагона.

Как бы то ни было, роман Маяковского и Лили завязался. Проходил он весьма заковыристо. Маяковский в быту был чрезвычайно тяжелым человеком. К тому же Лиля придерживалась модных тогда среди богемы принципов свободной любви. А Маяковский… Он вырос в грузинской глубинке. Люди, проведшие детство в местах, где царят такие патриархальные нравы, как в грузинской провинции, даже будучи представителями другой национальности, впитывают их в кровь. А потому Маяковский хоть теоретически и признавал «продвинутость» подобных взглядов на любовь, но в душе такого авангардизма не принимал. Впрочем, кто с кем спал – это, конечно, интересно, но не слишком существенно. Важнее другое. До конца своей жизни Маяковский не мог обойтись без Лили Брик. У поэта тоже были многочисленные романы, но все равно он возвращался к ней. Лиля твердой рукой направляла его по жизни. Такой вот был Маяковский человек – не мог обойтись не только без команды, но и без няньки.

Не мог он обойтись и без Осипа. Не в том смысле, о котором вы подумали. А в том, что Осип в значительной степени был генератором идей – в том числе и ЛЕФа. Он был образован и хитер. Совместно с женой Брик исподволь направлял мощную, но безбашенную «машину» Владимир Маяковский.

Часто спекулируют на связях Бриков с ЧК. Дескать, они были приставлены от органов, дабы следить за Маяковским. Осип и в самом деле работал в ЧК – в юридическом отделе. У супругов были обширные связи с чекистами. Но не только с ними, а с видными командирами Красной армии, дипломатами и так далее. Это была тогдашняя элита – а с кем еще общаться деятелям культуры, которые претендуют на роль лидеров революционного искусства?

Причем эти военные и чекисты были людьми очень своеобразного склада – воспитанные на безумии Гражданской войны. Они были революционерами до мозга костей – в том

смысле, что умели только разрушать и бороться с классовыми врагами. «И вся-то наша жизнь есть борьба». Жить по-другому они не хотели и не умели. В этой среде переход к нэпу воспринимался очень болезненно. Потому что за ним виделось возвращение к обычной, «мещанской» жизни. Напомню, что романтической идеей революции, которая так импонировала авангардистам, была коренная перестройка не только социального строя, но и, по сути, всего мироздания. Так, пафос одного из самых знаменитых произведений Маяковского – поэмы «Про это» – как раз ненависть к тому, что «жизнь налаживается», все возвращается на круги своя. А так быть не должно! Не для того революцию делали. Недаром потом все эти пламенные революционеры кончили плохо – когда подули иные ветра. Но это будет позже.

Ассенизатор и водовоз

Лефовская теория выдвигала идеи «социального заказа» и «литературы факта». Которые, как уже говорилось, являлись, по сути, идеологическим обоснованием литературной халтуры на производственные темы. Маяковский этой самой халтурой баловался по самое не могу. Помните, я упоминал о прототипе Ляписа-Трубецкого? Это поэт Владимир Владимирович Маяковский. Свои вирши герой Ильфа и Петрова посвящает «Хине Члек». То есть Лиле Брик. В самом деле Маяковский написал бездну стихов, которые увидели свет в различных профсоюзных журналах.

Учись, товарищ,
классно
лыжами
катиться,
в военную
в опасность
уменье пригодится...

И таким вот макаром он мог писать практически на любую тему. Характерно, что, кроме академического собрания сочинений 1955 года, все эти многочисленные опусы никогда не переиздавались. Оно и понятно. Читать это невозможно. Между прочим, Маяковский, с пеной у рта отстаивая тезис о том, что именно такая поэзия необходима, в душе прекрасно знал ей цену – потому что никогда не читал эти бесконечные агитки на публичных выступлениях. Насколько они выполняли

предназначенную им роль – пропагандировать то или иное начинание власти? А черт его знает. Для агиток слишком уж они авангардные. Любая реклама (а пропаганда и агитация – это тоже вид рекламы) эксплуатирует штампы сознания, а не создает новые формы. Возможно, Маяковский и в самом деле полагал – так и нужно. А может, просто поправлял таким образом свой бюджет. Хотя одно другому не мешает.

Конечно, были и другие стихи. Гораздо более сильные. Которые в любом случае, нравятся они или нет, остались памятником настроений той эпохи. Маяковского читали. И на выступления ходили. Хотя, возможно, ходили, как и в дореволюционные времена, – на скандал. Потому что было известно – если выступает Маяковский, скучно не будет в любом случае.

Так или иначе печатался поэт много и обширно. В том числе в «Известиях» и «Комсомольской правде». Особенно в последней газете, которая тогда была рупором самых крайних революционеров. Книги Маяковского обильно выходили в государственных издательствах. Вроде бы все обстояло хорошо.

Но была одна незадача, которая поэта сильно угнетала. В «Правде», главной советской газете, его публикации можно перечесть по пальцам (между прочим, «жертвы режима» Пастернак и Мандельштам публиковались там куда чаще).

Казалось, что тут такого? Ну не печатают, и ладно. Но это свидетельствовало, что стать для власти «своим в доску» Маяковскому так и не удавалось. Он был известным и преуспевающим литератором. Но – одним из многих. Как и ЛЕФ был только одной из многочисленных литературных группировок.

Тем более что на роль «единственно верного» направления претендовал и РАПП. «Пролетарских писателей» было много – и перли они боевым клином.

Между тем эпоха менялась. Революционный энтузиазм чем дальше, тем больше уходил в прошлое. Наступал период безвременья.

* * *

В родной группировке тоже все обстояло не лучшим образом. Она переименовалась из ЛЕФа в РЕФ (революционный фронт искусств), но лучше от этого не становилось. Журнал в конце концов умер от финансовой недостаточности. Потом, правда, возродился – но уже как «тонкий». То есть, по тогдашним понятиям, менее престижный.

Революционный авангард, замешанный на пафосе разрушения, выдыхался. Надо сказать, что в небольшом ЛЕФе-РЕФе существовали тем не менее свои внутренние «фракции». Одну из них, оппозиционную Маяковскому, возглавлял Сергей Третьяков, который довел идею «литературы факта» до полного абсурда. Что до поэзии – ее он отрицал в любом виде. В общем, «третьяковцы» потихоньку Маяковского из команды выперли. Будучи командным человеком, он, оказавшись в пустоте, подался к своим противникам – в РАПП, который к этому моменту набрал колоссальную силу. Эта «мафия», хоть и не являлась официально идеологической организацией партии, набрала такую мощь, что спорить с ней мало кто осмеливался. Обычная для двадцатых годов журнальная полемика перерастала в «игру в одни ворота». Проще говоря – в травлю рапповских противников. Подробнее об этом речь пойдет в главе о Михаиле Булгакове.

В РАПП Маяковского приняли. Но... там он оставался чужаком. Большинство старых друзей и товарищей по литературной борьбе от него отвернулись. Своим отчаянным стремлением слиться с властью Маяковский медленно, но верно загонял себя в угол.

Русская рулетка

«9 апреля 1930 года.

Маяковский вышел на эстраду с температурой около 38.

И глотать было больно, и слезились воспаленные глаза, и сморкался он каждые пять минут в клетчатый носовой платок размером с добрую старинную салфетку.

В зале сидели студенты Института народного хозяйства имени Плеханова, что помещался на Стремянном.

Они не встретили Маяковского хлопками, как всегда встречали теноров и певиц из Большого театра.

Искоса из-под бровей взглянув на студентов своими тяжелыми воспаленными глазами, Маяковский сказал:

– У меня грипп, болит горло, трещит башка. Очень хотелось поваляться дома. Но потом я подумал: чего только не случается на свете с человеком. Иногда он даже умирает. А вдруг и я отправлюсь, как писал, в мир иной.

Пустота...
Летите,
в звезды врезываясь.
Ни тебе аванса,
ни пивной...

Эта мрачная шутка студентами не принялась.

Маяковский закинул голову:

– А вот, товарищи, вы всю жизнь охать будете: «При нас-де жил гениальный поэт Маяковский, а мы, бедные, никогда не слышали, как он свои замечательные стихи читал». И мне, товарищи, стало очень вас жаль...

Кто-то крикнул:

– Напрасно! Мы не собираемся охать.

Зал истово захохотал.

– Как вам не совестно, товарищи! – истерически пропищала чернявенькая девушка, что стояла у стены слева.

– Мне что-то разговаривать с вами больше не хочется. Буду сегодня только стихи читать.

И объявил:

– «Во весь голос».

– Валяй!

– Тихо-о-о! – скомандовал Маяковский.

И стал хрипло читать:

> – Уважаемые товарищи потомки!
> Роясь в сегодняшнем окаменевшем говне,
> Наших дней изучая потемки, вы, возможно, спросите и обо мне...

– Правильно! В этом случае обязательно спросим! – кинул реплику другой голос, хилый, визгливый, но тоже мужской.

Маяковский славился остротой и находчивостью в полемике. Но тут, казалось, ему не захотелось быть находчивым и острым.

Еще больше нахмуря брови, он продолжал:

> – Профессор, снимите очки-велосипед!
> Я сам расскажу о времени и о себе.
> Я, ассенизатор и водовоз...

– Правильно! Ассенизатор!

Маяковский выпятил грудь, боево, по старой привычке, засунул руки в карманы, но читать стал суше, монотонней, быстрей.

В рядах переговаривались.

Кто-то похрапывал, притворяясь спящим.

А когда Маяковский произнес: «Умри, мой стих...» –

толстощекий студент с бородкой нагло гаркнул:

– Уже подох! Подох!

Так прошел в Институте имени Плеханова последний литературный вечер Маяковского. На нем была моя сестра. Домой она вернулась растерянная, огорченная.

Еще драматичнее было после премьеры «Клопа» у Мейерхольда. Жидкие аплодисменты. Актеры разбежались по уборным, чтобы спрятаться от Маяковского. Шныряли взглядами те, кто попадался ему на глаза. Напряженные, кисло-сладкие улыбки. От них и со стороны тошнило.

Словом, раскрылась обычная картина неуспеха.

А у Маяковского дома уже был накрыт длинный стол «на сорок персон», как говорят лакеи.

Явилось же пять человек.

Среди них случайно оказалась актриса Художественного театра Ангелина Осиповна Степанова.

Ее увидал Маяковский в вестибюле и пригласил:

– Поедем ко мне выпить коньячку.

Отказаться было неловко.

За ужином он сидел во главе пустынного стола. Сидел и мрачно острил. Старался острить.

Непригодившиеся тридцать пять приборов были как покойники.

Встретив на другой день Николая Эрдмана, Ангелина Осиповна сказала ему:

– Это было очень страшно.

– Да. Вероятно. Не хотел бы я очутиться на вашем месте. И на его тоже. На его и подавно» *(А. Мариенгоф)*.

К этому можно добавить и выставку «Маяковский, 20 лет работы». Приглашения на нее поэт разослал многим представителям советской элиты, в том числе и членам правительства. Никто не пришел. Кто ж его знает почему. Не пришли – и все тут. В общем, привыкший к успеху поэт вступил в «черную полосу». На самом-то деле ничего страшного в происходящем не было. У всех случаются временные неудачи. Но поэт плохо умел держать удар. Он очутился в пустоте – и перетерпеть это не сумел.

Добавились и личные проблемы. Поэт в это время сошелся с московской актрисой Вероникой Полонской и усиленно звал ее замуж. А та не слишком спешила, хорошо представляя тяжелый характер поэта. Именно после очередного объяснения, когда Вероника Полонская спускалась по лестнице от Маяковского, грохнул выстрел…

Понятное дело, существует версия, что Маяковского убили

чекисты. Еще бы! У нас всех убивают. Только вот снова возникает вопрос: а кому это было нужно? И ответа на него нет. Да никому! К тому же ни в каких политических разборках между вождями он участия не принимал. К советской власти поэт был лоялен до самой последней степени. Да если б был нелоялен... Что он мог бы сделать? К тому же Маяковский в конце двадцатых – это не Владимир Высоцкий и не Джон Леннон. Популярность его была значительна, но ограничена в основном комсомольской средой. Так что никаких внятных объяснений мотивов, по которым чекисты решили бы его устранить, не видно. К тому же Маяковский и без того находился в тот момент в распластанном состоянии. Доходяг не убивают.

* * *

Есть, правда, одна странность в этой истории. Маяковский ушел из жизни 14 апреля, а предсмертная записка написана двумя днями раньше. Вот ее текст.

«Москва. 12 апреля. 1930 года.
Всем.
В том, что умираю, не вините никого и, пожалуйста, не сплетничайте. Покойник этого ужасно не любил.
Мама, сестры и товарищи, простите – это не способ (другим не советую), но у меня выходов нет.
Лиля, – люби меня.
Товарищ правительство, моя семья – это Лиля Брик, мама, сестры и Вероника Витольдовна Полонская.
Если ты устроишь им сносную жизнь – спасибо.
Начатые стихи отдайте Брикам, они разберутся.
Как говорят —
«инцидент исперчен».
Любовная лодка
разбилась о быт.
Я с жизнью в расчете
и не к чему перечень взаимных болей,
бед
и обид.
Счастливо оставаться.
Владимир Маяковский».

Ну и еще несколько строчек – выпады против литературных противников и денежные расчеты. Странно все это как-то. И нелепо. Но только если не вспомнить кое-какие эпизоды из жизни

поэта. Маяковский два раза уже пытался покончить с собой. В 1916 году и в начале двадцатых. Точнее, даже не совсем так. Обе попытки суицида представляли собой классическую игру в «русскую рулетку». Один патрон в барабан – и поехали! Оба раза обходилось. Вроде бы трудно соотнести это с тем, что поэт боялся боли и крови. Но такое случается. Боится-боится, а потом – раз! Сестра Лили Брик, Эльза Триоле, говорила: «Всю жизнь боялась, что Володя покончит с собой». Он и сам неоднократно возвращался к идее самоубийства – как в стихах, так и в разговорах. К примеру, утверждал, что к тридцати пяти годам покончит с собой. Потом решил пожить еще пяток лет…

Всем известны слова Чехова про ружье на стене. Идея самоубийства – из той же серии. Поэт слишком долго игрался с этой идеей. Скорее всего, в апреле тридцатого он снова холил и лелеял эту мысль. Как уже говорилось, в характере Маяковского было много от капризного ребенка. А ведь, как свидетельствует психиатрия, многие неудавшиеся самоубийцы рассказывают – они решились на этот шаг, руководствуясь детской мыслью: «Вот я умру, то-то вы поплачете». Может, так оно и было? Написал предсмертную записку, два дня лелеял подобные мысли… А вот после тяжелого разговора с любимой женщиной снова решил сыграть в любимую игру. Но только на этот раз получилось.

Этот выстрел поставил точку в целой литературной эпохе. Двадцатые годы, с их пестротой, кровавой романтикой, борьбой разных течений, закончились. Ушла в прошлое эпоха тех, кто попытался оседлать молнию – жить в ритме революции. Наступали иные времена.

* * *

Перед тем как приступить к рассказу о них, стоит, чтобы не возвращаться, рассказать о втором рождении Маяковского – в виде гранитного памятника.

После смерти поэта о нем на некоторое время постарались забыть. Борзописцы из РАППа продолжали набирать силу – и они сделали все, чтобы не осталось памяти ни о Есенине, ни о Маяковском. Мертвые титаны слишком уж выделялись на жалком фоне «пролетарских писателей». Неизвестно, как бы все сложилось, но в 1935 году Лиля Брик написала пространное письмо Сталину, в котором просила посодействовать с публикацией собрания сочинений Маяковского. Момент был выбран удачно. Незадолго до этого рапповцы наконец-то крепко получили по башке. А Сталин занимался целенаправленным

созданием советской литературы. И вождь написал на полях письма знаменитую фразу: «Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей эпохи». И из поэта стали делать памятник. Но советскую власть и Сталина лично в этом винить не стоит. Потому что всегда находятся толпы желающих, которые, высунув язык, абсолютно добровольно бросаются выполнять руководящие указания, изо всех сил доводя их до абсурда. Впрочем, к этому я еще вернусь.

Часть вторая
ЖЕЛЕЗНОЕ ВРЕМЯ

Михаил Булгаков. Жизнь через призму романа

О времени и о себе

Итак, наступила эпоха Сталина. Не сразу наступила, вождь очень долго и заковыристо шел к власти. Но имеет смысл сказать несколько слов об отношении Иосифа Виссарионовича к литературе. В перестроечные времена многие любили отмечать, что он был недоучившимся семинаристом. Хотя вообще-то когда выпускники элитных вузов попали в девяностых во власть, они провалили все, что могли. В чем числе и литературу. Но это ладно. Но личная библиотека Сталина насчитывает 15 тысяч томов. Причем на множестве книг имеются написанные сталинской рукой пометки. То есть он книги не просто читал, а внимательно изучал. Учитывая феноменальную память Сталина, можно составить мнение о его образованности. Кстати, знаменитую фразу «гений посредственности» придумал товарищ Троцкий, который тоже все проиграл, но зато, будучи чрезвычайно высокого о себе мнения, презирал чуть ли не всех. Понятно, в перестройку это очень грело душу тех, кто полагал, что только советская власть мешает им реализоваться, таким великим, которых давят «посредственности». Вот только где эти люди?

Что касается литературы, то в молодости Иосиф Джугашвили считался одним из лучших грузинских поэтов. Так что в литературе он разбирался. Другое дело, Сталин смотрел на литературу не с эстетской точки зрения, а точки зрения целесообразности. Так ведь политики – они всегда также…

Благодаря роману «Мастер и Маргарита» Михаил Булгаков стал чуть ли не символом писателя, страдающего от гонений власти. Как обычно бывает, на самом деле все было куда сложнее. Самое-то смешное, что все эти сложности Булгаков честно отобразил в том самом культовом романе. Все читали – и не видели. Именно потому, что произведение стало культовым – то есть все знали, под каким углом на него смотреть. В нем видели и апокрифическое Евангелие, и проповедь сатанизма, и бог знает что еще. А если посмотреть на роман проще – как размышление автора «о времени и о себе»? Точнее, о своем месте в этом времени?

Михаил Булгаков долгое время работал фельетонистом в газете «Гудок». Поэтому в романе очень заметна «журналистская

закваска». По точности описаний Москва «Мастера и Маргариты» может сравниться разве что с Петербургом «Преступления и наказания»[26]. Действие происходит во второй половине двадцатых годов. А не при диктатуре Сталина, как кажется многим. Диктатура Сталина началась лишь в 1938 году. Действуют там вполне реальные и узнаваемые современниками герои того времени. Так, на первых же страницах появляется поэт Иван Бездомный. Прототип узнается довольно легко. Это поэт Демьян Бедный, который в 1925 году напечатал в журнале «Безбожник» поэму «Новый Завет без обмана от евангелиста Демьяна», в которой Иисус выглядел как шарлатан, бездельник и вообще совершенно аморальный тип. Конечно, роман – не фельетон. Реальный Демьян Бедный был отнюдь не глуповатым малограмотным парнем. В 1925 году ему было сорок два года, он закончил еще при царе университет и уже двадцать лет крутился в литературных кругах. Другое дело, что стихи Бедный писал от имени такого вот «Ивана из рабоче-крестьян». А вот организация, в которой состоит Иван Бездомный, описана с фельетонной точностью. Массолит – это уже неоднократно упоминавшаяся РАПП, а здание, в котором располагался «Грибоедов», уже совсем в иные времена прославилось под именем ЦДЛ (Центральный дом литераторов).

Театр Варьете на самом деле назывался «Аквариум», он располагался в саду недалеко от нынешней станции метро «Маяковская»[27]. О «нехорошей квартире» я не говорю – об этом все знают. Заметим, кстати, что это определенная Москва – литературно-театральная. Булгаков описывает мир, в котором вращался. Точнее, ту его часть, где обитали его литературные недруги.

Большой скандал

Конечно, отождествлять автора с Мастером не стоит. Но уж больно много сходства. Итак, неприятности Мастера начались после того, как он напечатал отрывок из своего романа. С Булгаковым случилось нечто подобное. Речь идет о романе «Белая гвардия». Точнее, все было так. Публикация романа в 1925 году в журнале «Родина» шла спокойно. В журнале вышли две первые части, но потом публикация прервалась ввиду безвременной смерти журнала, скончавшегося от финансового истощения. Обычное дело в двадцатых годах.

Суета началась со сценического варианта романа – пьесы «Дни Турбиных». Премьера состоялась в октябре 1926 года во МХАТе. Два красноармейца на премьере выражали свое

возмущение происходящим – топали ногами и свистели, – и их вывели из зала. Что по тем временам было необычно (удаление из зала) – тогда считалось, что зрители имеют право не только поощрять актеров аплодисментами, но и выражать свое негативное отношение к происходящему. Но МХАТ претендовал на академичность.

Этот мелкий эпизод стал символическим. Обана! Наших выводят с «белогвардейской» пьесы! «Комсомольская правда» и «Рабочая Москва» опубликовали резко отрицательные рецензии, требуя запрещения «Дней Турбиных». Нет никаких данных, указывающих, что на это был дан сигнал сверху. Двадцатые годы – не период застоя. Тогда журналисты еще порой писали то, что думают. А упомянутые газеты были, так сказать, «ярко-красными». Недаром там широко и охотно печатали Маяковского и других лефов. Да и то сказать, Гражданская война закончилась не так уж давно. Раны не затянулись. Так что резкая реакция на пьесу, в которой вчерашние враги выглядели не монстрами, а нормальными людьми, была понятна.

За Булгакова вступился Луначарский. И может быть, все бы и кончилось, но в игру включилась тяжелая артиллерия – РАПП. Связей во властных кругах у «пролетарских писателей» было полно. Напомню, что идейный лидер РАППа (критик Латунский в романе) был шурином Ягоды. Неудивительно, к критической кампании подключились большие люди. К примеру, за запрещение пьесы выступил заведующий отделом агитации и пропаганды Московского комитета партии Н. Мандельштам. Он заявил, что во МХАТе гнездится контрреволюция, и обвинил Луначарского в том, что тот ее поддерживает, пропустив пьесу для постановки. Кстати, заметим, Луначарский-то сидел повыше. Это о нравах того времени.

М. Булгаков

Тем не менее пьесу не запретили. Правда, подкорректировали на уровне режиссуры. Так, в первоначальном варианте офицеры пели «Боже, царя храни» с воодушевлением, а в последующих спектаклях – нестройным пьяным хором. Но все-таки «Дни Турбиных» продолжали преспокойно идти во МХАТе. С 1926 по 1941 год прошло 987 спектаклей.

Однако у Булгакова дела пошли далеко не блестяще. РАПП отличался тем, что если уж взялся за человека, то с него не слезал. Следующие пьесы либо запрещались, либо отвергались. Либо их просили переделать «с учетом критических замечаний» – на что уже не шел сам автор. Это не была организованная кампания травли. Просто Булгаков стал автором, с которыми издатели и театральные администраторы предпочитали не иметь дела. Так оно спокойнее будет.

Тут я немного отвлекусь. Нежелание «поднимать волну» свойственно не только издателям советской эпохи. Возьмем демократические США. Известно множество случаев, когда американские авторы пытались задевать тамошних «священных коров» – например, феминизм. В ответ поднимался такой шум, что больше на родине книг издавать им не удавалось. Никто из

издателей не хотел связываться. Или вспомним российскую историю с резким социальным клипом Олега Газманова. Телеканалы сочли за лучшее его не показывать. Никто их сверху не принуждал. Но так спокойнее.

* * *

Так или иначе, но Булгаков оказался вне игры. Прибавьте сюда продолжающиеся «теплые» слова в газетах. Писатель попал в своеобразный рапповский список «мальчиков для битья». То есть когда автору статьи было больше нечего сказать, он прибавлял: а еще, мол, есть у нас такой гад и контрреволюционер Михаил Булгаков. Кстати, лефы занимались тем же самым, и в этом по мере сил участвовал Маяковский. Это я упомянул к тому, что часто жизнеописания выдающихся писателей строятся по схеме – гений противостоит бездарностям. Но на самом деле порой и талантливые люди ведут между собой отчаянную борьбу. Это потом их книги становятся рядом на полках.

Надо сказать, что рапповские борзописцы навалились на писателя не просто так. Вспомним сюжет причины скандала – «Дни Турбиных». В ней, по большому счету, не идет речь о противостоянии красных и белых. Действие разворачивается в Киеве в конце 1918 года. В начале пьесы герои сражаются за немецкого ставленника, гетмана Скоропадского, против Петлюры – то есть тогдашнего «самостийника». То есть искренние патриоты России попросту заблудились в дебрях Гражданской войны. И выбор героев пьесы в пользу красных обусловлен не тем, что они прониклись революционными идеями. Но так уж случилось – именно большевики восстанавливают развалившуюся страну. В реальной Гражданской войне именно такими соображениями руководствовались многие офицеры, становившиеся под красные знамена. Сегодня как-то не любят вспоминать, что половина царских офицеров пошли на службу к большевикам. В том числе почти вся интеллектуальная элита армии – работники Генерального штаба. А вот у белых всегда было плохо с опытными старшими командирами и со штабистами.

При чем тут Булгаков и РАПП? А при том, что Булгаков демонстрировал несколько иной взгляд на революцию. Который очень не нравился тем, кто делал себе карьеру на «классовой принадлежности». Хотя, замечу, из Ильи Авербаха такой же пролетарий, как из меня балерина. В этом-то и причина столь отчаянного лая.

* * *

Надо сказать, что Булгаков был человеком мнительным и ранимым – а потому такое положение он воспринимал очень болезненно. Опасался, что вслед за статьями начнутся более серьезные дела. Это отражено в романе. В произведении присутствует и обыск с арестом. Обыск у писателя и в самом деле был. Но до премьеры «Дней Турбиных» – в мае 1926 года. Точных данных о том, с чем он был связан, нет. Скорее всего, с тем, что Булгаков много печатался за границей. Хотя сам признает, что вокруг эмигрантского журнала «Накануне», где публиковали его произведения, «группируется откровенная сволочь». Вся история русской эмиграции того времени – это история возни многочисленных разведок, каждая из которых пыталась использовать эмигрантов в своих целях. Вляпаться во что-нибудь в такой каше было проще простого. А уж попасть под подозрение – еще проще. Кто-то стукнул, вот к писателю и пришли.

Булгаков отделался сравнительно легко. У него произвели обыск, в ходе которого изъяли дневник. Потом два раза таскали к следователю. Вот, собственно, и все. Для меня, у которого более 70 приводов в милицию и которому два раза «шили дело», это выглядит смешно. Но люди бывают разные.

Дневник, правда, вернули только через три года. Но несмотря на то что Булгаков в нем, мягко говоря, без особой симпатии отзывался о существующей власти, органы больше его не беспокоили. Однако в конце двадцатых он явно опасался, что побеспокоят. Всерьез опасался – настолько, что оказался на некоторое время в психиатрической клинике. Той самой, описанной в романе, – это была больница, возведенная по последнему слову тогдашней медицины. Так что, повествуя, как у Мастера сдали нервы, Булгаков знал, о чем писал. В романе Мастер сжег свой роман, на самом деле Булгаков сжег свой дневник, который ему таки вернули работники органов. Что с рациональной точки зрения бессмысленно. Если уж вернули – значит, ничего интересного не нашли.

Не свет, а покой

В 1930 году Михаил Булгаков, ощущая себя загнанным в угол, пишет свое знаменитое «письмо Сталину». Вообще-то адресовано оно было правительству СССР. Полный текст письма приведен в приложении. Если же излагать вкратце, то писатель жалуется на свое положение. На то, что ему не дают печатать то, что он считает нужным. И предлагает правительству два

варианта: либо вышлите меня за границу, либо дайте работу.

«Я прошу Правительство СССР приказать мне в срочном порядке покинуть пределы СССР в сопровождении моей жены Любови Евгеньевны Булгаковой».

Булгаков прелагает и другой вариант:

«Если же то, что я написал, неубедительно и меня обрекут на пожизненное молчание в СССР, я прошу Советское Правительство дать мне работу...

Я предлагаю СССР совершенно честного, без всякой тени вредительства специалиста – актера и режиссера, который берется добросовестно ставить любую пьесу, начиная с шекспировских и кончая вплоть до пьес сегодняшнего дня...»

Надо сказать, что тон письма отнюдь не просительный. Это больше похоже на ультиматум.

Подобные письма «на самый верх» пишут либо шизофреники, либо идеалисты, либо... те, кто полагает, что имеет на это право. Шизофреником Булгаков не был. Веры в безграничную доброту советской власти у него тоже не наблюдалось. А насчет права... Булгаков полагал, что он такое право имеет. Почему – об этом немного ниже.

Так или иначе, письмо Булгакова попало по назначению, оно было передано Ягодой лично Сталину. И как же поступает вождь? Письмо было написано 28 марта 1930 года. Через две недели, 12 апреля Ягода пишет поперек «шапки» резолюцию: «Надо дать возможность работать, где он хочет. *Г. Я.* 12 апреля».

А еще через два дня в квартире Булгакова раздается звонок лично Сталина. Вождь сказал следующее:

– Я извиняюсь, товарищ Булгаков, что не мог быстро ответить на ваше письмо, но я очень занят. Ваше письмо меня очень заинтересовало. Мне хотелось бы с вами переговорить лично. Я не знаю, когда это можно сделать, так как, повторяю, я крайне загружен, но я вас извещу, когда смогу вас принять. Но во всяком случае постараемся для вас что-нибудь сделать.

И сделали. Булгаков занял должность ассистента-режиссера во МХАТе. Его пьесы снова стали идти в театрах.

Почему Сталин поддержал Булгакова? Это любят объяснять изощренным коварством вождя. Дескать, он специально создавал себе имидж эдакого покровителя искусств. Почему-то, когда речь заходит о Сталине, всегда стараются придумать какое-нибудь заковыристое объяснение, добавляющее черной краски к его портрету. Минуя самое простое. Да просто нравились Сталину пьесы Булгакова! И все тут. К примеру, «Дни Турбиных» вождь посетил 15 (!) раз. Один из артистов Театра Вахтангова вспоминал, что после другой булгаковской пьесы, «Зойкина

квартира», Сталин сказал: «Хорошая пьеса. Не понимаю, совсем не понимаю, за что ее то разрешают, то запрещают. Хорошая пьеса. Ничего дурного не вижу».

Читатель может спросить: как же так? Сам Сталин пьесу хвалил, а Булгакова продолжали травить? Именно. Тогда вождь был еще не настолько всемогущ, чтобы прислушивались к каждому его слову. Да и литературой он в то время специально не занимался. Хватало других дел. Правда, пришлось. Подробнее об этом будет рассказано в следующей главе. А пока стоит отметить то, что касается Михаила Булгакова.

* * *

Через два года после знаменитого телефонного разговора случилась еще одна интересная вещь. «Грибоедов» сгорел. Нет, не здание, оно и теперь стоит. А вот РАПП ликвидировали. А точнее говоря – разогнали. Достали «пролетарские писатели». Этот факт большинством тех, кто не имел отношение к РАППу, был воспринят с искренним энтузиазмом. Но этим дело не кончилось. Еще через пять лет большинство гонителей Булгакова отправились на Север дикий. Кстати, люди, читавшие роман, наверняка помнят историю в Варьете – когда председатель Акустической комиссии Аркадий Семплявский потребовал разоблачить черную магию – и в итоге при всем честном народе был уличен в амурных похождениях. Так вот, товарищ Семплявский – это член ЦИК Авель Енукидзе, который курировал театры. Он имел прямое отношение к злоключениям Булгакова. Так вот, Енукидзе «погорел на аморалке» – что было явно только предлогом для его устранения от власти. Потом Енукидзе расстреляли. Не повезло «критику Латунскому» – Илье Авербаху. В 1937 году он был арестован по обвинению в участии в троцкистском заговоре и также расстрелян. Окончание «Мастера и Маргариты» писалось, когда эти события уже произошли. Все изложено точно.

А Булгакову был дан покой. Последние десять лет его никто не беспокоил. Он спокойно работал сперва во МХАТе, потом в Большом театре. «Дни Турбиных», вслед за стихами Маяковского, стали советской классикой – произведением, критиковать которое не положено.

Пьесы Булгакова не так чтобы особо, но все-таки ставились. Тем более что сам писатель в последние годы жизни сосредоточился на «Мастере и Маргарите». Благо о куске хлеба заботиться не приходилось. Можно было спокойно и

обстоятельно, хотя бы на бумаге, рассчитываться со всеми, кто когда-то обидел писателя – или просто не нравился. Вся жутковатая кутерьма тридцатых прокатилась мимо него. И дело-то даже не в рублях. Булгаков был, безусловно, высокого мнения о своем таланте. Он создавал роман если не на века, то уж в любом случае – рассчитывал, что он будет интересен достаточно долгое время. И он получил возможность его написать.

Читатель, наверное, уже догадался, куда я клоню. Многие, возможно, уже возмущаются. А почему? Воланд – это, конечно, не Сталин. Или, точнее, – это Сталин лично для Булгакова.

О таком покровителе писатель всегда мечтал. Вот что он писал в двадцатых годах:

«Ночью я зажег толстую венчальную свечу. Свеча плакала восковыми слезами. Я разложил лист бумаги и начал писать на нем нечто, начинавшееся словами: председателю Совнаркома Владимиру Ильичу Ленину. Все, все я написал на этом листе: и как я поступил на службу, и как ходил в жилотдел, и как видел звезды над храмом Христа, и как мне кричали: «Вылетайте как пробка!..» Ночью я заснул и увидал во сне Ленина. Я рассказывал про звезды на бульваре, про венчальную свечу и председателя... «Так... так... так» – отвечал Ленин. Потом он позвонил: «Дать ему ордер на совместное жительство с его приятелем. Пусть сидит веки вечные в комнате и пишет там стихи про звезды и тому подобную чепуху».

Вот. Все тот же покой. Принцип не нов. Еще до революции похожую жизненную позицию ехидно спародировал Саша Черный в стихотворении «Мечта».

Жить на вершине голой.
Писать простые сонеты.
И брать у людей из дола
Хлеб, вино и котлеты.

Только Булгаков в изменившейся исторической ситуации понимал: лучше договариваться не с какими-то «людьми из дола», а одним человеком с более высокой властной вершины...

Что тут сказать? Так уж сложилось, что многие талантливые писатели – законченные эгоисты. Именно потому, что для них главная ценность – это собственное творчество. А остальные... В «Мастере и Маргарите» Булгаков с живым задорным юмором описывает, как вассалы Воланда изгаляются над москвичами. Принято считать, что их жертвы страдают «за дело». Вот, к примеру, Воланд – Олег Басилашвили в интервью утверждает: его герой карает зло? Да? Какое? В чем виноват человек, желающий

переехать из Киева в Москву?[28] Работники валютного универмага, в котором устроили погром? Соседи, живущие под квартирой Латунского, залитые Маргаритой? Шофер такси, которому из своего кармана придется выплачивать «растаявшие» червонцы? Зато весело было. В этих эпизодах видно презрение человека, полагающего себя представителем духовной элиты, к этим «обывателям». За это «Мастер и Маргарита» и стал культовым произведением интеллигенции. «Мастеров» нужно холить и лелеять, потому что они – соль земли. Булгаковский Мастер – это «реабилитированный» Васисуалий Лоханкин[29].

«Значит, дар, полученный Мастером, мог бы ему вручить и Ленин. Значит, Воланд вручает Мастеру Ленинскую премию», – полагает отец Андрей Кураев. Но нет, для того чтобы получать Ленинские, Сталинские, а позже Государственные премии, гарантированные тиражи, ордена и все такое прочее, требовались другие качества. Нужно было активно дружить с властью. А эта дружба опасна.

* * *

В отличие же от большинства своих именитых современников-литераторов, Булгаков не стремился играть с огнем. Не пытался лезть в мрачные игры XX века. Не дружил с чекистами, не рвался печататься в «Правде» или, наоборот, – не пер с кулаками на танк. Он хотел покоя – и покой ему дали. Он хотел написать «сверхроман» – и он его написал. Он не стал ни героем, ни жертвой – просто писателем. А вот кто рвался играть... Там уж как сложилось. Одним повезло, другим – не слишком.

Фасад империи

Кровавое межвременье

Эта книга о литературе – но без рассказов о политике не обойтись. Начало тридцатых годов было мрачным временем. Его называют «началом репрессий». Что верно, но не совсем точно. Начало тридцатых – это время бешеных и кровавых политических разборок, в результате которых под каток попадали правые и виноватые.

К началу тридцатых стало понятно, что революция завершилась. Перспективы замутить мировой пожар скрылись в тумане. И начался процесс, который всегда происходит на финальной стадии революции: вожди начали пожирать друг друга. Сталин в те времена отнюдь не обладал неограниченной властью. Потому что вокруг «трона» стояли сплоченные кланы представителей «ленинской гвардии». Эти люди обладали огромным влиянием – в партии, органах и армии. Шутить с ними было опасно.

А кто они были, «ленинские гвардейцы»? Публика, прямо скажем, своеобразная. Это были яркие, сильные и не стесняющиеся в средствах люди, которые всю жизнь занимались революцией. То есть разрушением. Больше они ничего не умели. При этом данные товарищи, посидев у власти, довольно быстро приобрели широкие привычки, соответствующие представителям элиты. Никакого закона они не признавали и признавать не желали.

К качестве иллюстрации можно вспомнить фильм Никиты Михалкова «Утомленные солнцем». Вот перед нами герой Гражданской войны комбриг Котов. Хороший мужик… Режиссер симпатизирует своему герою и ставит его в выигрышные ситуации. Но если отрешиться от обаяния любимого народом артиста? Перед нами эдакий «красный барин». Он живет по принципу «Что хочу, то и ворочу», и никакой закон ему не писан. А на самом деле все эти комбриги, а уж тем более партийные лидеры, были далеко не такими милыми и обаятельными. Все они были объединены в кланы, связанные личной преданностью. Они-то и начали схватку всех со всеми. Вот тут-то и пошли косяком политические дела… Потребуется титанический труд историков, чтобы разобраться, кто против кого копал в том или ином деле. Где в них была правда, где фальсификация. Потому что – это доказано уже сегодня – имелись и реальные заговоры, и

сотрудничество с разными иностранными разведками, и вульгарная коррупция, которую по моде того времени объявляли «вредительством». И реальное вредительство тоже имелось. Есть, к примеру, очень серьезные данные, позволяющие полагать, что знаменитое «шахтинское дело» 1928 года не было сфальсифицировано, что там и в самом деле существовала антигосударственная организация.

Я не собираюсь в это углубляться. Просто именно в этом времени завязки многих трагедий, в том числе и литературных. Многие писатели оказались заложниками в этой жуткой игре.

Как известно из истории, Сталин в результате всех переиграл. Но не только потому, что был самым хитрым. Он лучше всех понимал, куда идти дальше. Потому-то и обратил внимание на литературу.

Мы будем жить теперь по-новому

Вернемся немного назад. В конце двадцатых годов «пролетарские писатели» из РАППа, грубо говоря, оборзели. Присвоили себе право судить всех и вся, грубо одергивать тех, кто против. Я уже упоминал о некоторых причинах такого напора. Но была еще одна, связанная как раз с развернувшейся политической борьбой. Дело в том, что в 1926 году один из видных советских лидеров, Бухарин, повел массированную кампанию по борьбе с «великорусским шовинизмом». Во многом она до слез походила на то, что творилось у нас в начале девяностых годов, когда демократическая творческая интеллигенция на любого, кто заговаривал о самобытности русского народа, вешала ярлык «фашиста». Но только если демократы кричали об «общечеловеческих ценностях», то в конце двадцатых исходили из классовой теории. Ведь, как говорил Маркс, «у пролетариата нет отечества». А значит, нечего тут.

Началась эта кампания оголтелой борьбой с «есенинщиной». Бухарина Есенин не устраивал именно тем, что он был сугубо русским поэтом. О чем Бухарин неоднократно и честно заявлял. Под горячую руку попались и многие другие – в том числе, к примеру, Алексей Толстой. Упоминавшаяся кампания против Булгакова – из той же серии.

Что такое «классовый подход», прекрасно поясняет школьный учебник истории России, изданный в 1925 году. Согласно этой книге, если что и было в российской истории хорошего – так это лишь восстания Разина, Пугачева и прочих подобных деятелей помельче калибром. Все остальное – сплошной мрак. Все войны рассматриваются как «чуждые народу» происки всяких там

реакционных князей и прочего царизма.

Ребятам из РАППа борьба с «великорусским шовинизмом» была донельзя выгодна. Это позволяло под шумок вытеснить с литературного рынка всех тех, кто не влезал в прокрустово ложе классового подхода. Борцы с масонами при упоминании об этой кампании любят отмечать, что в руководстве РАППа было много евреев. Вот они – исконные враги народа русского! На самом-то деле халтура не имеет национальности. Дело-то в другом – в том, что история развивалась немного не так, как это себе представлял Карл Маркс. Хорошие писатели описывали то, что видели, – потому и шли вразрез с классовой теорией. А халтурщикам – им все равно...

* * *

Но была и другая тенденция. Самое смешное, что ее уловил и оседлал грузин Сталин. Революция развивалась не так, как планировали большевики. Мирового пожара не вышло. И уже в 1924 году Сталин озвучивает тезис, абсолютно еретический с марксистской точки зрения – о «возможности построения социализма в отдельно взятой стране». И дело тут вовсе не в социализме, а в очень простой мысли. Раз уж мы оказались во главе страны, то надо наводить порядок здесь. Надо любой ценой сделать страну сильной. А то сожрут.

Чем дальше – тем этот тезис становился все более очевидным. Сегодня только клинические либералы верят в существование «общечеловеческих ценностей», которыми якобы руководствуются демократические государства. Ага. Если кого-то ничему не научили Югославия и Ирак – это безнадежный случай.

В государственной политике есть только одна ценность – собственная выгода. Все остальное – болтовня. Если кто-нибудь все-таки сомневается – вспомните Японию, которая все двадцатые и тридцатые годы откровенно зарилась на Дальний Восток. Или Польша, претендовавшая на «границы 1779 года» – то есть на включение в свой состав Белоруссии и половины Украины. Да и «мирная» Финляндия полагала, что ее исторические границы должны быть по Свири (посмотрите на карту Ленинградской области, и вы поймете, о чем речь идет).

* * *

В общем, СССР должен был ценой чудовищных усилий

соответствовать моменту – стать сильной индустриально развитой державой. Для подобного «большого рывка» мало было грубого принуждения. Нужна была идеология. И она имелась – старая, но надежная. Национал-патриотизм. Или, если хотите, империализм. К этому прекрасно подверстывалась старая русская мессианская идея. Не беда, что православие сменилось на «коммунистическую веру». Главное-то – есть МЫ и есть ОНИ. Бог с нами и хрен с ними.

Напомню, что именно этим духом проникнуто стихотворение Александра Блока «Скифы». Он уже в самом начале революции догадывался, чем дело кончится. Впрочем, так всегда кончаются великие революции. Во Франции все закончилось Наполеоном и его строительством великой империи. А у нас Сталиным. Делов-то.

Империализм, пусть даже и в социалистическом варианте, плохо сочетается с вульгарным классовым подходом. И уж в любом случае – империализму противопоказано презрение к собственной истории. Тут все наоборот – наши уже потому хороши, что они наши. Совсем иной поход. Который в результате и возобладал.

В качестве иллюстрации можно привести историю из жизни уже знакомого нам Демьяна Бедного. В отличие от большинства товарищей по РАППу он был талантливым человеком. Недавно по радио я слышал техновариант песни «Как родная меня мать провожала», написанной на его стихи. Плохие тексты столько не живут. Так вот, Демьян Бедный долго был вполне востребованным властью поэтом. Но в тридцатых он, видимо, не очень понял, куда ветер дует. В 1937 году состоялась премьера музыкального произведения «Богатыри» знаменитого композитора А. Бородина. Неунывающий Демьян Бедный накатал новый, «современный» текст. Он получился в духе двадцатых годов – русские богатыри выступали сущими гадами, представителями эксплуататорского класса, противостоящими простому народу.

В итоге получился жуткий скандал. Действуя по отработанным технологиям отливки агиток, поэт не учел, что времена переменились. И облажался. Потому как по новым представлениям богатыри являлись героями земли Русской. Какими, замечу, они предстают и в русском фольклоре. Как вы думаете, с какой официальной формулировкой была запрещена пьеса? Ни за что не догадаетесь. «ЗА ГЛУМЛЕНИЕ НАД КРЕЩЕНИЕМ РУСИ»! Конечно, это не означало возврата к православию (хотя именно при Сталине, во время и после войны религию начали потихоньку «отпускать». А прекратил это уже Хрущев). Сталин прекрасно понимал роль православия в

становлении Русского государства.

Ничего особо страшного после этого провала с Бедным не случилось, но от сонма привилегированных и облеченных доверием его отодвинули навсегда. Хорошо, что Демьян не дожил до XX съезда. А то бы тоже объявил себя «жертвой сталинских репрессий».

В 1937 году с большой помпой было отмечено столетие смерти Пушкина. До этого времени Александр Сергеевич упоминался как-то сквозь зубы. Мол, был такой, конечно. Представитель дворянского класса. Теперь он снова стал поэтом номер один. Был издан здоровенный сборник произведений поэта, в который ухитрились всадить все его произведения вплоть до анекдотов. (Вот с чего надо учиться сегодняшним верстальщикам!)

Кстати, в том же тридцать седьмом вернули детям новогодние елки, которые в 1924 году от большого ума были запрещены с подачи Надежды Крупской.

Это не был откат назад. Просто пришлось вспомнить старые ценности. Время требовало – любой ценой – сделать так, чтобы у нас были свои танки и самолеты. Чтобы имелись ученые, инженеры и квалифицированные рабочие, которые смогут их построить. Иначе сожрут-с. Это был вопрос жизни и смерти. В такой обстановке всегда не до демократических ценностей. Страшноватое было время. Но что делать. Строительство Петербурга было не менее жутким, чем освоение Колымы.

* * *

Потому-то и вспомнили, что всю свою историю русские занимались двумя вещами: сражались с врагами и шли на северо-восток.

Железное время – железные законы. И конечно же литература не осталась в стороне. Начиналась большая игра.

Великий съезд

Вернемся немного назад. Если читать описания жизни литераторов, чья судьба в тридцатых годах сложилась невесело, то получается грустная картина. С созданием в 1934 году Союза советских писателей тружеников пера загнали в «барак», хороших – кого запретили, кого посажали, остались одни лишь бездарности. Все так, но… Алексей Толстой – плохой писатель? Михаил Шолохов? Константин Симонов?[30] Александр

Твардовский, автор гениальной солдатской поэмы «Василий Теркин»? Вот именно. Не так все просто.

Но обратимся к истории. Едва только наметился хоть какой-то просвет в бесконечной политической борьбе, Сталин обратил свой взгляд на состояние литературы. И понял, что ее нужно спасать в пожарном порядке – пока товарищи из РАППа ее не погубили окончательно. В результате 7 мая 1932 года появилось постановление оргбюро ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций». Главным в этом документе было то, что «пролетарских писателей» попросту разогнали. Лафа кончилась. Массолит сгорел. Монополии РАППа пришел конец. Чему все не причастные к этой тусовке искренне радовались.

Однако Сталин был не тем товарищем, чтобы пускать литературный процесс на самотек. Тем более что, будучи сам в прошлом поэтом, он эту публику понимал.

Альтернативой разномастным группировкам должен был стать единый Союз писателей СССР. Об этом было провозглашено в том же постановлении. Но это легко сказать. Дело растянулось аж на два года. Виной тому – сами писатели, которые увязли в бесконечных интригах. Впрочем, об интригах речь пойдет ниже. Как бы то ни было, в 1934 году состоялся Первый съезд Союза советских писателей. На нем присутствовали 592 человека, которые представляли около 2000 работников пера. Интересно, что треть от присутствующих (33%) составляли поэты. Профессиональные поэты, то есть живущие за счет публикации своих стихов. В демократических странах таких людей можно по пальцам пересчитать. И тогда, и теперь. Вступительная речь Горького привела многих литераторов в состояние некоторого шока. Как вспоминает Мариэтта Шагинян, звучала она совсем не по-марксистски. Сквозь обязательные по тем временам заклинания просвечивала все та же имперская идея. Конечно, под коммунистическим соусом – но какая разница? Если отбросить идеологическую шелуху, то идея заключалась в следующем. Нам (то бишь Сталину) нужны хорошие писатели. Они вместе со всем народом будут работать на строительстве Великой Империи. Ну а мы создадим им соответствующие условия. Деловое предложение. Кошмар? С чего вы взяли? Обычное дело. Кто платит, тот заказывает музыку.

Есть анекдот про старого журналиста, которого молодой упрекает, что тот продался. На что матерый газетный волк отвечает:

– А вас когда-нибудь покупали?

В качестве параллели приведу нацистскую Германию. С литературой там вышло плохо. В отличие от Сталина Гитлер в

ней не разбирался и книг не любил. Зато было кино. Я имею в виду прежде всего великую документалистку Лени Рифеншталь. Была ли она искренней сторонницей нацизма – вопрос спорный. Но как режиссеру фюрер предложил ей такие возможности, что отказаться у нее просто не хватило сил. Дело не в материальных благах – а именно в безграничных возможностях для творческой самореализации. Бог ей судья.

Но это только одно объяснение. Почему не предположить, что многие из присутствующих на советском писательском съезде были вполне согласны с высказанными там положениями? Кое-кто уже давно развивал подобные взгляды… Существует утверждение, которое произносится как аксиома: художник всегда находится в оппозиции к власти. Откуда этот взято? В этой книге уже упоминался Маяковский. А «певец английского империализма» Киплинг? А поздний Пушкин? У писателей бывают разные взгляды.

Алексей Толстой. Красный граф

Если бы этот писатель создал всего лишь только «Приключения Буратино» – то и этим бы он обеспечил себе место в истории русской литературы. Но Толстой написал куда больше. Кроме чисто творческих достижений, Толстой является, пожалуй, одним из самых ярких пропагандистов «социалистического империализма».

Граф Алексей Толстой приобрел известность в 1911 году, после выхода сборника рассказов «Чудаки» и романа «Хромой барин». Было ему 28 лет, что по тем временам достаточно много для литератора. Его первые произведения – это реалистические рассказы о житье-бытье провинциальных помещиков. Выглядят эти самые помещики в его ранних произведениях довольно мерзко. Лучшее определение для них – «вырожденцы». Можно предположить, что автор старался попасть в струю тогдашней «прогрессивной литературы». Но возможно, он и в самом деле так смотрел на вещи. Толстой провел детство и юность в имении отчима в Саратовской губернии – так что знал, о чем писал.

В Первую мировую войну писатель трудился в качестве военного корреспондента, а после Февральской революции совместно с Александром Блоком участвовал в работе комиссии Временного правительства по расследованию деятельности царского правительства. Так что о прелестях распутинщины, о подлости и продажности властной элиты он знал из первых рук.

Большевики его тем не менее на первых порах не вдохновили. В числе многих он рванул на юг, и в 1918 году Толстой отправился из Новороссийска в эмиграцию. А вот там началось интересное кино. В эмиграции оказались очень разные люди, придерживающиеся разных, порой противоположных взглядов. Оглядевшись, Толстой в 1920 году примкнул к так называемому движению сменовеховцев. Оно получило такое название по сборнику статей «Смена вех». В отличие от большинства представителей эмиграции сменовеховцы глядели на новую Россию со все возраставшей симпатией. Большевизм их особо не прельщал. Но раз уж у власти оказались именно большевики… Значит, так было нужно. Сменовеховцы полагали: революционный нигилизм – дело временное. Все устаканится – и страна вернется на свой нормальный путь развития. То есть возродится, пусть и в других формах, Российская империя. В эмиграции Толстой пишет роман «Сестры», ставший впоследствии первой частью «Хождений по мукам». Произведение вызвало большой шум в эмигрантских кругах. Потому что из него

следовало: старая Россия рухнула, потому что ничего другого ей не оставалось. Это резко контрастировало с основным потоком эмигрантской литературы, которая специализировалась на двух основных темах: обличении большевиков и ностальгии по «России, которую мы потеряли». Где все было так хорошо. (Кстати, писатель отметился и в «ностальгической» теме, создав повесть «Детство Никиты».) Именно тогда Толстой и получил прозвище Красный граф.

В общем, если одни деятели культуры стремились уехать из РСФСР, а кое-кого даже высылали насильно (знаменитый «пароход философов»), то Алексей Толстой уже с начала двадцатых взял курс на возвращение. Почему? Возможно, прозябание в эмигрантских изданьицах с их хлипкими тиражами, вокруг которых кипела нескончаемая грызня, его не устраивало. А на родине было где развернуться.

Кстати, с творческой свободой в эмиграции было не слишком хорошо. Конечно, ее лидеры не могли ничего запретить. А вот сделать так, чтобы того или иного автора не печатали бы, – вполне могли. Все издательства в той или иной форме зависели от эмигрантских «кланов».

Так или иначе, в 1923 году Алексей Толстой возвратился на родину. Первой его публикацией в СССР стал написанный еще за границей роман «Аэлита». Это произведение открывает историю русской научной фантастики. Но оно интересно не только этим, а заложенными в нем идеями.

Для тех, кто подзабыл, напомню сюжет. Разочаровавшийся в жизни инженер Лось с тоски строит межпланетную ракету и собирается лететь в ней на Марс. В качестве компаньона с ним отправляется Иван Гусев, который за время Гражданской войны настолько полюбил воевать, что в мирной жизни ему скучно.

На Марсе они застают цивилизацию, которую создали выходцы с Земли, из легендарной Атлантиды, покорившие местных дикарей. Все бы хорошо – высокие технологии, утонченная культура, тайные оккультные знания[31]. Но по сути, Марс представляет собой эдакий Рим периода упадка. Духовный кризис. Марсиане вырождаются. «Закат Европы», как выразился двумя годами позже Освальд Шпенглер.

Прилет гостей с Земли пробуждает скрытые противоречия. Дело в том, что местная элита носится с лозунгом: давайте встретим закат цивилизации красиво. А трудящиеся массы с надеждой смотрят на Землю: оттуда придут люди с горячей кровью – и жизнь снова обретет смысл. В общем, вспыхивает революция, которую возглавляет горячий парень Иван Гусев…

Советские литературоведы не забывали отмечать, что

Алексей Толстой в «Аэлите» что-то недопонял. В самом деле, его революционер как-то не очень похож на убежденного большевика. Вернее, совсем не похож. Для него Советская Россия – данность, «база». Такая же, какой была Россия для Ермака и его братвы. Но зато он постоянно говорит «мы, русские», мечтает о присоединении Марса к РСФСР… Нормальный империализм. У Киплинга было «бремя белых», у Алексея Толстого в «Аэлите» – «бремя красных». Так и случилось после 1945 года, когда Советская империя стремительно расширила свои границы. Не она первая, не она последняя.

В «Аэлите» эта тема плохо просматривается сквозь революционную романтику. Толстой обладал ценным для писателя качеством – он умел, образно выражаясь, бежать ровно на один шаг впереди паровоза. То есть проводить свои мысли так, чтобы они не слишком уж шокировали своей новизной. В те времена и Сталин еще только исподволь начинал гнуть свою линию.

А вот в романе «Восемнадцатый год» все уже куда заметнее. В первом варианте, опубликованном в 1928 году, с коммунистическими идеями тоже как-то не очень (это в последующих переработках Толстой их добавил, следуя генеральной линии). Согласно ему, Гражданская война – это новое Смутное время. И большевики – единственные, кто может страну из него вытащить. Ну так вот сложилось. Потому что остальные думают о чем угодно, но не о Родине. И уж в окончательном виде эти идеи проявились в самом известном романе Толстого – «Петр I». Тут уж исторические аналогии, что называется, лобовые, а история петровского царствования откровенно подогнана под главную идею. Царь-реформатор строит новую Россию жуткими методами. Но он строит великую державу! А это главное. Мы за ценой не постоим. Заметим, речь идет не о хорошей жизни жителей империи, а о ее могуществе.

Современному читателю такая, мягко говоря, не очень гуманистическая позиция может не нравиться. Но все великие эпохи не слишком оборудованы для гуманизма. Так уж получилось, что созданная в тридцатых годах империя сломала германскую военную машину. Ту самую, которая легко прокатилась по такой демократической Европе.

Большой вопрос – насколько Алексей Толстой писал то, что думал, а насколько – следовал складывающейся конъюнктуре. Но это по большому счету и не важно. Его произведения не противоречат друг другу. В отличие от демократов-перестройщиков, которые после перемены власти стали писать абсолютно противоположное тому, что кропали в советское

время. Он честно служил империи – и оказался одним из тех, кто прошел это непростое время без особых проблем. У него это получилось.

Хотели как лучше

Творческий заповедник

Итак, создавая Союз советских писателей, Сталин, по сути, нанимал на работу «специалистов по пиару», которые будут популяризировать его грандиозные начинания. Будучи человеком практичным, он не интересовался такими глупостями, как социальное происхождение. Писатель должен уметь писать. Вот, собственно, и все. Кстати, нельзя сказать, что творческие рамки были такими уж узкими. Пришвин и Паустовский, к примеру, всю жизнь писали не о партии, а о природе. Да и что касается собственно идеологических рамок – тут тоже не все далеко так просто, как кажется. У нас любят пенять на зеркало. Но к этому я еще вернусь. А пока давайте посмотрим: а что, собственно, предложил писателям Сталин?

* * *

Если Союз писателей и называть казармой, то стоит признать: казарма получилась очень даже комфортабельной. В СССР были созданы совершенно исключительные условия для литераторов. Которых не было никогда до этого, и вряд ли они повторятся в будущем. Не зря ведь композиторы очень обижались, что до них у власти руки не доходили аж до 1947 года, когда и они объединились в Союз. То есть рвались в «казарму», как в буфет.

К примеру. Я уже упоминал, что на учредительном съезде ССП присутствовало более двухсот поэтов. Потом их число возросло еще в несколько раз. Так вот, все эти люди имели возможность жить литературным трудом. Если не публикацией стихов, то переводами. Такого не было и нет нигде больше! Другой вопрос: а нужно ли обществу такое количество профессиональных стихотворцев? Но сами поэты придерживаются на этот счет понятно какого мнения. Что уж говорить о представителях других, более «самоокупаемых» жанров. Членам Союза были предоставлены все возможности для работы. Чуть ли не сразу после Первого съезда возник знаменитый писательский дачный поселок в Переделкине с Домом творчества. Тогда же распространилось такое понятие, как «творческая командировка». То есть они были и раньше, но теперь прочно вошли в обиход. Писатель, дабы нарыть впечатлений, за государственный счет путешествовал по стране. Статус писателя был поднят чуть ли не

на космическую высоту. В виде анекдота могу привести такой эпизод. Совсем в другую эпоху, в семидесятых годах, существовали мошенники, которые колесили по СССР, выдавая себя за писателей. Нет, не за известных, не за Чингиза Айтматова или Бориса Васильева. А просто – за членов ССП. И жили, видимо, неплохо. Сегодня таким образом вряд ли можно что-нибудь заработать.

Но главное все-таки, я думаю, не в материальных благах. Точнее, не только в них. Хотя голубая мечта каждого, кто мнит себя писателем: писать книги – и больше ничего не делать. Знаете, общаясь с пишущими людьми, я сделал следующее наблюдение: они скорее готовы согласиться кропать самую оголтелую халтуру на какую угодно тему, даже которая глубоко чужда и вызывает отвращение. Лишь бы не заниматься чем-нибудь иным. Вспомните пример Сергея Довлатова. Как он страдает, бедный, что вынужден работать в газете и писать всякую лабуду. Но на завод ведь не пошел. И на Колыму, при его-то комплекции, не поехал золотишко мыть. Такова уж психология творческих работников.

* * *

Но, повторяю, дело не только в этом. Сегодня тираж книги в пятьдесят тысяч экземпляров считается не просто большим, а очень большим. А тогда это был минимум! Сто тысяч, двести, полмиллиона... Вот в таких количествах издавали книги. И тут опять же – об особенностях творческой психологии. Что бы человек ни написал – ему все равно нравится видеть свои книги на полках магазинов. А уж если их еще и покупают... А ведь покупали. Советская власть не только издавала писателей – она откровенно навязывала литературу, приучала людей к чтению. Можно объяснять это как угодно – но культуру пропагандировали. Так что искушение оказаться в обойме было уж больно велико. Сегодня как-то не любят вспоминать, что идол фрондирующих интеллигентов, Борис Пастернак, был не просто членом ССП с первого дня его существования, а состоял в правлении. В тридцатых годах он был рекордсменом по количеству стихов, опубликованных в «Правде». На втором месте идет Осип Мандельштам. Нравилась им власть или нет – но в первые ряды все же очень хотелось...

Но было и еще одно, если можно так сказать, сверхискушение власти.

Великий пиар-проект

Первый съезд Союза писателей провозгласил основополагающим методом принцип так называемого социалистического реализма. В застойные годы этот термин так затаскали, что мало кто понимает, о чем идет речь. А в среде «андерграунда» он вообще стал ругательством. А что это за зверь-то такой?

Собственно к реализму этот метод имеет примерно такое же отношение, как и сюрреализм. То есть, несмотря на общность корня, – никакого. Соцреализм иногда называют очередным модернистским направлением, которое, в отличие от других, победило в отдельно взятой стране. В отличие от футуризма, который так к этому стремился.

Вообще-то социалистический реализм существовал не только в СССР. В этом жанре работали, скажем, не самые последние французские писатели, такие как Анри Барбюс и Луи Арагон. Были попытки и в других странах – правда, менее значительные.

Так в чем же смысл этого термина? В том, что действительность описывается не такой, какая она есть. Атакой, какой она должна быть. Не в смысле ее идеализации, сглаживания конфликтов и всего такого прочего. Но расстановка сил, противостояние добра и зла, суть конфликтов должны соответствовать заданной «генеральной линии». Предполагалось, что художественные произведения, талантливо созданные по этой схеме, будут влиять на жизнь, «подтягивать» ее до провозглашенных образцов. Забавно, это абсолютно противоречило марксистскому представлению о первичности материи по отношению к сознанию. Но... Сталин был сомнительным марксистом. А если точнее – он им вовсе не был. Марксизм-ленинизм остался лишь оберткой, брендом. Как кока-кола, которая давным-давно не содержит листьев коки...

Можно сказать, что социалистический реализм был даже не модернистским направлением. Говоря сегодняшними терминами, это была грандиозная пиар-акция. Ведь что такое пиар? Это технология манипулирования сознанием. От обычной рекламы она отличается тем, что человеку кажется – он сам сделал выбор. И изменяет свое поведение в соответствии с тем, что ему ненавязчиво предлагают. Сегодняшние пиарщики и не скрывают, что учились у Сталина. Это плохо? Да ничуть. Это нормально. Вы ведь смотрите телевизор. А это – пиар от начала и до конца.

Поэтому произведения в стиле социалистического реализма бессмысленно судить с точки зрения соответствия реальности. И тогда все становится на свои места. Чем плох роман Шолохова

«Поднятая целина»? Хорошо написано, ярко, с живым юмором. Или возьмем кино. Сколько в перестройку было визга вокруг фильма «Кубанские казаки». Дескать, все неправда. А что, голливудские фильмы показывают реальную Америку? Не смешите. Разница только в том, что Голливуд создает откровенную сказку. А соцреализм претендовал на большее. И кое-чего он ведь достиг. Именно на соцреализме воспитано поколение железных людей, которые не пропустили немцев. Это факт, против которого не попрешь. А поколение, воспитанное на «Мастере и Маргарите», пустило страну псу под хвост. Возможно, правильно делали, что такие вещи тогда не печатали.

Но вернемся к нашим писателям. Это было большое искушение – не просто писать, а активно менять жизнь своим творчеством. Мечта Льва Толстого, мечта Достоевского, мечта Маяковского. А тут это предлагают всем желающим. Заманчиво.

Другое дело, что соцреализм довольно быстро себя исчерпал. Превратившись, с одной стороны, в ничего не значащую побрякушку, с другой – в пародию на самого себя. Вступили принципы функционирования творческой среды. Против которых тоже не попрешь.

Вышло как всегда

Все мы любим винить в своем не слишком достойном поведении кого-нибудь другого. Мы, дескать, не виноваты, нас заставили. Раньше все было удобно валить на советскую власть и на товарища Сталина в частности. Это я к тому, почему Союз советских писателей, задуманный как творческий заповедник, очень быстро превратился черт знает во что.

Еще Первый съезд ССП поразил запредельным славословием Сталину. Мастера и подмастерья литературы, выпрыгивая из штанов, наперебой восхваляли великого и мудрого. Причина этого кроется, понятное дело, в тогдашней политической системе...

Ага, Андрей Жданов, курировавший съезд по партийной линии, лично позвонил каждому из литераторов и приказал вести себя именно так. Позвольте не поверить. Конечно, советская власть была не самой гуманной. Но... В недавнем прошлом, уже в демократические времена, представители творческой интеллигенции с тем же энтузиазмом бросились лизать разные органы новой власти и объясняться в преданности Борису Ельцину, а потом и всем остальным. Упорно при этом отказываясь замечать вопиющие безобразия, которые при этих властях творились. Хотя в этом-то случае им точно не угрожала

Колыма. Это же, кстати, относится и к единогласным поддержкам репрессий тридцатых. Опять же пример из недавней истории. В октябре 1993 года в Питере, в Союзе театральных деятелей собрались представители местной творческой интеллигенции. Целью шабаша была поддержка любимого президента, только что расстрелявшего из танков законно избранный парламент. В общем, раздавим гадину! Из всей нашей творческой общественности против данной резолюции проголосовал один (!) человек – критик и переводчик Виктор Топоров. После этого его, кстати, несколько лет подряд не пускали в дом СТД и заклеймили как «фашиста» (что особо смешно, поскольку Топоров – чистокровный еврей, у которого национальность, что называется, на лице написана). Такие вот дела. Почему-то «официальные» настроения творческих людей как-то удивительно совпадают с курсом власти – что бы она ни творила.

Могут, конечно, возразить, что это как раз отрыжка сталинской системы. Дескать, творцов когда-то так сильно напугали, что даже их дети и внуки в себя прийти не могут. Но давайте поглядим на ту сторону Атлантического океана. В пятидесятых годах сенатор Маккарти возглавил в США Комиссию по расследованию антиамериканской деятельности. Началась знаменитая «охота на ведьм», целью которой было прижать к ногтю американцев, симпатизирующих СССР. Особый размах кампания приобрела в Голливуде, где в те времена имелось довольно много коммунистов и им сочувствующих. Ох и пошло веселье! Режиссеры, актеры, операторы и сценаристы рядами и колоннами бросились стучать друг на друга. Большинство «сигналов» были откровенно абсурдными. Допустим, мистер Икс с симпатией отзывался о Сталине. А мистер Игрек пару раз приглашал на пати члена компартии США… Заметим, что комиссия Маккарти никого не принуждала писать доносы. У нее была простая и в общем-то, с их точки зрения, разумная задача: выявить людей, которые в перспективе могут быть использованы советской разведкой. Потому что агентов КГБ и ГРУ в Штатах и в самом деле было как грязи. Наши органы умели работать. Но в результате активности творческих людей началось такое… В общем, кампанию пришлось потихоньку свернуть. А наши разведчики как сидели, так и остались сидеть.

Но вернемся к советским писателям. В тридцатых годах случалось всякое. Но ни во времена Ягоды, ни во времена Ежова НКВД не заводил дел с чистого листа. Нужен был толчок – тот самый сигнал. И ведь кто-то эти сигналы слал! Кто? В нашей стране было две кампании по реабилитации «жертв культа личности». И вот что интересно: если речь заходила о писателях,

то ни в хрущевское время, ни в перестройку не всплыли имена доносчиков. И до сих пор не всплыли. Думается, объяснение очень простое – стройная картина «жертв» и «палачей» тут же смажется. Так уж люди устроены. Особенно писатели. Как уже говорилось, эта профессия по своей сути предполагает эгоцентризм. Поэтому человек готов пойти на многое, чтобы лично ему дали возможность работать. А еще лучше – попасть в обойму, чтобы печататься. Чем больше, тем лучше.

Как отмечает Виктор Топоров, «согласно новейшим подсчетам М.Л. Гаспарова, по частоте появлений стихов на страницах «Правды» в начале тридцатых первое место занимал Пастернак, а второе – Мандельштам...».

Вот вам вопрос: если Осип Мандельштам так ненавидел тирана, как это описано в воспоминаниях его жены – и с тех пор стало чуть ли не аксиомой, – то на кой черт было так упорно лезть в главную политическую газету страны? Вон, к примеру, Анатолий Мариенгоф не лез. Сидел писал себе сценарии. Но другим вот очень хотелось. Потому что печататься в «Правде» – престижно. Это – социальный статус. Звание «ведущего специалиста» в уже упоминавшемся пиар-проекте. С соответствующими оплатой и привилегиями. А раз так, значит, желающих попасть на страницы «Правды» было куда больше, чем газетной площади. Что ж удивляться, что кто-то из «недопущенных к столу» настрочил доносик?

К Мандельштаму мы еще вернемся. А пока что разговор о милой обстановке в Союзе писателей. Что говорить, советская власть, мягко говоря, ограничила свободу творчества. Но зато участие в литературных играх стоило свеч. Кроме чисто писательской работы, к примеру, существовало и такое сверхприбыльное дело, как переводы. В том числе и поэтические переводы. Сегодня последними не занимается никто. Не рентабельно. А в тридцатых годах, к примеру, издали чуть ли не всего Шекспира. В переводе все того же Бориса Пастернака. Не стоит думать, что тогда людей, читавших Шекспира, было намного больше, чем теперь. Тем не менее советская власть считала нужным не только издавать подобные книги, но и очень щедро оплачивать труд переводчиков. Это была большая азартная игра. В который есть победители – а есть и побежденные.

Жертвы эпохи

Отступление. Доносы как они есть

По количеству доносов писатели находятся вне всякой конкуренции, оставляя далеко за флагом даже чекистов, хотя в любой спецслужбе «стук» – это профессиональная привычка. И ведь надо учесть, что НКВД никогда не заводил дело с чистого листа. Хотя бы потому, что ребята там были не шибко образованные. За каждым арестом был сигнал.

Причем, заметим, это отнюдь не монополия советских письменников. Вот что было в США. Письмо в ФБР известного фантаста Филипа К. Дика, написанного про не менее известного писателя, Станислава Лема.

> «Philip K. Dick to the FBI, September 2, 1974 I am enclosing the letterhead of Professor Darko Suvin, to go with information and enclosures which I have sent you previously. This is the first contact I have had with Professor Suvin. Listed with him are three Marxists whom I sent you information about before, based on personal dealings with them: Peter Fitting, Fredric Jameson, and Franz Rottensteiner who is Stanislaw Lem's official Western agent. The text of the letter indicates the extensive influence of this publication, SCIENCE-FICTION STUDIES.
>
> What is involved here is not that these persons are Marxists per se or even that Fitting, Rottensteiner and Suvin are foreign-based but that all of them without exception represent dedicated outlets in a chain of command from Stanislaw Lem in Krakow, Poland, himself a total Party functionary (I know this from his published writing and personal letters to me and to other people). For an Iron Curtain Party group – Lem is probably a composite committee rather than an individual, since he writes in several styles and sometimes reads foreign, to him, languages and sometimes does not – to gain monopoly positions of power from which they can control opinion through criticism and pedagogic essays is a threat to our whole field of science fiction and its free exchange of views and ideas. Peter Fitting has in addition begun to review books for the magazines Locus and Galaxy. The Party operates [a U.S.] publishing house which does a great deal of Party-controlled science fiction. And in earlier material

which I sent to you I indicated their evident penetration of the crucial publications of our professional organization SCIENCE FICTION WRITERS OF AMERICA.

Their main successes would appear to be in the fields of academic articles, book reviews and possibly through our organization the control in the future of the awarding of honors and titles. I think, though, at this time, that their campaign to establish Lem himself as a major novelist and critic is losing ground; it has begun to encounter serious opposition: Lem's creative abilities now appear to have been overrated and Lem's crude, insulting and downright ignorant attacks on American science fiction and American science fiction writers went too far too fast and alienated everyone but the Party faithful (I am one of those highly alienated).

It is a grim development for our field and its hopes to find much of our criticism and academic theses and publications completely controlled by a faceless group in Krakow, Poland. What can be done, though, I do not know.

Philip K. Dick to the FBI».
Перевод:

«Прилагаю письмо профессора Дарко Сувина, относящееся к информации и документам, переданным вам ранее. Это первая моя встреча с профессором Сувином. Перечислены вместе с ним и три марксиста, о которых я сообщал вам ранее: Питер Фиттинг, Фредрик Джеймсон и Франц Роттенстайнер, являющиеся официальными агентами Станислава Лема на Западе. Текст письма свидетельствует о значительном влиянии публикуемых ими «Исследований научной фантастики».

Дело не в том, что эти лица являются марксистами, и даже не в том, что Фиттинг, Роттенстайнер и Сувин иностранцы, а в том, что все они без исключения представляют собой звенья цепи передачи распоряжений от Станислава Лема из Кракова (Польша), который является ведущим функционерам Партии (я знаю об этом из его опубликованных сочинений и личных писем ко мне и другим людям). Лем, вероятно, является целым комитетом, а не лицом (поскольку пишет разным стилем и иногда демонстрирует знание иностранных языков, а иногда – нет), созданным Партией за железным занавесом для захвата монопольной властной позиции для манипуляции общественным мнением посредством критических и педагогических публикаций, что является

угрозой всей сфере нашей научной фантастики и свободному обмену мнениями и идеями в ней.

Вдобавок ко всему Питер Фиттинг начал готовить книжные обзоры для журналов Locus и Galaxy. Партия оперирует издательским домом [в США], который публикует большое количество контролируемой партией научной фантастики. В ранее отправленных вам материалах я отмечал их очевидное влияние в нашей профессиональной организации, Science Fiction Writers of America.

Их основные достижения могли бы быть в областях научных публикаций, критики книг и, возможно, – посредством нашей организации, – в области контроля за присуждением в будущем премий и почетных званий. Но сейчас, как мне кажется, кампания, направленная на утверждение Лема в качестве крупного писателя и критика, теряет почву. Она начинает встречать серьезный отпор: сегодня считается, что творческие способности Лема были переоценены, а грубая, оскорбительная и глубоко невежественная критика им американской научной фантастики зашла слишком далеко и оттолкнула от него всех, кроме приверженцев Партии (и я – один из тех, кого она оттолкнула в наибольшей степени).

Для нашей сферы и ее чаяний было бы печально, если бы большая часть критики и публикаций оказалась под контролем анонимной группы из Кракова (Польша). Что тут поделать, не могу себе представить.

От Филипа К Дика
в ФБР США, 2 сентября 1974».

Вот так. Заметим, Филип Дик отнюдь не являлся восторженным поклонником спецслужб. В его романах они выглядят скорее страшноватыми ребятами, которые играют в разные некрасивые игры[32]. Но сигнал тем не менее отправил. А ведь США семидесятых – это не СССР тридцатых. С «врагами народа» там как-то не боролись.

Так почему писатели так любят писать доносы?

А дело в психологии творческих людей.

Работа писателя – труд одиночный. Что способствует развитию индивидуализма.

К тому же у писателей обычно завышена самооценка. Я очень мало в жизни видел среди представителей этой среды циничных халтурщиков, которые бы говорили: я пишу, потому что это легче,

чем на заводе работать. Даже если так оно и есть – так ведь все равно человек полагает, что делает большое и нужное дело.

Сочетание этих качеств ведет к некоторой размытости моральных принципов. Я же пишу! И если мне кого-то надо устранить для успеха своего дела, то история мне простит.

Прибавьте к этому, что в литературе не существует объективных критериев качества. Это ведь, например, у конструкторов все понятно. Полетел сконструированный тобой самолет – молодец. Не полетел – извини. В бизнесе тоже. Заработал – ты хороший предприниматель. Не заработал – значит... не очень хороший. А в литературе? Тиражи ни о чем не говорят. Иначе придется признать, что лучший писатель современности – Дарья Донцова. Литературные регалии, оценка критиков? Еще более субъективно. Следствие этого – очень сильно развитая зависть к коллегам. Как известно, писатели могут простить коллегам многое. Но вот успеха не прощают никогда. К тому же, как пел Булат Окуджава, «пряников сладких всегда не хватает на всех». Так что если есть возможность подгадить товарищу по литературному цеху – подгадят обязательно.

Осип Мандельштам. Заблудившийся в небе

Среди определенной части интеллигенции это имя стало чуть ли не культовым. Благодаря мемуарам жены поэта Надежды Мандельштам он предстает как эдакий несгибаемый тираноборец, мужественно протестовавший против сталинской деспотии. Ну а его гибель – это, разумеется, месть тирана.

О. Мандельштам

Как водится, все было сложнее.

Осип Мандельштам начал свой творческий путь до революции, в 1909 году, а стал известен, когда вступил в гумилевский «Цех поэтов». Впрочем, известность его была, так сказать, камерная. Какой осталась и после революции. В двадцатых годах его фигура за Есениным и Маяковским была как-то не слишком заметна. Мандельштам никаким боком не разделял революционных взглядов и вообще предпочитал жить, так сказать, в царстве собственного духа. Как писал поэт, «ничей я не был современник». И это верно. Эдакий поэт для эстетов, для литературных гурманов.

Тем не менее до поры до времени литературная карьера Мандельштама складывалась весьма успешно. И даже очень. Возможно, потому, что ему покровительствовал Бухарин. Уж не знаю почему. Но, в конце концов, кому хотел, тому и покровительствовал. Я уже упоминал о частоте появлений его

стихов в «Правде». А вот и другие свидетельства его признания только за два года. 23 марта 1932 года Мандельштаму «за заслуги перед русской литературой» назначена пожизненная персональная пенсия. Это при том, что ему исполнился сорок один год. В апреле и июне циклы его стихотворений публикуются в журнале «Новый мир». В том же году заключается договор с Государственным издательством художественной литературы об издании книги стихов Мандельштама. А потом – договор еще на одну книгу. Заметим, ГИХЛ – во всех отношениях «крутое» издательство. Как в смысле гонораров, так и по престижности. Далее – в том же 1933 году Мандельштам получил ордер на двухкомнатную квартиру в доме около Арбата, где поэт и поселился в октябре 1933 года.

В ту пору Мандельштам писал разные стихи. Но в том числе и такие:

> Я должен жить, дыша и большевея,
> Работать речь, не слушаясь, сам-друг.
> Я слышу в Арктике машин советских стук,
> Я помню все – немецких братьев шеи
> И что лиловым гребнем Лорелеи
> Садовник и палач наполнил свой досуг.

Бессмертными строками назвать это трудно, но зато про советскую власть. И в «Правде» печатают. Но это для публики и для заработка. Для узкого круга Осип Мандельштам пишет совсем иное:

> Мы живем, под собою не чуя страны,
> Наши речи за десять шагов не слышны,
> А где хватит на полразговорца,
> Там помянут кремлевского горца…

Это произведение он читает в узком кругу знакомых – в том числе Анне Ахматовой и ее сыну Льву Гумилеву. Это считается проявлением большого гражданского мужества. С точки зрения людей, выросших при застое, так оно и есть. Совершенно нормально – «одни слова для кухонь, другие – для улиц»[33]. Оно конечно – кушать-то хочется. Только все-таки – зачем в «Правду»-то ломиться, если эта власть так не нравится? Шел бы учителем литературы работать – и писал бы себе «в стол», что хотел. Как хотите – но паскудная это манера. И уважения не вызывает. У блатных есть очень мудрое правило – где едим, там не гадим. А

где гадим – не едим. Хотя уже в другую эпоху множество письменников будут вести себя именно так – и полагать себя героями.

Возможно, правда, тут, как и в других подобных случаях, имело место элементарное недопонимание ситуации. Литераторы полагали, что все, что им дадено властью, – это адекватная оценка их талантов, а не оплата конкретной пропагандистской работы. Да только вот... Где и когда такой «элитарный» поэт, как Мандельштам, издавался тиражом 50 тысяч (а меньших тиражей в ГИХЛ не было)? Часто ли не самому известному поэту назначают в сорок лет пожизненную пенсию? Но видимо, казалось, что так и должно быть. Хотелось получать как при диктатуре, а писать как при свободе слова.

* * *

Но так не получается. Не вышло и у Мандельштама. Свое антисталинское стихотворение поэт прочел десяти знакомым. И кто-то отправил сигнал. Понятное дело. Кроме Ахматовой, среди слышавших было еще три писателя. Возможно, кому-то из них стало просто, понимаешь, обидно. Все ему дали – так он еще и недоволен... В общем, Мандельштама повязали и отправили в НКВД. Времена были суровые – царствие Генриха Ягоды, время разборок между противоборствующими партийными группировками. Дела тогда фабриковали с чрезвычайной легкостью. Вот и Мандельштаму стали шить контрреволюционную агитацию. Возможно, тут дело и в том, что Мандельштаму покровительствовал Бухарин. Почему бы не запастись дополнительным компроматом на товарища по партии? Вон, мол, какую змею на груди пригрел!

Неизвестно, чем бы дело кончилось, но дело дошло до Сталина. С этим связан один любопытный эпизод. Вождь позвонил поэту Борису Пастернаку, чтобы узнать его мнение о Мандельштаме. По словам поэта Сергея Кирсанова, дело было так.

«Борису Пастернаку позвонил Поскребышев.

– Сейчас с вами будет говорить товарищ Сталин!

И действительно трубку взял Сталин и сказал:

– Недавно арестован поэт Мандельштам. Что вы можете сказать о нем, товарищ Пастернак?

Борис, очевидно, сильно перепугался и ответил:

– Я очень мало его знаю! Он был акмеистом, а я придерживаюсь другого литературного направления! Так что о

Мандельштаме ничего сказать не могу!

– А я могу сказать, что вы очень плохой товарищ, товарищ Пастернак! – сказал Сталин и положил трубку».

* * *

В воспоминаниях Надежды Мандельштам эта история изложена более лестно для Пастернака. Но ей-то разговор пересказал сам Борис Леонидович. А вообще-то подобный юмор характерен для Сталина. Как, впрочем, и поведение Пастернака. Если верить воспоминаниям музы поэта Ольги Ивинской, он, мягко говоря, весьма берег себя от всяких неприятностей.

Тем не менее Сталин распорядился о судьбе Мандельштама: «изолировать, но сохранить». В итоге Мандельштама выслали в город Чердынь, на Урал. В сопровождении жены.

Там он, впрочем, долго не задержался. В июне сестра поэта отправила в ОГПУ заявление, в котором утверждала, со слов жены: Мандельштам «психически заболел, бредит, галлюцинирует, выбросился из окна...».

В результате Особое совещание пересмотрело дело и присудило Мандельштаму «минус двенадцать» – запрещение права проживания в Московской и Ленинградской областях плюс еще десяти крупных городах СССР. Поэт выбирает Воронеж.

Тут выясняется, что без статуса профессионального поэта Мандельштам жить не может. Хотя его не в Сибирь в рудники сослали. Заместитель председателя мандельштамовского общества Павел Нерлер писал:

«Он оказался даже в привилегированном положении – получил возможность заниматься литературной работой. Более того, ему нашли службу – завлит в местном театре (а ведь не доктор, не инженер – обеспечить работу литератору непросто). Мандельштама взяла под опеку местная писательская организация – выделяли матпомощь, даже дали путевку в санаторий. Он ездил в командировки от газеты, публиковался в журнале «Подъем» – вышли пять его рецензий...»

Но... Не складывается у поэта жизнь вдали от столиц. Он пишет слезливые письма влиятельным коллегам по литературе. Пытается вернуть милость вождя. Сочиняет совершенно беспомощную оду Сталину. И в конце концов возвращается в обе столицы, где обходит братьев-письменников и просит материальной помощи. Все вроде налаживается. В 1938 году Мандельштам даже получил от Литфонда путевку в подмосковный дом отдыха «Саматиха». Но братья-литераторы –

они и есть литераторы. Секретарь Союза писателей В. Ставский (писатель-романист) пишет письмо наркому НКВД Ежову, в котором обвиняет Мандельштама, что тот намеренно создает вокруг себя шумиху, выставляет себя в качестве жертвы. И просил принять меры.

Заметим, это не донос, а вполне официальное заявление, к которому приложен отзыв о стихах Мандельштама. Отзыв, прямо скажем, весьма нелестный. Подписан он Петром Павленко, не каким-нибудь халтурщиком, а будущим автором сценария к фильму Эйзенштейна «Александр Невский» (на ТАКОЙ фильм халтурщиков не ставили). Кстати, товарищ Ставский был тоже своеобразным человеком. Пламенный революционер, комиссар времен Гражданской войны, несколько раз раненный. Так что, возможно, он и в самом деле писал что думал. К тому же, честно говоря, складывается впечатление, что так оно и было – уж больно настойчиво Мандельштам обходил литературные квартиры.

Кстати, впоследствии Ставский, будучи на войне военным корреспондентом, погиб на боевом посту – от пули немецкого снайпера. Как журналист, я снимаю перед ним шляпу. Этот человек умер, выполняя свой долг. «Помянуть нам впору мертвых репортеров» *(К. Симонов)*.

А Мандельштам... На этот раз Сталин не выручил. На дворе был разгар ежовщины. Мандельштаму быстренько пришли «контрреволюционную агитацию» и закатали на пять лет на Колыму. Там его след теряется. Существует версия, что его кто-то там видел, но она очень недостоверна.

Но, честно говоря, если кто-то о Мандельштаме и помнит, кроме профессиональных филологов, то лишь благодаря раскрученному вдовой мифу. Даже в застойное время в среде фрондирующей интеллигенции его чтили – но не читали. Самиздатовские и «тамиздатовские» книги поэта со значением передавали друг другу – и все. И дело не в том, что его не печатали. Есенина тоже не печатали. Но вот, к примеру, мой отец узнал его стихи в 1940 году в устной передаче. Маяковского в застойное время с упоением читали даже те, кого от любого признака «совка» тошнило. А Мандельштам... Жалко, конечно, человека. Не повезло ему. Но и многим другим повезло не больше.

Борис Пильняк. Игра втемную

Борис Пильняк – во всех отношениях является интереснейшим представителем той эпохи. В двадцатых годах это

был, пожалуй, самый читаемый писатель. Ну разве что если не считать Зощенко. Но последний был все-таки юмористом. А Пильняк писал серьезные и достаточно замороченные в модернистком ключе произведения. Недаром лефы не уставали возмущаться, что, мол, этот Пильняк взял наши наработки и их «разбавил». То есть позаимствовал лучшее из авангардных изысков и довел их до массового читателя.

Настоящее имя писателя – Борис Вогау. Он родился в 1894 году и происходил из поволжских немцев. В литературу вступил с романом «Голый год», посвященным Гражданской войне. Произведение было написано в ярко выраженном модернистском ключе. Многие образы оттуда – например, большевики как «кожаные куртки», эдакие безличные, но грозные бойцы – ему припоминали потом до конца жизни. Но роман был по-всякому «за революцию». К тому же он понравился. Модернизм в нем был к месту, подчеркивая ту безумную, трагическую и великую эпоху.

Вскоре пришла слава. Пильняк много писал и столь же много печатался. Приклеенное «пролетарскими» писателями определение «попутчик» ему особо не мешало. Кроме того, Пильняк свел знакомство с Троцким и его окружением. Как мы помним, Лев Давидович общался лично со многими заметными писателями и поэтами. Но Пильняк пошел дальше шапочного знакомства, он близко сошелся с окружением Троцкого. Одним из его знакомых стал Карл Радек.

К. Радек

Об этом человеке стоит рассказать поподробнее. Карл Радек (Собельсон) был и сам талантливым литератором. Но изящной словесностью он занимался постольку-поскольку. Более его увлекала революция – причем в самых крайних ее формах. Карл Радек был представителем нередко встречающегося среди революционеров типа авантюристов, которым не очень интересен результат, но зато очень привлекает сам процесс. Из такого теста был и знаменитый террорист Борис Савинков, тоже, кстати, талантливый писатель. Биография Радека читается как приключенческий роман. В 1917 году он вместе с Лениным вернулся в Россию в том самом запломбированном вагоне. После революции он отправился раздувать революционный пожар в Германию. Как известно, революция там случилась, правда, не большевистская. Крайне левых, в том числе и Радека, повязали за экстремизм, но потом выпустили. В 1923 году, когда в Германии снова накалилась обстановка, Радек отправился туда, дабы все-таки устроить переворот. Он участвовал в организации знаменитого Гамбургского восстания, на которое было угрохано

множество денег и которое закончилось полным пшиком. Недаром Радек окопался в Коминтерне – странной организации, которая, как считалось, занимается подготовкой мировой революции. На это дело в нее закачивались огромные средства, которые растворялись в воздухе. Коминтерн, по сути, не подчинялся никому и ни перед кем не отчитывался. Замечательная структура – много денег и возможностей и никакой ответственности.

Б. Пильняк

Среди высших руководителей страны более всех любил Коминтерн Троцкий. А вот Сталин испытывал к этой тусовке плохо скрываемое отвращение. Он вообще не любил авантюры – действовал медленно, но верно.

* * *

Но вернемся к Пильняку. Его первым серьезным конфликтом с властью стала «Повесть непогашенной луны», вышедшая в 1926 году. Точнее, напечатанная. Потому что за ворота типографии тираж так и не вышел. Конфисковали и отправили «под нож». Это

был первый подобный случай в истории советской литературы.

«Повесть непогашенной луны» рассказывает обстоятельства смерти некоего большого командарма, погибшего на операционном столе. Современники легко узнавали здесь историю, случившуюся с героем Гражданской войны Михаилом Фрунзе, который к тому времени заменил Троцкого на посту наркома (министра) обороны. В повести Пильняка дело изложено так, что героя, по сути, «зарезали» на операционном столе, проводя ненужную операцию язвы желудка. Разумеется, это было сделано по приказанию с самого верха. А если точнее, то Сталина, который легко узнается за безымянными героями.

Вообще-то данная версия проверялась историками. И выглядит крайне сомнительной. Скорее всего, Фрунзе все-таки пал жертвой врачебной ошибки. Но понятны и слухи об убийстве. Они всегда возникают в подобных случаях. Конечно – герой войны погиб так нелепо[34].

Но в случае с Пильняком дело было сложнее. По сути, эта повесть – типичная «заказуха». Идею ему подкинули люди из окружения Троцкого. Конкретные детали подбросил чекист Агранов, большой любитель литературы, друг Маяковского и в то же время убежденный троцкист. Карл Радек читал рукопись и ее редактировал. Это надо понимать. Пильняк был из тех писателей, которых можно назвать «стилистами». Таким людям важнее не «о чем», а «как». Подобные авторы очень болезненно относятся к правке своих произведений. И чтобы Пильняк вот так запросто дал кому-то редактировать свою повесть… Но зато, как потом признавался Пильняк, Радек ему «оказывал материальную помощь». Видимо, из тех же бездонных запасов Коминтерна. Писателю, который уж точно не бедствовал. Это и называется на современном журналистском жаргоне «заказухой».

История для Бориса Пильняка не аукнулась никакими особенными неприятностями. Он продолжает широко печататься, но все больше уходит в оппозицию. Причиной второго скандала стала напечатанная в Германии повесть «Красное дерево». Ее назвали контрреволюционной. На самом-то деле пафос автора в том, что революция стала какая-то «не такая». Переродилась в общем. Это одно из ключевых положений оказавшегося в эмиграции Троцкого. Он изложил все точно – революция кончилась, началась империя. Пильняку больше нравилась революция. Бывает.

Писателя, как тогда было принято, серьезно критикуют, но опять же ничего особо страшного не происходит. Он не просто пишет и печатается, но и продолжает оставаться в писательском истеблишменте. После образования Союза писателей именно

Борис Пильняк возглавляет кооператив по строительству знаменитого писательского поселка в Переделкине. Те, кто жил в советское время, понимают, ЧТО это за должность. Страсти по писательскому «дачному вопросу» замечательно описаны в «Мастере и Маргарите». В ССП было точно так же. Характерно, что позже, в тридцать седьмом, когда кое-кого из писателей стали арестовывать, первое, с чем обращались литераторы в органы, – а можно ли занять освободившуюся дачку...

* * *

Но вот мы и перешли к тридцать седьмому. Именно в этом году Пильняка забирают в НКВД и начинают колоть на предмет принадлежности к подпольной троцкистской организации.

Тут имеет смысл пояснить. Троцкистское подполье, вопреки перестроечному мнению, отнюдь не выдумка Сталина и его помощников. Исследования последних лет показали, что оно и в самом деле существовало[35]. Потому что сторонников «перманентной революции» Троцкого было в СССР достаточно. Когда их вождя вышвырнули из легальной политики, троцкисты поступили как настоящие большевики – перешли на нелегальное положение. Опыта в этом деле им было не занимать – среди троцкистов было много старых революционеров, боровшихся еще против царских жандармов. А квалификация работников НКВД в то время была куда ниже, чем «царских сатрапов».

В кулуарах подполья эти люди встретились с представителями так называемого военного заговора, во главе которого стоял Тухачевский. А уж существование этого самого заговора доказано однозначно. Не стоит думать, что троцкисты несли России что-либо хорошее и светлое. К примеру, Троцкий носился с идеей создания «трудовых армий». То есть смысл тот же, что и у ГУЛАГа Сталина – использовать для подъема экономики страны принудительный труд. Но только если Сталин загнал в лагеря пять процентов населения, то Троцкий планировал загнать ВСЕХ. Почувствуйте разницу. Что же касается «военной оппозиции», то они тоже были своеобразными ребятами. Они продвигали идею, которую Виктор Суворов приписал Сталину, – развязать «революционную войну» против всех, до кого можно дотянуться. Как водится у всех революционеров, они имели многочисленные связи с иностранными разведками. Это тоже доказано. Логика тут простая – каждый пытается использовать партнера в своих целях. Вон Ленин-то немецкую разведку переиграл. В чем-то это похоже на сегодняшнюю суету

сторонников российской «оранжевой революции». Главное – скинуть нынешнюю власть. А там все будет хорошо...

* * *

Так вот, Пильняку стали шить связь с этой милой компанией. Не просто так. Незадолго до этого ребята из НКВД сумели арестовать лидера испанских троцкистов – Андреа Нина. Это был очень темный человек. Его организация своим радикализмом причинила множество бед республиканцам во время гражданской войны в Испании. А с какими разведками он сотрудничал – об этом историки спорят до сих пор. Судя по всему – со всеми, которые попадались на его извилистом пути. Так вот, у Нина обнаружилась обширная переписка с Борисом Пильняком. Письма там были не о здоровье, а о настроениях в писательской среде. Кто за Сталина, а кто не очень. Всплыли контакты Пильняка и с другим видным троцкистом – Виктором Сержем (Кибальчичем). Казалось бы – ну что такое письма о настроениях писателей? Нашли тоже государственную тайну! Не скажите. На языке разведчиков это называется – сбор информации о потенциальных объектах вербовки. А этим увлекательным занятием, вербовкой то бишь, баловались перед Второй мировой войной спецслужбы всех европейских стран. В общем, связи и деятельность Бориса Пильняка смотрятся странно.

Я тут немного отвлекусь. Многие любители поплакать о судьбах русских творческих людей мыслят так, что все эти творческие люди жили в некоем параллельном мире. Где не назревала война. А товарищу Сталину просто было больше нечего делать, как заботиться об их удобствах. И никаких иностранных шпионов конечно же не было. Во всех иных странах были, но вот в СССР почему-то их не имелось. И писатели отказывались заработать немного денег, сотрудничая с таким обаятельным иностранцем... Кому вы рассказываете?

* * *

И Пильняк начинает сознаваться! Тут же. Даже самые ярые ненавистники Сталина, занимавшиеся этим делом, признают: никто на Пильняка не давил. И уж тем более – не пытал. Но он начинает энергично признаваться во всем. Он, в частности, повествует о своих беседах с Радеком в те времена, когда эта компания утратила «контрольный пакет» в руководстве страны:

«Радек был первым, кто стал со мной говорить прямо и резко против руководства партии. В беседах со мной Радек утверждал, что Сталин отходит от линии Ленина, в то время как он, Радек, Троцкий и другие их сторонники были настоящими ленинцами, и что снятие их с революционных постов есть искажение линии Ленина, в связи с этим, говорил Радек, неминуема борьба троцкистов со сталинистами...»

Признается Пильняк и в более серьезных вещах:

«С первой моей поездки в Японию в 1926 г. я связался с профессором Йонесака, офицером Генерального штаба и агентом разведки, и через него я стал японским агентом и вел шпионскую работу».

Еще раз подчеркну – этих признаний из Пильняка никто не выбивал. Сам рассказал. Вроде бы какой толк из писателя-шпиона? Только в том случае, если иностранную разведку убедили: существует серьезная оппозиция режиму во всех слоях общества. Такая, с которой имеет смысл считаться...

Недоверчивый читатель вправе спросить: получается, что Борис Пильняк был убежденным троцкистом? Вряд ли. Писатель вообще плохо разбирался в политике. Но его друзья, покровители и «спонсоры» были из числа троцкистов. Для него – хорошие ребята. К тому же в чем пафос агитации всех оппозиционеров? Вот мы победим – и все уж точно наладится. В тогдашнем Советском Союзе, как, впрочем, везде и всегда, было полно всякой дряни и мерзости. Так что, скорее всего, Бориса Пильняка просто привлекли «втемную». Он был известным писателем, ездил за границу, имел там обширные связи. Нужный человек.

* * *

А вот дальше начинается самое интересное. Пильняк признается в намерении убить наркома НКВД Ежова. Если верить протоколам допросов, эту идею ему подкинули – но опять же никто на него особенно не давил. Дело тут даже не в абсурдности самой идеи – проникнуть с помощью знакомых женщин к Ежову и его порешить. Непонятно, почему Пильняк так быстро с этим соглашается.

Я много лет работал криминальным журналистом. Видел всякое. В том числе – как выбивают показания. И утверждаю: просто так люди не вешают на себя статьи, грозящие высшей мерой! Ну представьте: капитан Ларин и старший лейтенант Дукалис взяли парня с коробком анаши. Он признался, где и у кого купил. А тут ему Дукалис и предлагает взять на себя

нераскрытое преступление:

– А не ты ли ограбил квартиру и убил трех человек?

– Ага, я! – с готовностью соглашается тот. И начинает подробно рассказывать – как и где.

Так не бывает. Для того чтобы вынудить взять на себя «расстрельную» статью (именно на такую тянуло тогда признание в намерении совершить теракт), с человеком надо очень серьезно работать. А следов такой «работы» не находят даже самые ярые обличители Сталина.

Другой загадкой является протокол заключительного допроса, где Пильняк подтверждает свои признания. Очень похоже, что документ фальсифицирован. Можно, конечно, предположить, что в последний момент Борис Пильняк одумался и ушел в отказ. Но почему тогда на суде он снова все признавал? Но! Вот последнее слово Пильняка:

«Я очень хочу работать. После долгого тюремного заключения я стал совсем другим человеком и по-новому увидел жизнь. Я хочу жить, много работать, я хочу иметь перед собой бумагу, чтобы написать полезную для советской эпохи вещь...»

Получается, что писатель рассчитывал на достаточно мягкий приговор. А его приговорили к расстрелу.

Непонятно как-то выходит. До конца с этим никто пока не разобрался. Можно предложить лишь версию.

Стоит вспомнить, что Ежов отнюдь не являлся марионеткой Сталина. Точнее, вождь назначил Ежова на должность наркома НКВД, рассчитывая в его лице найти идеального исполнителя. Но человек предполагает, а Бог располагает. Помните кольцо всевластия из знаменитого произведения Толкина? Как оно меняет людей! Так вот, товарищ Ежов на своем посту тоже немного изменился. Он решил, что ему дозволено все. Современные историки утверждают: Ежов планировал собственный государственный переворот. Он намеревался осуществить его с помощью преданных ему людей из верхушки НКВД. Разумеется, в игры включились троцкисты и представители «военной оппозиции». Как всегда, каждый думал: он самый умный и сумеет обмануть союзника. Но к 1937 году сведения о троцкистском подполье уже всплыли. И Ежов начал, как говорится, обрубать хвосты. С большим энтузиазмом стали хватать троцкистов и стараться, чтобы они больше уже не заговорили.

Ну а Борис Пильняк? Можно предположить, что он знал гораздо больше, чем это отражено в следственном деле. Ему предложили, говоря языком американских адвокатов, сделку: бери на себя идею убийства Ежова, а мы тебя отмажем. Мысль-то

интересная. Если троцкисты хотят убить Ежова – он явно не с ними. А что там было дальше, мы вряд ли когда-нибудь узнаем. Пильняка обманули. И он был расстрелян. Ежов, правда, недолго пережил писателя: ему пришлось за все ответить. Но он продолжал губить людей, даже находясь в камере...

Исаак Бабель. Опасные связи

Бабель является одним из немногих деятелей культуры того времени, которого с некоторой натяжкой можно назвать жертвой Берии. Да-да. Лаврентий Павлович, который с подачи Хрущева в массовом сознании является чуть ли олицетворением зла, на самом-то деле к массовым репрессиям не причастен! Ни к 1937 году, ни к послевоенным. Вообще-то представления о массовости репрессий, мягко говоря, слегка не соответствуют действительности. Сведения о миллионах арестованных в тридцатых не подтверждены ничем, кроме фантазии авторов, которые ссылаются друг на друга. На самом-то деле в 1938 году в лагерях находилось около полутора миллионов человек. То есть столько же, сколько теперь в одной только России. Другое дело, что под раздачу попадали те, кто привык считать себя неприкосновенными. Элитой. Потому-то они так отчаянно шумели, когда их выпустили. Так вот и сегодня наши олигархи, которым пусть робко и неуверенно, но все-таки начали наступать на хвост, сразу же завопили о «повторении тридцать седьмого».

Но вернемся к Бабелю. Об этом писателе в последнее время накручено огромное количество вранья. По той простой причине, что если его еще можно считать жертвой Сталина, то жертвой советской власти – ну уж никак.

Бабель принадлежал к той категории молодых людей, которые воспользовались открытыми революцией «социальными лифтами». Есть такое понятие в социологии. Оно обозначает возможность тем, кто был никем, мгновенно стать всем. Чем общество более устойчиво, тем таких «лифтов» меньше. Революция, соответственно, открывает их во множестве. Ломка и перетряска всего требует огромного количества новых людей. Возможностей полно. Было бы желание. У молодого, никому не известного еврейского юноши из Одессы такое желание имелось. В революционные дни он оказался в Петрограде и тут же включился в процесс. Вскоре он оказался на должности переводчика в Иностранном отделе ЧК. Те, кому этот факт биографии писателя не нравится, сбивчиво бормочут, что, дескать, Бабель пошел в чекисты «из любопытства». Может быть. Наверное, руководимый этим же чувством он ходил в

«продовольственные экспедиции» – мероприятия, представляющие собой нечто среднее между заготовкой продуктов и карательными операциями. Этот факт писатель впоследствии с гордостью вспоминал. Поймите меня правильно – я этим ничего не хочу сказать плохого. Если бы мне в 1918 году было двадцать лет, я, наверное, тоже бы попросился в чекисты. Бабель просто воспользовался одной из предоставлявшихся возможностей. Вот и все. При том, кстати, никакого увлечения революционными идеями за ним не было замечено. Ни тогда, ни после. С чекистами Бабель сохранял прекрасные отношения до самого своего ареста. В 1920 году Бабель поучаствовал еще и в советско-польской войне, творческим результатом чего стало произведение, сделавшее его знаменитым, – повесть «Конармия». Публикация наделала много шума. Я уже упоминал, что бывший командир Первой конной армии Семен Буденный разразился гневным протестом, обвинив писателя в искажении правды. Повесть, рассказывающая о вверенной Буденному армии, и в самом деле вышла страшноватая. Вот маршал и обиделся. Но тогда это никого не взволновало. Потому как другие тогдашние «хиты» о Гражданской войне – «Разгром» Фадеева или «Железный поток» Серафимовича – были еще страшнее. Было много живых свидетелей, которым как раз и нравилось, что написано, как все обстояло на самом деле.

И. Бабель

Отвлекаясь от темы. Многим военачальникам всегда и всюду не нравились произведения, рассказывающие правду о войне. Множество сердитых генеральских слов было сказано о художнике-баталисте Верещагине, о Нормане Мейлере[36], о Константине Симонове. Не говоря уж об Эрихе Марии Ремарке, Ричарде Олдингтоне[37] или Юрии Бондареве. Генералы любят, чтобы описывали их победы, но не то, какой ценой они достаются. Потому что война во все времена – вещь очень некрасивая.

Что же касается Бабеля, то ему «Конармия» принесла не только читательскую популярность, но и дружбу больших красных командиров. Это были далеко не последние люди. Примаков, Шмидт, Путна и кое-кто еще. В историю они попали, правда, не из-за своих воинских талантов, а потому, что в тридцать седьмом загремели по обвинению в «военном заговоре». Как уже говорилось, сегодня доказано: заговор и в самом деле имелся. Кстати, Лиля Брик, ставшая уже после смерти

Маяковского супругой Примакова, в существовании заговора тоже не сомневалась. Как пояснял Бабель на следствии, красные командиры очень любили его произведения.

«Что связывало меня с ними? В первую очередь – восторженное и безоговорочное их преклонение перед моими конармейскими рассказами… Рассказы читались ими чуть ли не наизусть и неистово пропагандировались при всяком удобном случае».

Какому писателю такое не понравится? Когда тобой восхищаются влиятельные, сильные и крутые люди, во многом похожие по психологии на крупных бандитских авторитетов начала девяностых. Наши деятели культуры недавнего времени тоже ценили подобную дружбу.

Бабель также активно дружил и с чекистами. По тем временам в этом не было ничего удивительного. Чуть ли не все литераторы с ними дружили. Это не значит, что писателей «курировали». Когда большие чекистские начальники пьют водку с тружениками пера, это называется по-другому. К работникам органов у Бабеля было очень трогательное отношение. Вот что он писал в одном из писем о своем намерении написать книгу о чекистах.

«…Не знаю, справлюсь ли, – признавался писатель, – очень уж я однообразно думаю о ЧК. И это оттого, что чекисты, которых знаю… просто святые люди. И опасаюсь, не получилось бы приторно. А другой стороны не знаю. Да и не знаю вовсе настроений тех, которые населяли камеры, – это меня как-то даже и не интересует».

Что тут сказать? Нормальное самодовольство писателя, приближенного к власти. В это время он неплохо зарабатывал, свободно ездил за границу и вообще чувствовал себя как за каменной стеной. Не зря он любил повторять: «Со мной не случатся две неприятности. Я не забеременею и меня не арестуют».

В тридцатых Бабель взлетел на самый верх. Он стал завсегдатаем так называемого «салона Ежова». Точнее, нарком НКВД играл тут не главную роль. Хозяйкой салона была его жена Елена Гладун. Тут бывали многие известные люди – к примеру, журналист номер один страны Михаил Кольцов, певец Леонид Утесов и многие другие. А Бабель чуть ли не прописался. Более того, писатель, что называется, вконец зарвался – он спал с женой наркома НКВД Еленой. Вот это уж игра с огнем в самом полном смысле слова. Но, кроме того, жена Ежова сама была не последним человеком среди тех, кто определял издательскую политику – и в награду за постельные услуги подкидывала

Бабелю выгодные и престижные заказы. Так что, возможно, в этом был смысл...

Вообще, Елена Ежова была загадочной личностью. По многим сведениям, она имела шашни с английской разведкой. Люди Берии, начав собирать компромат на Ежова, накопали довольно много интересного. Не менее замечательной личностью был и журналист номер один Михаил Кольцов. Журналист он был и в самом деле прекрасный. Причем, в отличие от большинства своих коллег, имел убеждения. Троцкистские. Для того чтобы в этом удостовериться, не нужно даже обращаться к документам – можно просто почитать его статьи. Но самое интересное даже не в этом. А в том, что во время командировки в Испанию Кольцов ввязался в игры с уже упоминавшимся троцкистом и шпионом Андреа Нина.

Можно, конечно, считать, что все эти дела сфальсифицированы, а показания выбиты. Только вот зачем тогда люди Берии несколько лет упорно пасли Кольцова, Бабеля и еще кое-кого из их друзей? Казалось бы, если дела все равно «рисуются» на пустом месте, к чему эти сложности? С помощью пыток можно заставить человека признать ВСЕ что угодно. Герои, выдерживающие профессиональный «допрос с пристрастием», существуют лишь в романах для юношества. Другое дело – нет никакой гарантии, что под пытками человек расскажет правду, а не все, что придет в голову, – лишь бы прекратить мучения. Значит, если нужна правда, надо не пытать, а копать. Что и делали.

Вся эта история так и осталась темной. Елена Ежова в момент ареста мужа находилась в больнице, где и была найдена мертвой. Официальная версия – самоубийство, отравление люминалом (снотворным). Но возможно, ей и помогли уйти из жизни. Только в любом случае это сделали не ребята Берии, которые были заинтересованы, чтобы раскрутить ее на компромат на Ежова и его окружение.

* * *

Но вернемся к Бабелю. До середины тридцатых он был вполне спокоен. В 1934 году разогнали его старых недругов из РАППа, и он с восторгом приветствовал создание Союза писателей. Потом многих его хулителей и вовсе отправили копать золото на Колыму.

Но... Потом снаряды стали падать слишком близко – и Бабель забеспокоился. В одном из разговоров он сказал:

«Существующее руководство ВКП(б) прекрасно понимает, только не выражает открыто, кто такие люди как Раковский, Раскольников, Радек, Кольцов и т. д. Эти люди облечены печатью высокого таланта и на много голов возвышаются над окружающей посредственностью нынешнего руководства. Но раз эти люди имеют хоть малейшее прикосновение к силам, руководство становится беспощадным: арестовать, расстрелять!»

Круто завернуто. Вот только вопрос: а в чем талант этих людей как государственных деятелей? Я не знаю. И никто не знает. Но для Бабеля это были «свои». Он совершенно справедливо предположил, что происходит замена поколения руководства страны. Правильно. Революция закончилась, революционеров пускали «налево». Так всегда бывает. Беда Бабеля была в том, что он именно с этим поколением был крепко повязан.

* * *

Бабеля арестовали в Переделкине в 1939 году. Заложил его Ежов, который к этому времени уже сменил кабинет наркома на камеру на Лубянке. Комиссар Кобулов очень интересовался обстоятельствами самоубийства Елены Ежовой. И в этой связи расспрашивал бывшего наркома о ее «литературном салоне». Вот тут-то Ежов и сдал Бабеля. Возможно, решил, что нехорошо получается: он сидит, а любовничек жены на свободе (Ежов о чем-то смутно догадывался).

По его словам, Бабель «за последние годы почти ничего не писал, все время вертелся в подозрительной троцкистской среде и, кроме того, был тесно связан с рядом французских писателей, которых отнюдь нельзя отнести к числу сочувствующих Советскому Союзу. Я не говорю уже о том, что Бабель демонстративно не желает выписывать своей жены, которая многие годы проживает в Париже, а предпочитает туда ездить к ней...».

А потом заявил, что Елена Соломоновна создала под его носом шпионскую организацию.

В общем, Бабеля взяли. Его допросы длились долго. К сожалению, я не имел доступа к данным архивным материалам. Опубликованы же лишь тенденциозно подобранные фрагменты. Но суть в следующем. Сначала он признался в шпионаже, троцкизме и тому подобном. Потом отказался от своих показаний. Так или иначе, 27 января 1940 года Бабель был приговорен к расстрелу и в тот же день казнен.

Бабель, как и Пильняк, пали жертвой своих обширных связей во властных структурах. Большие люди помогали им пробиться в советскую элиту. Стать не просто литераторами, а людьми, причастными к высоким сферам. Обычная болезнь творческой интеллигенции. Вспомните, как талантливый режиссер Эльдар Рязанов снимал убогий и холуйский фильм о Борисе Ельцине. Видимо, очень хотелось оказаться «при дворе»...

Что же касается упомянутых писателей – не повезло им. Не с теми связались. Оказались замешанными в нечистоплотные игры бывших революционеров, от которых отчетливо пахло изменой Родине.

Тут я отвлекусь. Вы никогда не задумывались – а почему вообще в тридцатых годах существовала вся эта судебная канитель? Зачем? Кому были нужны все эти признания? Кроме разве что героев публичных процессов. Если репрессии – это было простое уничтожение неугодных, к чему это все? Вот нацисты поступали куда проще – у них «нежелательных лиц» гестапо отправляло в концлагерь росчерком пера – без всякой судебной волокиты. Дешево и сердито. Так зачем в СССР нужны были все эти сложности? Есть очень простое объяснение. Потому что искали не призрак, а то, что на самом деле было.

Возможно, с ними расправились неоправданно свирепо. Но... Нельзя судить о том времени исходя из сегодняшних представлений. На карту было поставлено слишком многое. Не все, к примеру, знают, что с началом Второй мировой войны выяснилось: среди стран, воевавших с Германией, СССР оказался единственной страной, где не было «пятой колонны» – прогермански настроенных общественных деятелей. А они ведь были. Как среди троцкистов, так и среди «военной оппозиции». Которые полагали – пусть Гитлер одержит победу, тогда сталинский режим рухнет. А уж мы с Гитлером потом как-нибудь замиримся. Вот и проводились зачистки, в результате которых пострадали многие – те, кто играл не на той стороне...

А эта «пятая колонна» во многом виновата в крахе Франции. А уж как подобных господ сажали в Великобритании и США... В последней стране, на которую, кстати, ни одна бомба не упала, ВСЕХ граждан японского происхождения загнали в лагеря. Об этом упоминать не любят. Потому что, как принято у «творческой интеллигенции», люди думают о себе, и только о себе. На всех остальных им наплевать.

Родина мифов

Эта глава получилась очень мрачной, поэтому в завершение

имеет смысл упомянуть о явлении, которое в русской культуре пошло именно от описанных событий. Ехидный критик Виктор Топоров назвал его «институтом литературного вдовства».

А дело вот в чем. Существует стойкий миф о жизни и деятельности Булгакова, Мандельштама и других «жертв режима», выдержанный чуть ли не в житийных тонах. Он вбит гвоздями и действует на уровне подсознания. Вот, к примеру, в сериале «Мастер и Маргарита» режиссер буквально втискивал в роман мрачные политические аллюзии, которыми в романе и не пахло. Так, в романе представители органов выглядят скорее недотепами полицейскими из французской кинокомедии, нежели жуткой силой. Но… Булгаков же был страдальцем по жизни. Это все знают. Авторы телепередач о нем привычно ведут рассказ в заупокойном тоне. Так принято. Страшно подумать, что наснимают, если кому-то придет в голову сделать фильм об Осипе Мандельштаме. Такова традиция. Откуда она пошла? От воспоминаний вдов Булгакова и Мандельштама, которые в застойное время в среде фрондирующей интеллигенции были признаны истиной в последней инстанции. Шаг вправо, шаг влево считался кощунством.

«Если отвлечься от Лили Брик с ее своеобразными ресурсами, мотивациями и апелляциями, то славу первой вдовы литературного королевства по праву делят третья жена Михаила Булгакова и единственная Осипа Мандельштама. Они же обозначили контуры мифа противостояния – Вождю, системе, литературной среде, общей банальности и рутинности бытия, не овеянного дыханием Гения, – и создали как аналог храма культовый литературный салон, в случае Надежды Яковлевны с особо резким привкусом опасности и подполья. Согласно новейшим подсчетам М.Л. Гаспарова, по частоте появлений стихов на страницах «Правды» в начале тридцатых первое место занимал Пастернак, а второе – Мандельштам; Булгаков пламенно и долгое время взаимно любил Сталина, а «Белая гвардия» сделана была, как и сам МХАТ, «государственной» – но что с того! Первые вдовы позаботились, чтобы нам запомнилось нечто прямо противоположное…

И как было тягаться с этим хотя бы незамысловатым и конфузным воспоминанием Ольги Ивинской (несколько смягченным в выпущенной в России версии, но ведь была задолго до того и полная, «тамиздатская»)! Пастернак представал в них не столько автором гениальной лирики, сколько простаком, эгоистичным и едва ли не трусоватым: выдирал из собственных сборников посвящения арестованной возлюбленной; сочинив «Свечу», тут же обсуждал с «Ларой»[38] возможности пристроить

ее в «Новый мир»... Он был не чета страждущему герою Булгакову и героическому мученику Мандельштаму. И даже если все сказанное всеми тремя про всех троих было чистой правдой, правда первых вдов работала на создание и упрочение мифа, а правда Ивинской (точно так же, как и правда Эммы Герштейн в ее воспоминаниях о Мандельштаме, опять-таки в их парижской, «тамиздатской» версии, или Натальи Роскиной в мемуарах о Заболоцком) – на его развенчание. Что и доказывает, что писателю в России следует умереть рано, жить долго, а главное – жениться с умом» *(В. Топоров)*.

* * *

Ну а дальше в сложившуюся схему стали втискивать и остальных. Того же самого Бориса Пастернака или Исаака Бабеля. Получились «жития» героических борцов с «советским деспотизмом», которые, несмотря ни на какие невзгоды, продолжали говорить народу правду... Альтернативой советского мифа о литературе стал антисоветский.

Доходит до идиотизма. Так, недавно в одной статье я прочел, что Бабель в «Конармии», оказывается, разоблачил зверей-большевиков. То-то бывшие конармейцы, сами вдоволь порубавшие и белых, и махновцев, и поляков, помнили его тексты чуть ли не наизусть.

Любят у нас в России превращать людей в гранитные памятники.

А может, не стоит? И помнить этих людей какими они были?

Часть третья
ВСЕ ОГНИ – ОГОНЬ

Новый поворот

Поступь императора

В военные и послевоенные годы окончательно завершился начавшийся еще в тридцатых годах идеологический поворот. Собственно, все произошло по обычной схеме. Победившую революцию сменяет империя. Во Франции якобинцев с гильотиной сменил Наполеон с его идеей объединенной Европы во главе с Францией. То же самое случилось и в СССР. Из форпоста мировой революции страна превратилась в империю. Вернее, Россия, пережив смуту, вернулась на свой обычный путь развития. Пусть с иными лозунгами и знаменами, да какая разница-то? Дело-то было привычное – отбиваться от лютого врага. И вот тут-то, в момент самого отчаянного напряжения, Сталин вспомнил великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Минина и Пожарского, Суворова и Кутузова. В 1943 году в армии были введены погоны, которые до этого в сознании советских людей ассоциировались исключительно с белогвардейцами. Красные командиры стали офицерами.

Вопреки распространенному мнению, это было вызвано отнюдь не военными трудностями. Процесс шел уже давно. Почитайте довоенные стихи Константина Симонова. В них то же самое – гордость за свою страну, какой бы она ни была. К примеру, пронзительное стихотворение «Поручик» – о попытке англичан во время Крымской войны захватить Петропавловск-Камчатский. К поручику прибыл парламентер с требованием капитуляции.

Что защищать? Заржавленные пушки?
Две улицы, то в лужах, то в пыли,
Косые гарнизонные избушки,
Клочок не нужной никому земли?

Но все-таки ведь что-то есть такое,
Что жаль отдать британцу с корабля?
Он горсточку земли растер рукою:
Забытая, но все-таки земля.

Дырявые, обветренные флаги
Над крышами шумят среди ветвей...
– Нет, я не подпишу твоей бумаги,
Так и скажи Виктории своей!

Заметим, что Камчатку уж никак нельзя назвать исконно русской территорией. Но симоновский поручик героически защищал границы империи. Как и герои Киплинга.

В годы войны стала постепенно возрождаться и Церковь. В 1941 году по радио выступил патриарх, призвавший к борьбе против захватчиков. Его выступление потрясло даже законченных атеистов. Сталин демонстрировал – вот она, Россия. Какая-никакая, а другой все равно нет.

Эмигранты за границей это поняли очень хорошо. Подавляющее большинство из них, забыв свои «контры» с советской властью, обратили взгляд на Москву. Приведу в качестве иллюстрации лишь одну историю. В 1943 году немцы формировали Русскую освободительную армию генерала Власова. Как известно, этот генерал провозглашал, что борется не за немцев, а против коммунистов и тирании Сталина (а что ему еще оставалось провозглашать?). Только вот генерал был фигурой, скажем так, не слишком авторитетной. Требовался какой-нибудь «раскрученный бренд» – именитый человек «из прежних», имя которого можно использовать как знамя. Власов решил попробовать привлечь на свою сторону великого князя Феликса Юсупова. Того самого, который участвовал в убийстве Распутина. Юсупов, уже немолодой человек, жил в Париже. Так вот, когда Власов притащился к нему с визитом, его не пустили дальше передней. Юсупов через лакея велел передать, что «с предателями Родины ему разговаривать не о чем». А ведь это случилось в оккупированной нацистами стране. Где тоже действовало гестапо. И неприятностей Юсупов за подобный поступок мог огрести сколько угодно. Но к чему я все это? Чтобы пояснить, каков был идеологический климат в СССР к моменту Победы.

Это была империя на пике своего могущества. Со всеми ее прелестями. Не могу сказать, чтобы мне очень нравилось то, что тогда происходило. Но... Я много общался с людьми, по мере сил определивших ту эпоху (а определили ее все – от наркома до солдата стройбата). Это все-таки были такие люди... «Богатыри – не мы».

Повторяю – это было страшное и кровавое время. Но и времена Наполеоновских войн были не лучше. Но почему-то во Франции даже пришедшим в 1815 году роялистам не пришло в голову демонтировать Вандомскую колонну и Триумфальную арку, воздвигнутые в честь откровенно ЗАХВАТНИЧЕСКИХ войн Наполеона. А мы все стесняемся.

Предполагалось, что соответствующей величию страны будет

и культура. Но тут вышло по-разному. С архитектурой, например, получилось все хорошо. Кому-то может не нравиться стиль сталинский ампир, но все-таки разве московские высотки – это не красиво? А киевский Крещатик, возведенный в том же стиле? Опять же кино. Можно сколь угодно долго ругать фильм «Кубанские казаки», но вы снимите хоть что-нибудь близко к нему стоящее – тогда и говорите. А то все кричат о «русских блокбастерах», а посмотришь – очередной учебный фильм с дорогими, но скверными компьютерными эффектами.

Что же касается литературы... В России в ней всегда одни неприятности. Вот и в послевоенные годы случилось то же самое.

Здесь вам не тут!

К этому времени социалистический реализм, провозглашенный в 1934 году основополагающим стилем, полностью себя исчерпал. Все, что можно было создать в этом жанре хорошего, – уже создали. Если же выражаться в терминах пиара, то этот проект выполнил свою задачу. Народ был построен, идейно заряжен, он выполнил все, что возможно. И что невозможно – тоже выполнил. А дальше-то что? В кино, к примеру, тогда воцарилась «бесконфликтность». Или, как говорили остряки, «конфликт хорошего с лучшим». Ну, в синема свои законы. Там есть «картинка»[39], обаятельные актеры и хорошие песни. Можно и на этом выехать. Но в художественных произведениях, если нет конфликта, то получается, извините, одно... это самое. Будь то хоть соцреализм, хоть постмодернизм. Тема Великой войны еще только-только обозначилась. Честно говоря, довоенным писателям она оказалась не по зубам. Люди, прошедшие через войну, читали произведения Алексея Толстого и Леонида Соболева – и ждали чего-то большего. А те, кто впоследствии напишет замечательные произведения о Великой войне, пока что еще переваривали эту непростую тему. Они придут позже.

Конечно, свято место пусто не осталось. Его захватили халтурщики. То есть они были всегда. С ними боролись. Как уже было сказано, в 1934 году разогнали РАПП. Но они полезли снова. В 1937 году кое-кому из бывших рапповцев, снова вылезших наверх, дали в руки кайло взамен пера. Мне лично их не жалко. За что боролись – так вам и надо. Но беда-то в том, что халтурщики неистребимы. А потому-то, когда признанные мастера советской литературы как-то самоустранились, на первый план вышли борзописцы. Конечно, были исключения, но вообще-то художественную литературу конца сороковых можно

давать читать в качестве особо тяжелого наказания.

* * *

Но тут мы подходим к самому интересному. К знаменитому постановлению 14 августа 1946 года о журналах «Звезда» и «Ленинград». Полный его текст вы найдете в Приложении. А суть его в том, что Оргбюро ЦК ВКП(б) тяжелым катком прошлось по упомянутым журналам. Отголоски этого постановления громыхали еще долго. Но пока я остановлюсь на главных фигурантах этого дела – на всем известных Михаиле Зощенко и Анне Ахматовой.

«В журнале «Звезда» за последнее время, наряду со значительными и удачными произведениями советских писателей, появилось много безыдейных, идеологически вредных произведений. Грубой ошибкой «Звезды» является предоставление литературной трибуны писателю Зощенко, произведения которого чужды советской литературе. Редакции «Звезды» известно, что Зощенко давно специализировался на писании пустых, бессодержательных и пошлых вещей, на проповеди гнилой безыдейности, пошлости и аполитичности, рассчитанных на то, чтобы дезориентировать нашу молодежь и отравить ее сознание. Последний из опубликованных рассказов Зощенко «Приключения обезьяны» («Звезда», № 5 – 6 за 1946 г.) представляет пошлый пасквиль на советский быт и на советских людей. Зощенко изображает советские порядки и советских людей в уродливо карикатурной форме, клеветнически представляя советских людей примитивными, малокультурными, глупыми, с обывательскими вкусами и нравами. Злостно хулиганское изображение Зощенко нашей действительности сопровождается антисоветскими выпадами...»

А. Ахматова

Почему под раздачу попал Зощенко – на это есть разные версии. Одна из них – как и в случае с Пильняком и Бабелем – в нехороших знакомствах. Дело в том, что как раз тогда раскручивалось так называемое «ленинградское дело». Тут я снова завожу старую шарманку: считается, что ленинградские партийные лидеры, привлеченные по нему, были оклеветаны Сталиным. Однако есть сведения, что там не было никакой политики. На самом-то деле кое-кто из тогдашних ленинградских чиновников круто заворовался. А коммунистам очень не хотелось признавать, что их функционеры подвержены той же болезни, что и все чиновники в мире, – путать свой карман с государственным. Было и еще кое-что. Ленинградцы хотели учредить Российскую коммунистическую партию большевиков. Поясню. Во всех республиках СССР свои собственные партийные организации имелись, а вот в РСФСР – нет. Несправедливо? Но давайте вспомним, с чего начался развал СССР. Есть еще вопросы?

А Зощенко – он просто слишком со многими был близко знаком.

Есть и еще одно весьма правдоподобное предположение. Дело в том, что Зощенко стал заниматься тем, что сейчас называют

«чесом» – многочисленными встречами с читателями, где он читал свои рассказы. Не за бесплатно, понятное дело. По нынешним временам – что тут такого особенного? Впрочем, и сегодня налоговые службы на подобную самодеятельность посмотрят очень косо. Но тогда это было против правил. Впрочем, полагают, что сработало старое как мир чувство зависти. Кто-то из братьев писателей обиделся на левые зощенковские доходы. И соответственно – отправил сигнал куда надо. Вот Зощенко и решили показать, что «здесь вам не тут».

* * *

Перейдем к Анне Ахматовой. Если читатель дочитал книгу до этой страницы, то рассказывать мне о ней ни к чему. Любой, кто хоть сколько-нибудь интересовался литературой, об Ахматовой имеет представление.

А что же говорило о ней упомянутое постановление?

«Журнал «Звезда» всячески популяризирует также произведения писательницы Ахматовой, литературная и общественно-политическая физиономия которой давным-давно известна советской общественности. Ахматова является типичной представительницей чуждой нашему народу пустой безыдейной поэзии. Ее стихотворения, пропитанные духом пессимизма и упадочничества, выражающие вкусы старой салонной поэзии, застывшей на позициях буржуазно-аристократического эстетства и декадентства, «искусстве для искусства», не желающей идти в ногу со своим народом, наносят вред делу воспитания нашей молодежи и не могут быть терпимы в советской литературе».

М. Зощенко

Вот оно как! То есть получается, что почти тридцать лет этой особенности поэтессы не замечали. А тут на тебе! Раскрылись глаза.

На самом деле причина совсем не в этом. Анне Ахматовой Сталина любить было не за что. При нем арестовали ее сына – будущего знаменитого историка Льва Гумилева. За дело или не за дело – вопрос бессмысленный. Мать – она и есть мать. Так вот, Анна Ахматова была первой, кто с тех пор, когда разгромили последних оппозиционеров, попыталась противостоять системе. Читатель уже, наверное, заметил, что автор с глубоким уважением относится к Сталину. Так оно и есть. Но того, кто попер против находящегося в зените славы вождя, стоит уважать. «Безумству храбрых поем мы песню!»

Как было дело? В чем-то ситуация напоминала противостояние Наполеона и мадам де Сталь. Упомянутая дама, писательница и одна из первых идеологов феминизма, после воцарения Бонапарта завела у себя литературный салон. Там тусовались разные люди, но сходились они в неприятии императора и его порядков. В частности, того, что Наполеон свирепо урезал свободу слова. А если точнее – от нее вообще ничего не осталось. Все великие императоры ведут себя в этом смысле примерно одинаково.

Так вот, Анна Ахматова завела примерно такой же «салон». С поправкой, конечно, на нравы эпохи. Сталин до некоторого времени все это дело терпел, а не отправил всех сразу на Колыму, где как раз осваивали новые месторождения и позарез нужны были рабочие. Но все до поры до времени шло тихо.

А салон был своеобразный… Я уже упоминал о «литературных вдовах». Так вот, по мнению Виктора Топорова, Ахматова являлась «вдовой русской литературы» в целом.

«Я, понятно, имею в виду Анну Ахматову. Нет, не гумилевской вдовой она была в своем – невыговариваемом – статусе великой вдовы, и уж подавно не шилейкинской. И эти, и многие другие имена имеют к ее «вдовству» не большее отношение, чем всякие Орловы – Потемкины (включая и оставшихся безымянными) к императорскому статусу Екатерины Великой. Атрибутика власти, элементы и факторы правления – но не более. А императорское достоинство и «литературное вдовство» легитимируются и сакрализуются по-другому.

Сказать, что Анна Андреевна ощущала и подавала себя вдовой Пушкина – значит выговорить половину правды. И Пушкина тоже. Конечно, и Пушкина. Но и вдовой Блока – вопреки его явному безразличию. Впрочем, вдовами Блока, да и Пушкина, ощущали себя с большими или меньшими основаниями многие (Марина Цветаева в том числе), только у них ничего не вышло. Открытие Ахматовой заключалось в том, чтобы осознать и объявить себя вдовой всей русской литературы сразу!»

Цинично сказано – но ведь верно! Так вот, Анна Ахматова попыталась в 1946 году устроить публичную акцию. Когда она в 1946 году после долгого перерыва появилась на собрании в Московском доме литераторов, зал встал. Считается, что это произошло просто так, от избытка чувств. Но есть и более правдоподобная версия.

«Технику «организации» легко можно себе представить: «коллективная Лидия Корнеевна» кому надо позвонила, кто-то прошелся по рядам, кто-то молча подал пример, одним из первых поднявшись со стула, – а разработано все это было, вероятно,

самой Анной Андреевной, исподволь внушившей мысль о желательности вставания конфидентам и конфиденткам. Мастерский ход, который игрок гроссмейстерского класса Сталин сразу же разгадал. И ответил памятным, слишком памятным контрударом» *(В. Топоров)*.

Существует легенда, что Сталин, услышав о произошедшем, спросил: «Кто организовал вставание?» И нанес ответный удар в виде упомянутого постановления. А что? Нарываетесь – получите. Война есть война.

* * *

С этого постановления началась знаменитая борьба с «идолопоклонством перед Западом». Это была в общем-то обычная идеологическая война. Сразу после Победы стало понятно, что вчерашние союзники разошлись по противоположным лагерям.

Между прочим, на той стороне океана творилось примерно то же самое. Я уже упоминал о сенаторе Маккарти и его Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности. Но дело не ограничивалось этой самой комиссией. Порой случались и вовсе анекдотические события. В 1953 году фильм-сказка советского режиссера А. Птушко «Садко» получил «Золотого льва» на кинофестивале в Венеции. По правилам кинофорума, участвующие в нем страны обязаны запускать в прокат фильм-победитель. В фестивале участвовали и американские кинематографисты, которые собрались добросовестно выполнить условия и повезли картину к себе.

Но не тут-то было! Кто-то из американских сенаторов, отличавшихся особо выдающимися умственными качествами, тормознул фильм по дороге к прокату, потому как узрел в русской народной сказке пропаганду коммунизма. На самом-то деле вся «красная пропаганда» в фильме, как и в других картинах Птушко, сводится к подчеркнуто декларируемой любви к матушке России. В общем, если выражаться терминами ультралибералов начала девяностых – «русский фашизм» (тогда любое одобрительное слово о своей стране оценивалось этими господами именно так).

В общем, штатовские киношники попали в сложное положение. Просто положить фильм на полку было нельзя – за соблюдением условий фестиваля организаторы следили очень жестко. Выпускать тоже было проблематично – маккартистская истерия была в полном разгаре, – поэтому прокат фильма грозил

большими неприятностями. В результате фильм основательно порезали и перемонтировали, убрали из него все упоминания о Великом Новгороде и Русской земле. Картина была подана как очередные приключения героя арабских сказок Синдбада-морехода (тогда в Голливуде было снято множество серий про этого персонажа). Представьте, что американский фильм «Судьба солдата в Америке», идущий тогда в нашем прокате, был бы перекорежен так, чтобы этот солдат превратился, допустим, в аргентинца. Вот вам и вся демократия.

Так что, пока в СССР боролись против «низкопоклонства перед Западом», на той стороне занимались тем же самым. Именно тогда же стали переписывать историю Второй мировой войны – так, чтобы русские в ней вроде бы были и ни при чем. И там, и там в общем-то правильную патриотическую идею старательно довели до абсурда.

Результат в обоих лагерях получился примерно одним и тем же – и весьма далеким от ожидаемого. А в литературе – так и вовсе полностью противоположным. В США это вылилось в поток совсем не патриотической литературы, которая имела большой спрос. Никому доселе не известные писатели, прославившиеся под именем «битники» (Ален Гинзберг, Джек Керуак, Грегори Корсо, Льюис Ферлигетти и иже с ними), прогремели на все Штаты именно тем, что заявляли в своем творчестве: в гробу они видали все традиционные американские ценности и Соединенные Штаты вообще. Заложив тем самым идейную основу так называемой «молодежной революции», которая грохнет во второй половине шестидесятых.

В СССР же внутренне похожие процессы проходили совсем иначе – из-за своеобразия политической обстановки и не менее своеобразных условий литературной жизни.

«Оттепель»

Поворотным моментом в истории СССР стал знаменитый XX съезд партии. Общепринятая версия такова. Хрущев выступил с разоблачением «культа личности Сталина». Жертвы незаконных репрессий были реабилитированы, справедливость, хоть и не полностью, восстановлена, диктатура ослабла. В общем, наступила «оттепель».

Даже если согласиться, что Сталин был кровавым палачом, пострелявшим и посажавшим сплошь честных и ни в чем не повинных людей, Хрущев имел такое же право его обличать, как шеф гестапо Генрих Мюллер – выступать в качестве обвинителя на Нюрнбергском трибунале. Но дело не в этом.

А в том, что Хрущев отнюдь не восстанавливал справедливость, а выгораживал своих. Представителей партийной элиты, которые по тем или иным причинам попали под раздачу. Именно выгораживал. Никакого серьезного пересмотра дел не было. «Реабилитация» проходила в пожарном порядке. Все доказательства вины признавались сфальсифицированными, все признания – выбитыми. Так, бездарный маршал Тухачевский, проигравший советско-польскую войну исключительно из-за своей самовлюбленности, был объявлен гениальным полководцем, погубленным Сталиным из зависти. Грузинский шовинист Шалва Окуджава (отец знаменитого барда), пытавшийся на Кавказе создать «Грузию для грузин»[40], тоже попал в невинные жертвы режима. И так далее. В общем, «реабилитировались» представители «ленинской гвардии», отмороженные революционеры, которые черт-те что натворили.

Но это все семечки. Сегодня мало кому известно, что Сталин в конце жизни планировал полностью устранить партию от государственной власти, оставив ей роль свадебного идеологического генерала. То есть запускал процесс, который впоследствии в Китае блестяще проведет Дэн Сяопин. Китайский опыт впечатляет. А вот у нас не сложилось. Зато воцарился принцип коллективного руководства. То есть никто не отвечал за принимаемые решения. Именно при Хрущеве окончательно оформилось то, что получило название «номенклатура» – сословие паразитов, которое работало исключительно на самих себя.

В СССР начиная с 1934 года литература была частью пропагандистской машины. Но времена поменялись. Дело не в Хрущеве. Весь период тридцатых – пятидесятых страна жила по мобилизационной модели. То есть в режиме одного большого аврала. Сначала в спешном порядке строили, потом воевали, затем восстанавливали. Но бесконечно так жить нельзя. Сил не хватит. Потому-то Сталин и намеревался начать постепенный переход к нормальной жизни. Но жизнь пошла другим путем. Абсолютно абсурдным. Коммунизм решили строить дальше. Только вот было не очень понятно – каким образом...

В этих условиях коммунистические специалисты по идеологии оказались в некоторой растерянности. Литературный пиар-проект под названием соцреализм к этому времени уже окончательно дал дуба. Точнее, литераторы продолжали клясться его именем аж до самой перестройки. Но этот жанр сделался местом обитания уже откровенных халтурщиков. Не о нем речь. После XX съезда идеологи просто не знали, «куда гнать зайца». В самом деле. «Оказался наш Отец не отцом, а сукою» *(А. Галич)*.

Мало того что трудно переключиться на полном ходу. Было непонятно – на что же переключаться? К тому же Сталин все-таки разбирался в литературе, чего никак не скажешь о Хрущеве. Да и не до того ему было. Он только и успевал бороться за личную власть – в промежутках между стучанием ботинком по трибуне ООН, посадкой кукурузы и прочими подобными народными забавами[41].

В этом-то и причина «оттепели». Люди, сидящие на ответственных постах в редакциях и издательствах, просто не поняли – чего в нынешних условиях можно, а чего все-таки нельзя. И стали действовать на свой страх и риск. Так и появились в «Новом мире» «Один день Ивана Денисовича» Александра Солженицына и многое другое. Вспомнили о Есенине и о других полузабытых авторах двадцатых. К слову, их до этого не запрещали, а замалчивали. Это большая разница. Запрещены, к примеру, были работы Троцкого. Они были изъяты из библиотек, за их хранение было можно очень дорого поплатиться. А книжки Есенина свободно продавались в букинистических магазинах всю сталинскую эпоху. Особенно в послевоенном Ленинграде, где букинистические магазины были набиты книгами из вымерших в блокаду квартир. У меня дома хранится неплохая коллекция книг двадцатых годов издания, купленных отцом в послевоенные годы.

А то, что Есенина и других авторов не печатали... Это вопрос интересный. Вряд ли Сталин лично определял, кого печатать, кого не очень. Напомню, что Маяковского «подняли на щит» после письма Лили Брик. У Есенина таких заступников не оказалось. Есть подозрение, что большие люди из ССП просто не горели желанием потесниться на Парнасе.

А с воцарением Хрущева как раз случилось безвременье – как идеологическое, так и литературное. Смена поколений. Вот и вспомнили про старых авторов.

* * *

«Оттепель» продолжалась недолго. Идеологи пришли в себя от шока. Им ведь тоже хотелось кушать – а для этого следовало доказывать собственную полезность. Они наконец уловили дух времени. А он, этот дух, был весьма гнусным. Партийная элита стала существовать ради самой себя. Завершающим штрихом было устранение непредсказуемого и беспокойного Хрущева. Теперь главной задачей являлось сохранять существующее положение вещей. А для этого не следует гнать волну. Не делать резких движений. Пусть все идет как идет.

Вот эти требования и стали предъявлять к литературе. Не надо шума. Не следует касаться беспокоящих тем. Самое лучшее – сглаживать углы и обходить опасные места.

Но дело-то в том, что любое хорошее произведение вызывает шум! Особенно в тогдашнем Союзе, где, с одной стороны, к книгам относились серьезно, с другой – безраздельно господствовал реализм. Этот стиль описывает все-таки окружающую действительность, а не выдуманные миры и не дебри подсознания. А описание реального мира всегда кому-нибудь да не понравится. А потому... Не стоит обострять.

Заметим, что это происходило не только по «партийной команде». Союз писателей постепенно также превращался в самодостаточную структуру. Прямой зависимости издательских планов от читательского спроса не существовало. Власть тоже требовала не действенной пропаганды художественным словом – как при Сталине, – ее устраивала и бессмысленная трескотня на «коммунистическую» тему.

В общем, нужно было лишь соблюдать правила игры. То есть не высовываться и не гнать волну. Вспомним книгу Сергея Довлатова «Ремесло». В ней писатель рассказывает о своей работе литературным сотрудником в журнале «Костер». Он, а не партийный чиновник «отшибает» рукописи молодых авторов. Как в других изданиях «отшибают» его. Почему? Потому что все равно «не пойдет». Редактору не нужно лишней головной боли, это повредит его карьере. И при чем тут партийный диктат? Сегодня в США мало безумцев, которые решатся напечатать книгу против феминизма. Хотя в Америке не существует никакой идеологической цензуры. Но и лишних проблем тоже никому не нужно. Тем более что в СССР все издательства были государственные – то есть от продажи изданных книг не зависели. Соответственно, не зависела от продаж и зарплата работников. Вот и получилось, что получилось. То есть хорошие авторы все равно пробивались. Но система все больше и больше подталкивала поглядывать «налево». За бугор. Но там все тоже было не так просто...

Борис Пастернак. Попытка к бегству

Свободы захотели?

Любой писатель является горячим сторонником творческой свободы. Кому нравится, когда над тобой стоит кто-то, кто диктует – как писать и что писать. Правда, чаще всего оказывается, что творческие люди ценят эту самую свободу исключительно для себя. Но в любом случае – рамки никому не нравятся.

В сталинские времена с творческой свободой было неважно. Как в армии туго со свободой личной. К тому же послевоенные реалии обострили эту проблему до предела. Повторюсь, прижимать творческих людей стали в это время и в демократической Америке. А потому реакция по обе стороны океана была одинаковой, протестной. Государство навязывало патриотизм, значит, ответной реакцией было то, что вспомнили о «свободе человеческой личности». Которая и есть мерило всего.

В США эта тенденция вылилась в полный нигилизм по отношению к обществу. Все плохо, все не так, как надо. Надо все развалить и построить заново. Эти настроения до слез напоминают нашу перестройку. (Точнее, все наоборот. Наша творческая интеллигенция не наигралась в шестидесятых.) Последствия были невеселые. Возникшая на этих идеях «молодежная революция» принесла с собой, кроме всего прочего, моду на наркотики, от которых в США в те годы погибло больше людей, нежели во вьетнамской войне. Да и сегодняшний мусульманский терроризм корнями уходит именно в то веселое время. Не говоря уж о разных мелочах вроде тоталитарных сект и массовых сатанинских культов. Но это тема для отдельной книги. Вернемся на наши просторы.

* * *

Здесь первым крупным событием новой эпохи явился скандал с присуждением Нобелевской премии Борису Пастернаку.

Суета вокруг романа

В застойное время Борис Пастернак являлся священной коровой советской интеллигенции. При этом так часто

цитируемое выражение «Я Пастернака не читал, но скажу» можно с успехом отнести и ко многим его почитателям. Пастернак – поэт для утонченных эстетов, для любителей «чистой поэзии». Которых вообще-то очень немного даже среди тех, кто любит стихи. Большинство читателей все-таки увлекает содержание – чувство, настроение. Поэтому у Есенина и сегодня много поклонников. Да и у Маяковского их немало. А Пастернака чтят, но не читают. И что еще более характерно – не цитируют. Что означает – поэт не цепляет.

Еще более это относится к знаменитому роману Бориса Пастернака «Доктор Живаго». Редкая птица долетит до середины Днепра. Редкий читатель смог прочитать этот роман до конца. Еще меньше тех, кого потянуло его перечитать. Но это не важно. Пастернак был знаменем, любовь к нему была признаком «элитарности» и некоторой оппозиционности. И все из-за упомянутого романа.

Б. Пастернак

Борис Пастернак сумел пройти всю сталинскую эпоху без особых неприятностей. Хотя шанс на них нарваться у него был – и немаленький. Его называли на допросах Осип Мандельштам, Исаак Бабель и многие другие, угодившие в лапы НКВД. По одной

версии, его спасала близкая дружба с Владимиром Маяковским. По другой версии, когда до Сталина дошли слухи об очередном доносе на Пастернака, вождь бросил:

– Оставьте в покое этого небожителя!

И оставили.

Борис Леонидович и в самом деле всегда позиционировал себя именно как представитель «чистого искусства». Хотя и отдал дань общественно-политической тематике поэмами – кстати, неплохими – «Девятьсот пятый год», «Лейтенант Шмидт» и другими. В 1934 году на Первом съезде Союза писателей он был провозглашен лучшим советским поэтом. Об этом поклонники Пастернака вспоминать не любят. Как-то портит чистоту имиджа. Кроме всего прочего, Пастернак был одним из мэтров советского поэтического перевода. Как я уже говорил, этот жанр пышно расцвел именно при советской власти и с ней же увял. Вряд ли тогда было особо много поклонников, допустим, венгерского поэта Шандора Петефи. Не говоря уж о какой-нибудь «чечено-ингушатине» (так на жаргоне переводчиков называли поэзию народов СССР). Но была установка – знакомить народ с мировой культурой. И переводили. И очень хорошо оплачивали переводы.

Роман «Доктор Живаго» был задуман Борисом Пастернаком в сороковых годах. Произведение для него являлось очень важным – автор полагал, что оно будет его главным творением, в котором он хотел рассказать о своем взгляде на мир и собственное место в этом мире. Он пишет «книгу жизнеописаний, куда бы он в виде скрытых взрывчатых гнезд мог вставлять самое ошеломляющее из того, что он успел увидать и передумать».

Правда, когда он читал отрывки из романа друзьям, в том числе и Анне Ахматовой, они отнеслись к произведению без особого восторга. Анна Андреевна так честно сказала: скучно, мол. По-моему, она была права.

Есть красивая фраза: «Талантливый человек талантлив во всем». Но это не так. Довольно часто деятели искусства, попробовавшие силы в «сопредельном» жанре, не достигают в нем успеха. К примеру, Иван Бунин очень обижался на читателей – на то, что они с восторгом читают его рассказы, но остаются совершенно равнодушны к его же стихам. А кто помнит стихи Алексея Толстого или Джека Лондона?

Не могу удержаться, чтобы не привести пример из другого жанра. Мало кто из многочисленных поклонников «Битлз» читал рассказы Джона Леннона – и даже знает об их существовании. И правильно, что не читали. Песни у него выходили куда лучше.

* * *

Борис Пастернак, закончив роман в 1949 году, предложил его к публикации в журналы «Знамя» и «Новый мир». Первоначально книгу приняли к печати, но потом дело как-то застопорилось. В 1956 году Пастернак передал рукопись в итальянское издательство Фельтринелли. В составленной КГБ уже после всех событий записке дальнейшее излагается так:

«Передавая рукопись за границу, Пастернак, как это видно из его беседы с профессором Оксфордского университета белоэмигрантом Катковым Г.М., приехавшим в сентябре 1956 года, исходил из того, что роман в Советском Союзе не может быть принят. Предпринимая этот шаг, Пастернак, по его словам, не был заинтересован в материальной стороне дела, и поэтому основным условием, которое он поставил перед издателем, было перевести «Доктора Живаго» на европейские языки: французский, немецкий и английский после выпуска его на итальянском».

Книга вышла в Милане в 1957 году, а потом стала переводиться на иностранные языки. И вот тут-то началось...

«Я Пастернака не читал»

Надо сказать, что иностранные «друзья и поклонники» довольно искусно подводили Пастернака к идее передать рукопись на Запад. Благо поэт был и сам уверен в эпохальном значении своего произведения. Он хотел напечатать роман во что бы то ни стало. Что же касается зарубежных откликов, то они пошли косяком. И вполне понятно какие. Пастернаку начали активно «шить политику». Стали писать не о литературных достоинствах романа, и даже не о поднятых там морально-нравственных вопросах – а начали вычленять оттуда именно «антисоветчину». И это понятно. Из всех возможных вариантов освещения темы журналист всегда выбирает самый хлесткий. Таково уж его профессиональное мышление. Кому, в самом деле, интересно на Западе, что русский поэт, которого там знали только ученые-слависты, написал какой-то там роман? Но! «Известный русский поэт Пастернак выступил против коммунизма». Вот это уже годится на первую полосу.

А на самом-то деле... Историк литературы Марк Слоним пишет об авторе романа: «Он верит в человеческие христианские добродетели, утверждает ценность жизни, красоты, любви и природы. Он отвергает идею насилия, особенно тогда, когда насилие оправдывается абстрактными формулами и сектантской демагогией». В общем, как говаривал кот Леопольд, «ребята, давайте жить дружно».

Герой «Доктора Живаго» – это тот же булгаковский Мастер,

которого только похлеще закрутило жизнью. Белые и красные непонятно зачем занимаются кровавыми разборками, а из-за этого главному герою неуютно жить. Вот если бы они ими не занимались, тогда все стало бы хорошо. Недаром роман очень понравился Альберу Камю, который прославился своими работами, где утверждалось, что вся наша жизнь – абсурд. Но, в конце-то концов, Борис Пастернак смотрел на мир так, как он смотрел.

Но, как уже было сказано, зарубежные друзья упирали прежде всего именно на «антисоветскость» романа. Как водится, тут же заворочались непримиримые эмигранты. В частности, большой шум поднял так называемый Народно-трудовой союз – контора, активно сотрудничавшая со всеми противниками СССР, в том числе и с нацистами. А в то время являвшаяся откровенным пастбищем ЦРУ. Эти господа подняли радостный визг до неба о том, что в СССР наконец-то появилась мощная оппозиция режиму. Которой тогда, разумеется, еще не было – даже на уровне кухонной ругани в адрес власти. Оппозиция появится позже.

В общем, складывается впечатление, что западные мастера психологической войны провернули изящную операцию, в которой поэта использовали втемную.

Советское руководство, как и следовало ожидать, «купилось». К этому моменту Хрущев разогнал Сталинских соколов в органах, а на их место пришли люди, у которых мозгов было, видимо, столько же, сколько и у Никиты Сергеевича. Во всяком случае, из всех возможных глупостей советские руководители не забыли почти ни одной. Начали принимать меры.

«В кругах представителей зарубежной прессы высказывались также предположения, что Нобелевская премия может быть разделена между Пастернаком и т. Шолоховым. Если т. Шолохову М.А. будет присуждена Нобелевская премия за этот год наряду с Пастернаком, было бы целесообразно, чтобы в знак протеста т. Шолохов демонстративно отказался от нее и заявил в печати о своем нежелании быть лауреатом премии, присуждение которой используется в антисоветских целях. Такое выступление т. Шолохова представляется тем более необходимым, если премия будет разделена между ним и Пастернаком» (из *записки отделов культуры, пропаганды и агитации ЦК КПСС о мерах в связи с возможным присуждением Б.Л. Пастернаку Нобелевской премии)*.

По-настоящему игра началась, когда в 1958 году Пастернаку присудили Нобелевскую премию по литературе «за значительные достижения в современной лирической поэзии, а также за продолжение традиций великого русского эпического романа». Политические «уши» видны из решения Нобелевского комитета

невооруженным глазом.

Была предпринята мощная кампания – «заклеймить и осудить». Решение исходило с самого верха. Но вот что интересно, принималось оно на основе документа, предоставленного отделом культуры ЦК КПСС. То есть структурой, которая ничем, кроме демагогии, не занималась. И ни за что не отвечала.

И понеслось...

> «...Подготовить и опубликовать в «Правде» фельетон, в котором дать резкую оценку самого романа Пастернака, а также раскрыть смысл той враждебной кампании, которую ведет буржуазная печать в связи с присуждением Пастернаку Нобелевской премии.
>
> 5. Организовать и опубликовать коллективное выступление виднейших советских писателей, в котором оценить присуждение премии Пастернаку как стремление разжечь холодную войну.
>
> *М. Суслов».*

Состоялось знаменитое собрание Союза писателей, на котором Пастернака исключили из ССП. Циники утверждают: негодование литераторов было искренним. Ведь премию-то дали не им! Есть вещи, которые в писательской среде не прощают. В частности – чей-то громкий успех.

Опять приведу эпизод из заокеанской жизни. В 1936 году скромная провинциальная журналистка Маргарет Митчелл опубликовала роман «Унесенные ветром». Книга, как известно, стала сенсацией во всех отношениях – в литературном и в коммерческом. А что же братья литераторы – те, кто полагал себя «серьезными» писателями? Они подняли бурю. В чем только Митчелл не обвиняли! В том, что роман написала не она (привет «Тихому Дону»!). В том, что ее произведение – «массовая культура». Что она извратила историю. Что она романтизирует гадов-рабовладельцев. Что она облила грязью благородных северян, занимавшихся «перестройкой» южных штатов. Из Митчелл сделали чуть ли не члена ку-клукс-клана. А почему? Потому что либеральные американские авторы о таком успехе и мечтать не могли...

* * *

Потому-то партийную установку по отношению к Пастернаку советские писатели выполнили с энтузиазмом. Кстати, исключив

поэта из Союза, его оставили членом Литфонда – организации, занимающейся материальными проблемами писателей.

Подробно все эти игры описывать не имеет смысла. Некоторое время Пастернак колебался, какую занять позицию. Сам он был не бойцом – но его подталкивали люди из ближайшего окружения. У которых были собственные соображения по поводу того, как использовать разразившийся скандал к собственной выгоде.

Но в итоге от Нобелевской премии Пастернак все-таки отказался. И кстати, не потому, что его загнали в безвыходное положение. Выход имелся.

«ТАСС уполномочен заявить, что со стороны советских государственных органов не будет никаких препятствий, если Б.Л. Пастернак выразит желание выехать за границу для получения присужденной ему премии. Распространяемые буржуазной прессой версии о том, что будто бы Б.Л. Пастернаку отказано в праве выезда за границу, являются грубым вымыслом.

Как стало известно, Б.Л. Пастернак до настоящего времени не обращался ни в какие советские государственные органы с просьбой о получении визы для выезда за границу и что со стороны этих органов не было и не будет впредь возражений против выдачи ему выездной визы.

В случае если Б.Л. Пастернак пожелает совсем выехать из Советского Союза, общественный строй и народ которого он оклеветал в своем антисоветском сочинении «Доктор Живаго», то официальные органы не будут чинить ему в этом никаких препятствий. Ему будет предоставлена возможность выехать за пределы Советского Союза и лично испытать все «прелести капиталистического рая» *(«Правда», 2 ноября 1958 г.)*.

Подобные заявления просто так не делались. Если уж сказали – то выпустили бы. Но все вышло иначе. В письме Хрущеву поэт писал: «Покинуть Родину для меня равносильно смерти… Я связан с Россией рождением, жизнью и работой…»

Принято считать, что Пастернака вынудили ко всему этому. Но как можно вынудить человека, которому открыли «запасной выход»? Вероятнее другое. Поэт в то время уже был тяжело болен. Он прекрасно понимал, что за рубежом его в покое не оставят, а будут эксплуатировать тему до конца. Как сообщали люди из КГБ «наверх», «по последним данным, Пастернак высказывает беспокойство в связи с ожидаемым приездом английской парламентской делегации, опасаясь особого интереса к нему со стороны английских корреспондентов. Высказывает в связи с этим желание уехать на некоторое время в Тбилиси». Он предпочел отойти в сторону и закончить жизнь в покое. В 1960 году поэт

умер от рака легких.

* * *

Итак, Пастернак не воспользовался «запасным выходом». Но это был, говоря юридическим языком, прецедент. Выяснилось, что можно играть в игры с Западом – и строить себе литературную карьеру именно на этом. Пока это был лишь первый звоночек, случай, долгое время остававшийся уникальным. Потребовался впоследствии куда более громкий скандал с Александром Солженицыным, чтобы увлечение подобными играми стало массовым явлением. Пока что основная масса свободолюбивых литературных работников предпочитала идти более умеренным путем. Правда, не у всех это получилось.

Как карта ляжет

Поэты на стадионах

В Советском Союзе психология литераторов отличалась известными особенностями. Они продолжали существовать в тепличных условиях Союза советских писателей. Эти условия были очень даже комфортные. Конечно, попасть в ССП было непросто – и чем далее, тем сложнее. Но уж если попал – то возможность жить на литературные и окололитературные заработки была обеспечена. Это стало очень заметно, когда система рухнула и писатели оказались предоставленными сами себе. Выяснилось, что свобода имеет свою оборотную сторону. Издатели, грубо говоря, стали воротить морду от творений «прорабов перестройки». Почему – вопрос отдельный. Но питерские литераторы тут же сделали попытку наладить старые добрые отношения с начальством. Как пишет критик Виктор Топоров, главный писательский демократ Михаил Чулаки пытался пробить у руководства города систему, когда город финансирует издательство книг, а писатели получают деньги по факту сдачи рукописи. То есть я написал невесть что. Хоть просто записывал свой пьяный бред. А что? Это модернизм, если не понимаете.

Разумеется, не все писатели попадали в обойму, а особо избранные. Идейно близкие. Такого, заметим, не было никогда и нигде.

Примерно те же настроения были и в шестидесятых. Известная шутка гласит, что советские люди мечтали жить как при капитализме, а работать как при социализме. Так вот, литераторы хотели в душе полностью противоположного. Писать как при свободе слова, но при этом получать от государства гарантированное содержание. Сказанное не означает, что советские писатели всегда отдавали себе в этом отчет. Свое положение они воспринимали как должное – как полагающееся по заслугам. Но при этом хотелось еще и писать что хочется. Эта психологическая особенность приводила ко многим коллизиям.

* * *

Шестидесятые годы были, наверное, самым светлым и радостным периодом в жизни нашей страны в прошедшем столетии. XX съезд и последующие заявления Хрущева – вроде

того что уже нынешнее поколение людей будет жить при коммунизме – породили уверенность, что время тяжких испытаний закончилось. Теперь пора получать награду за самоотверженный труд и доблестные сражения. Как говорится в анекдоте, «революцию мы совершили, а теперь – дискотека». На этом фоне расцвела романтика. Так, к примеру, поэзия испытывала совершенно невиданный подъем. Выступления поэтов собирали стадионы – такого не случалось никогда нигде прежде и вряд ли произойдет когда-нибудь еще. Поэтов было много – причем хороших поэтов. Все они были молодые и талантливые. Именно тогда появился тип, который стал называться «шестидесятником».

Явление «героя»

В VI веке нашей эры в Византии жил некий Прокопий Кесарийский, занимавший должность официального историографа при императоре Юстиниане Великом. Соответственно, в задачу Прокопия входило описание славных деяний императора. А они и в самом деле были славными – и титул «великого» в истории сохранился за Юстинианом вполне заслуженно. Но почти всегда подобный правитель не отличается особым гуманизмом. Так уж получается с царями, президентами и генеральными секретарями – либо ты добрый, либо ты великий.

Как бы то ни было, Прокопий добросовестно выполнял свою работу, описывая деяния Юстиниана с доходящим до неприличия подобострастием и не жалея елея. И получая за это все возможные по тем временам блага.

Но только когда Прокопий умер, оказалось: на самом-то деле он Юстиниана люто ненавидел и, прославляя императора, писал «в стол» другую, «Тайную историю», в которой вылил на работодателя всю грязь, какую мог, включая самые дикие слухи и домыслы. К примеру, что Юстиниан продал душу дьяволу и что он имел привычку разгуливать по ночам без головы по своему дворцу. Вам это ничего не напоминает?

Но бог с ним, с Прокопием. Тип «шестидесятника» полностью описан в русской классической литературе. Я имею в виду Степана Верховенского из романа Достоевского «Бесы» (отца главного революционера Петруши). Я не знаю, имеются ли у литературоведов работы на тему «Достоевский как сатирик». Если нет – предлагаю написать. А то у нас привыкли воспринимать Федора Михайловича исключительно как живописателя психопатологии, которую иностранцы по наивности стали принимать за «загадочную русскую душу», или сумрачным

нравственно-религиозным проповедником. Или, на худой конец, обличителем коммунистической бесовщины.

А между тем многие страницы романов Достоевского – в том числе и «Бесов» – сатира высшей пробы, которая припечатывает крепко и сохраняет актуальность на века.

Итак Степан Трофимович Верховенский, «либерал сороковых годов». В юности написал странную поэму, которую напечатали в иностранном журнале. Он имел косвенное отношение к каким-то антиправительственным затеям и был в некоторой моде у оппозиционно настроенной молодежи. Потом начались неприятности – и Верховенский от греха удрал в провинцию. Где и жил, пользуясь репутацией «диссидента», убежденный, что за ним неусыпно следят тогдашние спецслужбы. Само собой, Степан Трофимович обожает поговорить о свободе, поругать власти, холит и лелеет свое положение пострадавшего за высокие идеалы, а также водится с разнообразной фрондирующей молодежью. Правда, когда в округе появляются революционные листовки, со всех ног бежит к губернатору и уверяет, что он тут ни при чем. Один раз у него даже обыск устраивают!

Все это не мешает ему жить, по сути, на положении приживала у богатой генеральши, вкусно есть, много пить и играть в карты – и проматывать порученное опеке наследство, которое его жена оставила сыну. Не забывая при этом причитать по поводу судьбы несчастного мальчика – хотя именно Степан Трофимович сплавил сынка к каким-то дальним родственникам... Этот герой чудовищно фальшив – прежде всего сам перед собой. Но сам этого, разумеется, не понимает, считая себя чрезвычайно порядочным и свободомыслящим человеком.

Генеральшу, которая его содержит, он в душе презирает за «неразвитость». Она же, будучи умной женщиной, знает цену своему «ученому», но все-таки терпит, поскольку его присутствие поднимает ее престиж в обществе. Не забывая время от времени ставить Степана Трофимовича на место...

Я прекрасно представляю, как Верховенский-старший, случись в те времена «гласность», с пеной на губах рассказывал бы о своей героической борьбе с системой.

Высокое искусство маневра

Безусловным литературным лидером того времени является писатель Василий Аксенов. Но о нем рассказ будет дальше. А особенности творческой психологии этих литераторов лучше всего понятны на примере тех, кого позже стали называть «стадионными поэтами» – Андрея Вознесенского, Евгения

Евтушенко, Роберта Рождественского и примкнувшей к ним Беллы Ахмадулиной. Их взлет был связан еще с одной особенностью – появлением «золотой молодежи». Речь идет о детях «больших товарищей», которые, пользуясь тем, что после Сталина никто не глядел зорким глазом за жизнью и бытом партийных работников и их семей, стали жить в свое удовольствие. Дружить с поэтами было тогда престижно – как сегодня с попсовыми звездами. Так что для известных в кругу студентов Литературного института Роберта Рождественского и Евгения Евтушенко открылась дверь в высшее общество. Там же оказался и архитектор Андрей Вознесенский.

Стихи они писали, безусловно, талантливые. Вознесенский поражал запредельным для Советского Союза модернизмом. И это ничего, что порой его вещи были, мягко говоря, невнятными. Для авангарда это только плюс. Гораздо ближе народу оказался Евтушенко. Он, что называется, рубил правду-матку. Одним из самых известных его стихотворений было «Наследники Сталина», в котором излагалась мысль: не всех мы еще сталинистов вытащили на белый свет… Читателям это показалось очень крутым. Хотя, как уже упоминалось, «наверху» не прекращалась грызня – в очередной раз, к примеру, под раздачу подал и легендарный полководец Победы маршал Жуков, который участвовал в свержении Берии, но потом от такого союзника Хрущев предпочел избавиться. Так что стихотворение звучало очень к месту.

Эта особенность – писать «и вашим, и нашим» – стала отличительной чертой данных поэтов. Они загибали что-нибудь крутое, чтобы публика рот разинула от их смелости, а потом, дабы дяденьки из идеологических структур не гневались, выдавали нечто в официозном духе. Получалось неплохо. С одной стороны, «стадионные поэты» имели славу бесстрашных парней, которым сам черт не брат. С другой – для властей всегда имелось оправдание: да мы же свои…

Идея оказалась удачной. Единственной серьезной неприятностью, постигшей, к примеру, Андрея Вознесенского, был крупный разговор с Хрущевым, во время которого первый человек страны на поэта наорал. Об этом отмечено во всех биографиях Вознесенского, хотя никаких особых последствий для поэта этот инцидент не повлек. Вообще, как говорят злые языки, «стадионные поэты» все это время играли роль «выездных модернистов», демонстрирующих наличие свободы творчества в СССР.

Но все равно до некоторого времени они продолжали писать здорово. С другими их собратьями по литературе вышло хуже.

* * *

...Они себя называют «детьми XX съезда». Последнее верно – в том смысле, что эти авторы сформировались, когда из лагерей вернулась уцелевшая ленинская гвардия и стала кричать о том, как их, таких хороших и невинных, ни за что посадил товарищ Сталин. Эти писатели полагали, что являются сторонниками свободы и прочих общечеловеческих ценностей – но как только возникала угроза благополучию, с достоинством уходили в кусты. Соответственно, чем более накатывалось безвременье – тем больше требовалось отступать. Именно это поколение породило уже упоминавшееся понятие «не пойдет». И дело тут не только в гипотетических неприятностях с идеологической цензурой, а в простом соображении – «пряников сладких всегда не хватает на всех». Ведь для либералов, как известно, главная ценность – это человек. И каждый из них точно знает этого человека – которого видит в зеркале.

Можно привести аналогию из другого жанра. В конце шестидесятых стала зарождаться отечественная рок-музыка. Сначала все шло хорошо – а потом ее стали давить. Кампанию начали отнюдь не коммунистические идеологи. Точнее, их подтолкнули на это дяденьки из Союза композиторов. Тоже «дети XX съезда». Почувствовали опасных конкурентов.

* * *

Невероятного умения служить «и нашим, и вашим» достиг «поэт, писатель и драматург» Евгений Евтушенко, которого некоторые до сих считают чуть ли не героическим борцом против советской власти.

В записке, адресованной ЦК КПСС, председатель КГБ Юрий Андропов пишет:

«Евтушенко в обход существующих правил устанавливает связи с зарубежными издателями. Об этом, в частности, свидетельствует письмо, направленное им в августе 1968 года в Рим Жерардо Кассини, в котором Евтушенко предлагает издать сборник своих стихотворений. Обращаясь к издателю, он указывает: «Когда книга выйдет в Италии, я могу приехать туда и выступить в больших аудиториях с целью рекламы книги. Италия – единственная страна, где я еще не имею постоянного издателя. Если мы издадим эту книгу – будем большими друзьями... Сообщите мне о количестве денег, которые я мог бы получить в качестве аванса».

А вот слезница самого поэта, направленная Леониду Брежневу:

«Обращаюсь к Вам не только как к Генеральному Секретарю нашей Партии, но и как к человеку, который – как я это знаю – любит стихи. Я понимаю, что Вы очень заняты – особенно в это напряженное время, – но тем не менее вынужден к Вам обратиться в связи с тяжелейшей жизненной ситуацией, в какой я оказался. Я работаю в поэзии уже почти двадцать лет. За это время я выпустил более десятка книг, не раз защищал честь советской литературы за рубежом нашей Родины, был спецкором «Правды», являюсь членом редколлегии журнала «Юность», членом Советского Комитета Защиты Мира, удостоен высокой правительственной награды. На мои стихи создано много песен, получивших признание народа, среди них: «Хотят ли русские войны», «Пока убийцы ходят по земле», «Вальс о вальсе», «Бежит река», «Не спеши», «А снег идет», «Коммунары не будут рабами», «Идут белые снеги» и другие. На мои стихи композитором Д. Шостаковичем написаны 13-я симфония и поэма для хора «Казнь Степана Разина», удостоенная Государственной премии. Стихи мои переводились более чем на шестьдесят языков. И, положа руку на сердце, я с чистой совестью могу сказать, что кое-что я сделал для нашей Родины. Я встречал и встречаю самое теплое отношение к моей работе со стороны моих многочисленных читателей – рабочих, колхозников, студенчества, интеллигенции. Однако есть люди, которые упрямо не желают объективно оценить мой труд и мешают мне работать на благо народа. Эти люди, цепляясь за частности, пытаются зачеркнуть мое творчество вообще и искусственно создают вокруг меня чуждый мне ореол «опальности»...»

И какие это были тяжелейшие обстоятельства? На Колыму собирались послать? Да нет. Куда-то не послали за государственный счет за границу – в очередной раз болтать о мире во всем мире. Или, может, чего-то недоплатили...

Между прочим, любовь к свободе не мешала «шестидесятникам» писать доносы на тех, чьи взгляды им не нравились. К примеру, на Валентина Пикуля, которого люто ненавидели за его национал-патриотические взгляды, усугубленные невероятным успехом его романов. Скандал случился после выхода романа «У последней черты» (в полном виде, изданном после перестройки – «Нечистая сила»), рассказывающего о Распутине и его роли в крахе Российской империи. Главная мысль романа проста, как штопор: в гибели старой России виноваты евреи и прочие масоны. Идея, скажем так, весьма спорная. Но, в конце-то концов, писатель думал так.

Кстати, кумир диссидентствующей публики, Александр Солженицын, придерживался подобного мнения. Но либералы считали и считают, что мнение имеет право на существование, только если это их мнение.

Кстати, Пикуль, в отличие от тех же Вознесенского и Евтушенко, никогда не входил в литературный истеблишмент. Так что его роман был чисто литературным явлением. Казалось бы, если тебе не нравится, последуй примеру Маяковского – борись с литературой литературными способами. Напиши свой роман – лучше. Так ведь нет! В ход пошло старое испытанное оружие советских писателей – доносы. Пикуля обвинили в том, что он в своем романе не показал ни большевиков, ни Ленина. Словом, либералы ему поставили в вину именно отход от коммунистической ортодоксии. В результате отдельной книгой роман вышел только в новое время.

Конечно, борьбой с Пикулем занимались не мэтры, а те, кто двигался у них в кильватере. «Шестидесятники» на удивление быстро создали собственную литературную мафию. Впрочем, лучше всего о том, как они относились к тем, кто думает не так, как они, показала перестройка. Я не буду в сотый раз упоминать про те горы вранья, которые были опубликованы в «Огоньке» под началом «шестидесятника» Виктора Коротича. Стоит вспомнить о том, как с помощью того же Евтушенко был на ровном месте раскручен миф о страшном обществе «Память», колонны боевиков которого готовы перебить всех демократов. Это было вранье от первого до последнего слова – потому что общество «Память» объединяло несколько десятков съехавших на антисемитизме интеллигентов и не совершило ни одного не то что погрома, но и даже мелкого хулиганства. Но с талантливо испуганными глазами «шестидесятники», ратовавшие за свободу слова, кричали караул и звали милиционеров.

Стоит рассказать, как это делалось. В 1991 году чуть ли не все СМИ визжали о «погроме», который устроили боевики «Памяти» на заседании демократической писательской организации «Апрель». Между тем, со слов Булата Окуджавы, дело было так. На собрание «Апреля» завалился пьяный писатель национал-патриотической ориентации, который высказался насчет национальной принадлежности присутствующих. Окуджава, как фронтовик, полез бить ему морду. Но схватка не состоялась, противоборствующие стороны растащили. Вот и ВСЕ! Потом стали кричать о погроме, но никаких доказательств – следов побоев или каких-то разрушений, представлено не было.

Еще один похожий случай был в печати. Евгений Евтушенко, описывая один из митингов «Памяти», написал, что увидел взгляд

присутствовавшего там ребенка, видимо, сына одного из националистов, и ему стало страшно. Не знаю, может, кто-то и проникся такой высокодуховной риторикой, но я и мои друзья валялись от смеха. Надо же! Испугался шестилетнего мальчика! Потому что мы в то время тоже не слишком любили советскую власть, но не боялись уже ничего.

Впрочем, по обычаю писателей эти люди защищали исключительно свою свободу высказывать те или иные идеи.

Иосиф Бродский. Богемная история

Об этом поэте написано и сказано столько, что можно лопатой выгребать. После получения им в 1987 году Нобелевской премии его старые друзья никак не дают о нем забыть. Конкуренцию Бродскому в этом смысле составляет только Сергей Довлатов. Но все-таки стоит упомянуть об этом безусловно крупном поэте.

Питерский период жизни Иосифа Бродского иллюстрирует, так сказать, другую сторону богемы. Не тех, кто, подобно «эстрадным поэтам», жил широко, обильно печатался и получал много. А тех, кто печатался редко – или никогда – и всегда имел не слишком много денег, но при этом является широко известным литератором в узких кругах. Это две стороны одной медали – и при чем тут общественный строй? Иногда приходится слышать, что первый вариант – московский, столичный, а второй – питерский. На самом деле люди «второго варианта» были и в Москве. Например, Леонид Губанов или Венедикт Ерофеев. Правда, представляющие более позднее поколение. Другое дело, что в столице всегда больше возможностей, а в Питере больше снобизма, сознания «мы бедные, зато гордые». Но в любом случае – из питерских литераторов того времени более всего стали известны представители именно «неприкаянной богемы» – Бродский и Довлатов.

Иосиф Бродский начал активную литературную жизнь с «благословения» Анны Ахматовой. На этом стоит остановиться. Подобные «благословения» играют – и не только в России – важную роль в литературных карьерах. Особенно у поэтов. Видимо, потому, что поэзия, как полагают ученые, происходит от магических заклинаний, а потому в ней сохранилось многое от колдовства. Еще Пушкин говорил: «Старик Державин нас заметил и, в гроб сходя, благословил». Подобным образом благословляли многих. Речь тут идет не о том, что мэтр похвалил, познакомил с нужными людьми, замолвил веское слово. Тут все сложнее. Что-то в этом есть от суфийской традиции ученик – учитель. Мастер

«благословляет» способного новичка – и как бы передает ему эстафетную палочку. То есть помогать можно многим. К примеру, Максим Горький, добрая душа, помог множеству молодых писателей. А вот «наследник» должен быть один. В поэтической среде к этому относятся с большой серьезностью. Недаром Андрей Вознесенский не уставал намекать, что стал преемником Бориса Пастернака. И это бы ладно. Но я видел, как поэт, пожалуй, более талантливый (хоть и не столь удачливый, но тоже не «подпольный»), чем Вознесенский, с искренней яростью это опровергал. Имя я его не называю, потому что считаю его своим учителем. А уж про учителя злословить – последнее дело.

Ну а если говорить цинично, главное – чтобы в это благословление поверили окружающие.

Так или иначе, Бродский стал вроде как духовным наследником Анны Ахматовой[42]. Как я уже упоминал, Анна Андреевна находилась в «духовной оппозиции» к советской власти. Или, если хотите, во «внутренней эмиграции». Хотя этот термин появился гораздо позже. В случае с Бродским правильнее скорее второе определение. Как метко заметил Довлатов, Бродский советскую власть просто не замечал. В упор не видел.

Это не значит, что Бродский сознательно устранялся от попыток войти в большую литературу. Нет, он состоял в молодежной поэтической группе при питерском Союзе писателей, что-то переводил и напечатал, кажется, два стихотворения в сборнике «Поэтический Ленинград». Но каких-то активных попыток прорваться в мир больших тиражей и широкой известности не предпринимал. Возможно, просто от вялости характера. Как отмечает Виктор Топоров, Бродский и его окружение были компанией «книжных мальчиков». Бывает. Талант – он не разбирает. Он порой достается такому бойцу, как Гумилев, а иногда и не такому...

Образ жизни Бродского его апологеты называют «свободным». Можно сказать и так. А можно и по-другому. Жил как получалось. Обычное дело, особенно для того специфического круга.

И все бы хорошо, но над головой поэта сгустились тучи. В газете «Вечерний Ленинград» появилась статья, где своеобразный образ жизни Бродского живописался яркими красками. Считается, что это власть дала команду для травли поэта. Может, оно и так. А может, и нет. Я по профессии журналист и знаю – ради острой статьи мои коллеги никого не пожалеют. И представляю, как все происходит. В те времена журналисты тоже не только выполняли партийные задания, но и охотились за крутыми материалами. Возможно, кто-то из сотоварищей Бродского по той же молодежной писательской группе, движимый вульгарной

завистью, подкинул газетчикам тему. В общем, накатали статью. По тем временам на публикацию нужно было отреагировать. Вот и отреагировали: замутили судебное дело по обвинению в тунеядстве. 13 февраля 1964 года поэт был арестован.

Процесс был с юридической точки зрения весьма сомнительным. Но все-таки Бродского осудили – отправили не на зону, а влепили пять лет ссылки. Над этим любят стенать. А что? Пушкина два раза отправляли в ссылку вообще без всякого суда. Да и Бродского сослали всего-то в деревню Норинская Архангельской области. «Деревня находится километрах в тридцати от железной дороги, окружена болотистыми северными лесами» *(Я. Гордин)*. Бывают места и повеселее. Не Магадан все-таки. Да и в Магадане тоже, кстати, солнце светит. И люди там живут. Бывал, видал.

Вообще-то стенания на этот счет друзей Бродского очень характерны. Им-то, видимо, кажется, что нигде, кроме Питера, Москвы и Коктебеля, в нашей стране жизни нет. Описание визитов к ссыльному поэту очень напоминают изумление пятилетнего городского ребенка, которого впервые вывезли в деревню. «Мама, гляди, коровки живые! А это что, печка, да?»

Между тем Бродского послали не уран в шахте добывать. В деревне к нему отнеслись очень по-доброму. Когда оказалось, что ни к какому серьезному труду поэт не способен в принципе, Бродского поставили на «старушечью» работу – веять зерно. А потом и вовсе устроили на работу в местный Дом культуры. И что тут плохого для поэта? Появилась хоть возможность узнать, как живут люди, растящие хлеб, который ты ешь. А в свободное от работы время – кто мешает бродить по капустным и картофельным полям и сочинять стихи?

К чести Бродского, он так случившееся и оценил. На вопрос американского корреспондента об этом времени поэт ответил:

«Вы знаете, я думаю, это даже пошло мне на пользу, потому что те два года, которые я провел в деревне, – самое лучшее время моей жизни. Я работал тогда больше, чем когда бы то ни было. Днем мне приходилось выполнять физическую работу, но, поскольку это был труд в сельском хозяйстве, а не работа на заводе, существовало много периодов отдыха, когда делать нам было нечего».

В продолжение всей своей дальнейшей жизни он не пытался делать из своей ссылки трагедию и вообще всячески избегал спекуляций на эту тему.

Друзья навещали Бродского когда хотели. Кроме того, поэт отметился в местной многотиражке «Призыв», напечатав там свое стихотворение. Тем временем зашевелилась западная

общественность. Если наших писательских кураторов из органов называли литературоведами в штатском, западных радетелей о гонимых российских литераторах можно назвать славистами из Лэнгли[43]. Они погнали волну – и в результате в 1965 году Верховный суд РСФСР сократил срок Бродского до фактически отбытого и отпустил его с Богом.

А дальше? Не было ничего особо интересного. Пошла та же богемная жизнь. У Бродского была возможность опубликоваться – но тут он пошел на принцип. По одним сведениям, требовал включить в сборник стихов «Зимняя почта» свои длинные поэмы, по другим – отказался исправить несколько строчек. Зато в том же году выходит его книга в США. Начинается жизнь «опального поэта», к которой впоследствии будут многие стремиться. Это когда ты в родной стране никто, но вокруг тебя бегают иностранные журналисты. Опять же – из Лэнгли.

Так или иначе, в 1972 году Иосиф Бродский без особого шума перебрался за океан. И там все было спокойно. Поэт и в США не лез в политику, а жил себе тихо, довольствуясь известностью среди славистов и представителей русской эмиграции. Но в 1987 году ему дали Нобелевскую премию по литературе. В это время у нас уже была гласность. И вот постаревшие друзья Бродского бросились его раскручивать. Шум стоял страшный. Только кончился он ничем. Почему? Читатель может меня спросить: а почему я, изложив биографию поэта, ничего не сказал о его стихах? А потому, что мне они неинтересны. Нет, по-моему, это вполне добротные стихи. Но мне от них ни жарко ни холодно. Может, я не прав, но давайте выстроим триаду: Мандельштам-Пастернак – Бродский. Если кто-то думает, что сейчас начну говорить об их еврейской национальности, то ошибается. Она меня не волнует. Дело в другом. Они были «книжными мальчиками». Дело даже не в том, что они никак лично не участвовали в передрягах XX века. Маяковский и Есенин тоже не штурмовали Перекоп, не шли с белогвардейцами в Ледовый поход и не носились по степи на махновских тачанках. Но! Они пытались почувствовать эту страшную эпоху. А данные товарищи от реалий XX века самоустранились. Они, видите ли, не хотели ее видеть. Так что, по-моему, они могут быть интересны только тем, кто при звуках выстрелов прячет голову под подушку.

Как показал жестокий рынок, так думаю не только я. В самый пик раскрутки Бродского вышел трехтомник поэта. Первый том разошелся тиражом в двадцать тысяч. Второй – в пятнадцать. Третий – в десять. Это было еще в те времена, когда поэтические книги покупали. Но – не оказалось в России больше читателей Иосифа Бродского! Ну и слава богу. Они хоть его читают. На этом

историю о Бродском можно закончить. Перейдем к более интересным темам.

Александр Солженицын. Двусмысленный пророк

Жить не по лжи?

Я рассказал о двух способах литературного существования в шестидесятых – семидесятых годах. Но имелся и еще один. Он начался со второй «опальной» Нобелевской премии по литературе, которую получил Александр Солженицын.

Начнем, как обычно, с канонической истории. Александр Исаевич Солженицын вошел в литературу в 1962 году, напечатав в журнале «Новый мир» рассказ «Один день Ивана Денисовича», в котором рассказал о своих личных лагерных впечатлениях. Он был арестован на фронте в 1945 году и получил десять лет за создание контрреволюционной организации. В переписке со школьным другом Николаем Виткевичем он сильно ругал Сталина.

По некоторым сведениям, публикацию санкционировал сам Хрущев, у которого ее пробивал редактор журнала Александр Твардовский.

Критика приняла рассказ восторженно. И это понятно. «Один день Ивана Денисовича», даже если отвлечься от темы, – это произведение, по которому можно учиться русскому литературному языку. Буквально ни слова там не добавить, не убавить. Потом в том же журнале вышли еще несколько рассказов – в том числе не менее знаменитый «Матренин двор».

Казалось, все начинается хорошо. В 1964 году Солженицына даже выдвинули на Ленинскую премию. Но не сложилось. А если бы? Кто знает, кто знает. Чужая душа, тем более писательская – потемки. Ведь другой талантливый писатель, Юрий Бондарев, после публикации своей повести «Берег» имел очень крупные неприятности – слишком уж правдиво писал о войне. Но обошлось, и Бондарев стал уважаемым всеми – властями и читателями – писателем. Зато, правда, с началом перестройки угодил в опалу, потому что принципов своих менять не пожелал.

А вот у Солженицына началась черная полоса. Со времени, когда Хрущева «ушли», его и вовсе перестали печатать. И писатель уходит в крутую оппозицию. Он провозглашает знаменитый принцип «жить не по лжи»...

* * *

Но тут я закончу «житийное» изложение биографии писателя. Дело в том, что есть кое-какие факты, которые в «классическую» версию ну никак не лезут.

«Я не желаю, чтобы имя моего отца упоминалось рядом с именем подонка Солженицына!» – заявил сын Николая Виткевича, того самого, кому писал письма Александр Исаевич. Надо сказать, что Виткевич-младший имел все основания так говорить.

Вернемся назад, в лагерный период. За что посадили Солженицына? Считается, что за письма школьному другу. Но адресат писем, тоже севший, вспоминает дело несколько иначе. По словам Виткевича, следователь показал ему собственноручно написанные показания.

«Смысл показаний моего давнего друга сводился к тому, что Виткевич, Симонян[44], Решетовская[45] по сговору с каким-то Власовым сколотили преступную группу, которая давно и регулярно занимается клеветой на руководителей партии и правительства».

Упомянутый Симонян тоже видел эти показания – ему показал их следователь. По его словам, там будущий писатель утверждал: Симонян с детства внушал ему антисоветские взгляды. Кстати, Симоняна так и не посадили. А еще один «контрреволюционер», Власов, был и вовсе ни при чем. Как утверждала Наталья Решето вская, Солженицын до кучи пристегнул к антисоветчикам случайного попутчика, с которым познакомился в поезде. Как это называется? Сдал всех, до кого смог дотянуться.

Вообще, дело его вызывает очень много вопросов. Странное оно какое-то. Но это все мелочи. Еще в семидесятых годах работники КГБ дали возможность журналисту, криминологу по основной профессии, Франку Арнау познакомиться кое с какими документами. И даже снять копии. Так вот, Арнау утверждал, что будущий нобелевский лауреат дал в лагере подписку о сотрудничестве с «кумчастью». И не просто дал дописку. По утверждениям того же Арнау, сигнал Солженицына позволил предотвратить в 1952 году готовящееся восстание украинских националистов в лагере в Экибастузе (Казахстан). Все перечисленные в сообщении люди были расстреляны. А Солженицына положили в лазарет и вскоре перевели в другой лагерь. Арнау, будучи криминологом, провел всесторонний анализ текста доноса – и полагает авторство Солженицына доказанным.

Человек мог сломаться в лагере – и пойти в «суки», чтобы облегчить себе жизнь. Он мог пойти на это и из идейных соображений – к украинским националистам, то есть

бандеровцам, отношение и среди зэков было разное. Но! Вставать после этого в позу морального судьи всех и вся, призывать «жить не по лжи» – как-то не с руки...

Главное – побольше шума!

Конечно, можно просто отмахнуться от этих свидетельств и в старом добром стиле советской интеллигенции заявить, что все это – провокация КГБ. Но давайте посмотрим на «раскрутку» Солженицына в качестве врага советской власти взглядом, не замутненным слезами умиления.

В 1967 году Солженицын направил Съезду писателей открытое письмо:

«Отличные рукописи молодых авторов, еще никому не известных имен, получают сегодня из редакций отказы лишь потому, что они «не пройдут». Многие члены Союза и даже делегаты этого Съезда знают, как они сами не устаивали перед цензурным давлением и уступали в структуре и замысле своих книг, заменяли в них главы, страницы, абзацы, фразы, снабжали их блеклыми названиями, чтобы только увидеть их в печати, и тем непоправимо искажали их содержание и свой творческий метод. По понятному свойству литературы все эти искажения губительны для талантливых произведений и совсем нечувствительны для бездарных. Именно лучшая часть нашей литературы появляется на свет в искаженном виде.

<...>

Наша литература утратила то ведущее мировое положение, которое она занимала в конце прошлого и в начале нынешнего века, и тот блеск эксперимента, которым она отличалась в 20-е годы. Всему миру литературная жизнь нашей страны представляется сегодня неизмеримо бедней, площе и ниже, чем она есть на самом деле, чем она проявила бы себя, если б ее не ограничивали и не замыкали. От этого проигрывает и наша страна в мировом общественном мнении, проигрывает и мировая литература: располагай она всеми нестесненными плодами нашей литературы, углубись она нашим духовным опытом – все мировое художественное развитие пошло бы иначе, чем идет, приобрело бы новую устойчивость, взошло бы даже на новую художественную ступень.

Я предлагаю Съезду принять требование и добиться упразднения всякой – явной или скрытой – цензуры над художественными произведениями, освободить издательства от повинности получать разрешение на каждый печатный лист».

В заключение следует перечень собственных «болей, бед и

обид» – что не опубликовали, что запретили...

«Мой роман «В круге первом» (35 авт. листов) скоро два года как отнят у меня государственной безопасностью, и этим задерживается его редакционное движение. Напротив, еще при моей жизни, вопреки моей воле и даже без моего ведома, этот роман «издан» противоестественным «закрытым» изданием для чтения в избранном неназываемом кругу. Добиться публичного чтения, открытого обсуждения романа, отвратить злоупотребления и плагиат я не в силах. Мой роман показывают литературным чиновникам, от большинства же писателей прячут».

* * *

Трудно поверить, чтобы умный человек, не новичок в писательском деле, всерьез рассчитывал на какой-либо положительный эффект от такого послания. На крик души типа «не могу молчать» тоже не похоже. Человек, имевший дело с зоной, не станет нарываться на пустом месте. Да и фронтовик не станет лезть под танк без гранаты. К тому же лексика письма (полностью оно приведено в Приложении) явно рассчитана на западное общественное мнение. Как хотите, но создается впечатление: это письмо – попытка поднять шум вокруг себя. Более того, подобные вещи не делаются на пустом месте. Как-то так случалось: только советский писатель начинал бунтовать, рядом неизменно оказывались заботливые слависты из Лэнгли.

Тем более что буквально тут же романы «В круге первом» и «Раковый корпус» оказываются на Западе, где и публикуются. Считается, что Солженицын разрешение на их публикацию не давал. Но только рукописи – не перелетные птицы и сами через границу не перемещаются. Писатель заявил, что власти сами способствовали вывозу рукописей из страны, чтобы дать повод для его ареста. Вот в это уже не верится совсем. Больно изощренная провокация получается. Да и зачем такие сложности?

Но что самое главное – через год Александр Солженицын получил Нобелевскую премию «за нравственную силу, почерпнутую в традиции великой русской литературы». В отличие от Пастернака он был конкретен – заявил, что намерен получать «лично, в установленный день».

Вот теперь КГБ и в самом деле берется за писателя и конфискует рукопись романа «Архипелаг ГУЛАГ». А в печати (западной, разумеется) появляются произведения, на которых стоит остановиться, – «Письмо вождям Советского Союза» и

«Великопостное письмо» патриарху Пимену. Смысл первого послания такой: отрекитесь, Христа ради, от марксистской идеологии, плюньте на Европу, на Китай и идите осваивать Северо-Восток.

Читая письмо сегодня, убеждаешься, что писатель видел мир, мягко говоря, слегка искаженно. Вернее, так, как это ему хотелось. Так, Солженицын был уверен, что в ближайшем будущем обязательно случится война с Китаем – из-за идейных разногласий.

«Война же обыкновенная будет самой длительной и самой кровавой из всех войн человечества. Уж по крайней мере подобно вьетнамской (с которой будет схожа во многом) она никак не будет короче 10 – 15 лет и разыграется, кстати, почти по тем нотам, которые написал Амальрик, посланный за это на уничтожение, вместо того чтобы пригласить его в близкие эксперты. Если в 1-й мировой войне Россия потеряла до полутора миллионов человек, а во 2-й (по данным Хрущева) – 20 миллионов, то война с Китаем никак не обойдется нам дешевле 60 миллионов голов – и, как всегда в войнах, лучших голов, все лучшие, нравственно высшие, обязательно погибают там. Если говорить о русском народе – будет истреблен последний наш корень, произведется последнее из истреблений его, начатых в XVII веке уничтожением старообрядцев, потом – Петром, потом – неоднократно, о чем тоже не буду в этом письме, а теперь – уже окончательное. После этой войны русский народ практически перестанет существовать на планете. И уже только это одно будет означать полный проигрыш той войны, независимо ото всех остальных ее исходов (во многом безрадостных, в том числе и для вашей власти, как вы понимаете). Разрывается сердце: представить, как наша молодежь и весь лучший средний возраст пошагает и поколесит погибать в войне, да какой? – ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ, за что? – главным образом за мертвую идеологию. Я думаю, даже и вы не способны взять на себя такую ужасную ответственность!»

Будто какая-то война в мире начиналась из-за идейных споров. Писатель полагает, что только СССР – единственное агрессивное государство, а США – белые и пушистые.

«Никакой самый оголтелый патриотический предсказатель не осмелился бы ни после Крымской войны, ни, ближе того, после японской, ни в 1916-м, ни в 21-м, ни в 31-м, ни в 41-м годах даже заикнуться выстроить такую заносчивую перспективу: что вот уже близится и совсем недалеко время, когда все вместе великие европейские державы перестанут существовать как серьезная физическая сила; что их руководители будут идти на любые

уступки за одну лишь благосклонность руководителей будущей России и даже соревноваться за эту благосклонность, лишь бы только русская пресса перестала их бранить: и что они ослабнут так, не проиграв ни единой войны, что страны, объявившие себя «нейтральными», будут искать всякую возможность угодить и подыграть нам; что вечная греза о проливах, не осуществясь, станет, однако, и не нужна – так далеко шагнет Россия в Средиземное море и в океаны; что боязнь экономических убытков и лишних административных хлопот будет аргументами против российского распространения на Запад; и даже величайшая заокеанская держава, вышедшая из двух мировых войн могучим победителем, лидером человечества и кормильцем его, вдруг проиграет войну с отдаленной маленькой азиатской страной, проявит внутреннее несогласие и духовную слабость».

Ну и так далее. Хотя к Западу Солженицын ни тогда, не после не питал большой любви, но он полагал: СССР опасен из-за того, что в нем пустила корни ушедшая с Запада марксистская идеология. Она во всем виновата! А вот как он видит ближайшее будущее человечества.

* * *

Второе письмо... По сути, Солженицын упрекает главу православной церкви в трусости, в том, что служители Церкви не бросаются очертя голову на борьбу с советской властью...

«Почему, придя в церковь крестить сына, я должен предъявить паспорт? Для каких канонических надобностей нуждается Московская Патриархия в регистрации крестящихся душ? Еще удивляться надо силе духа родителей, из глубины веков унаследованному неясному душевному сопротивлению, с которым они проходят доносительскую эту регистрацию, потом подвергаясь преследованию по работе или публичному высмеиванию от невежд. Но на том иссякает настойчивость, на крещенье младенцев обычно кончается все приобщение детей к Церкви, последующие пути воспитания в вере глухо закрыты для них, закрыт доступ к участию в церковной службе, иногда и к причастию, а то и к их присутствию. Мы обкрадываем наших детей, лишая их неповторимого, чисто-ангельского восприятия богослужения, которого в зрелом возрасте уже не наверстать, и даже не узнать, что потеряно.

Перешиблено право продолжать веру отцов, право родителей воспитывать детей в собственном миропонимании, – а вы, церковные иерархи, смирились с этим и способствуете этому,

находя достоверный признак свободы вероисповедания в том. В том, что мы должны отдать детей беззащитными не в нейтральные руки, но в удел атеистической пропаганде, самой примитивной и недобросовестной. В том, что отрочеству, вырванному из христианства, – только бы не заразились им! – для нравственного воспитания оставлено ущелье между блокнотом агитатора и уголовным кодексом.

<…>

Святейший Владыко! Не пренебрегите вовсе моим недостойным возгласом. Может быть, не всякие семь лет Вашего слуха достигнет и такой. Не дайте нам предположить, не заставьте думать, что для архипастырей Русской Церкви земная власть выше небесной, земная ответственность – страшнее ответственности перед Богом.

Ни перед людьми, ни тем более на молитве не слукавим, что внешние путы сильнее нашего духа. Не легче было и при зарождении христианства, однако оно выстояло и расцвело. И указало путь – жертву. Лишенный всяких материальных сил – в жертве всегда одерживает победу. И такое же мученичество, достойное первых веков, приняли многие наши священники и единоверцы на нашей живой памяти. Но тогда – бросали львам, сегодня же можно потерять только благополучие.

В эти дни, коленно опускаясь перед Крестом, вынесенным на середину храма, спросите Господа: какова же иная цель Вашего служения в народе, почти утерявшем и дух христианства, и христианский облик?»

Я – человек неверующий и, возможно, чего-то не понимаю. Но, на мой непросвещенный взгляд, так может писать лишь человек, свято убежденный в своей чуть ли не ангельской моральной чистоте, в праве поучать всех и вся. Автор письма предлагает служителям Церкви героически лечь под каток. Я показывал это произведение верующим, которые посещали церковь и в советские времена. Одна из них сказала: «Если бы я увидела подобный текст в то время, решила бы, что это провокация».

И ведь что забавно? Такое письмо может быть интересно прежде всего посторонним Церкви людям. А если точнее… Ну конечно. «Лауреат Нобелевской премии выступил в защиту свободы совести в СССР». Опять-таки – прекрасный заголовок для западных газет.

Игра, конечно, рискованная. Но не настолько, как может показаться. 1972 год – уже не то время, когда нобелевского лауреата могли отправить за решетку. Но это была только разминка. Главный удар последовал позже.

Главная книга

В 1973 году в Париже всплывает самое знаменитое произведение Солженицына – «Архипелаг ГУЛАГ».

С точки зрения литературы это шедевр. Одна беда: «Архипелаг ГУЛАГ» – произведение, претендующее на документальность. На правду. А в этом смысле дело обстоит – хуже некуда. С достоверностью книга и рядом не лежала. Это выясняется даже при самом поверхностном обращении к фактам. Нагромождение ужасов по большей части не соответствует действительности. Весь «Архипелаг» состоит из натяжек, передержек и подтасовок. То есть имеются там реальные человеческие истории, возможно, и правдивые. Впрочем, и это не факт. Рассказы очевидцев – тем более лагерные рассказы и легенды – дело такое...

Вот как оценивает произведение в своих «Воспоминаниях» Л.А. Самутин, тоже изрядно посидевший, которого уж явно не отнесешь к любителям Сталина.

«Спустя четверть века, листая рукопись «Архипелага», я снова увижу описание «пыточного следствия», да еще в тех же самых словах и красках, которые помнятся мне еще с того, немецко-военного времени. Это картины, сошедшие почти в неизменном виде с гитлеровских газетных статей и страниц пропагандистских брошюр. Теперь они заняли десятки страниц «Архипелага», книги, которая претендует на исключительность, объективность и безупречность информации.

<...>

Из-за водянистости, отсутствия строгой организации материала и умения автора затуманивать сознание читателя, играя на его чувствах, при первом чтении проскакивает как-то незамеченным одно очевидное несоответствие. Красочно и драматично рисуя картины «пыточного следствия» над другими, дошедшие до Солженицына в пересказах, он затем на доброй сотне страниц будет рассказывать не столько о самом себе в роли подследственного, сколько о том, в какой обстановке протекала жизнь в следственной тюрьме: как заключенные читали книги, играли в шахматы, вели исторические, философские и литературные диспуты. И как-то не сразу придет мне в голову несоответствие картин фантастических пыток с воспоминаниями самого автора о его благополучном пребывании в камере.

<...>

Общие рассуждения о следствиях вообще, о которых знал из пятых или десятых рук автор, внимания не заслуживают. Описания камерного быта были бы интересны, не топи автор

читателя в болотах невыносимых длиннот и скучных подробностях. Да и прямого отношения к делу они не имеют. И так ясно: сухо, тепло, белье даже. Правда, вот библиотекарша неумело пользуется косметикой. Но тут, как говорится, «мне бы ваши заботы...».

* * *

Попытки обобщений не лезут ни в какие ворота. Так, говоря о Колыме, Солженицын упоминает о сотнях тысяч заключенных, обитавших в тамошних лагерях в 1937 году. Но согласно документам, их в тот год было 70 414 человек. Цифры – из архивов НКВД. В этой структуре во внутренних документах не врали НИКОГДА. За вранье ставили к стенке без вопросов. Да и для того, чтобы перевезти на Колыму указанное Солженицыным количество зэков, не хватило бы никаких пароходов. (Железной дороги туда до сих пор нет. Нормальную автомобильную трассу открыли только недавно.) Максимальное же количество заключенных на Колыме было в 1952 году – 199 726 человек.

И так у Александра Исаевича во всем. Другое дело, повторюсь, написано-то сильно. Напор автора увлекает – и не дает заметить нестыковки. Так, Солженицын, описывая этап, сначала говорит, что все ценные вещи отбирают при шмоне перед посадкой. Потом – что их отбирает конвой и блатные. А в Магадане этап снова оказывается в «кожаных пальто и дорогих костюмах», с деньгами и ценными вещами. Хотя из предыдущих страниц следует, что у них уже отобрали чуть ли не все.

Чтобы лучше продемонстрировать, как трансформируется действительность в литературном пересказе, я обращусь к творчеству другого писателя, прославившегося лагерной тематикой, – Варламу Шаламову. А точнее – к его рассказу «Последний бой майора Пугачева». По нему недавно еще фильм поставили. Напомню сюжет. Майор Пугачев, фронтовик, попадает в плен к немцам, а после конечно же прямиком на Колыму. Там, осознав, что в лагере все равно не выжить, он подбивает группы таких же, как он, фронтовиков на побег. Они захватывают оружие, немножко мочат охрану и уходят в тайгу. Их настигает погоня – и они погибают свободными и с оружием в руках... Красиво.

На самом деле был на Колыме такой случай, и там в самом деле засветился майор Пугачев. Да только вот на самом-то деле из двенадцати бежавших семеро были власовцами, пятеро – полицаями, добровольно перешедшими на службу к немцам, и только один – бывший морской офицер, посаженный, кстати, не

за политику, а за убийство милиционера при отягчающих обстоятельствах, а до войны имевший еще две судимости по «уголовке». Милая такая компания. Кстати, после побега ворота лагеря остались открытыми, но остальные зэки почему-то в тайгу не двинули. А ведь Варлам Шаламов тоже считается чуть ли не самым достоверным описателем колымских лагерей. И возникает вопрос: а что он еще добавил для большей эффектности? И что присочинили другие авторы?

* * *

Честно говоря, я очень жалею, что в случае с «Архипелагом» КГБ плохо сработал – и эта рукопись не исчезла в комитетских архивах. Слишком много породила она зла для России, которую Солженицын безусловно любит...

Теперь Комитету больше ничего не оставалось сделать, как арестовать Солженицына и выслать его в ФРГ. Разумеется, там он быстро сделался русским писателем номер один. И до сих пор является самым известным – по крайней мере, из авторов XX века.

Непонятая звезда

Да только вот вышла незадача. Дело-то в том, что из следующих книг Солженицына – в частности, «Красного колеса» – выяснилось, что Александр Исаевич по взглядам отнюдь не западник. А наоборот – скорее православный национал-патриот, который именно с этой точки зрения ненавидит коммунистов. Это видно, кстати, и из «Архипелага».

«Будучи высланным из СССР в 1974 г., Солженицын на Западе, однако, повел себя совсем не так, как можно было бы ожидать от прозападного либерала, а выступил с позиций русского национализма против разлагающеюся Запада и особенно против «образованщины». Т. е. как раз против либеральной прозападной интеллигенции, причем именно против ее политически ангажированного диссидентского крыла. Весьма ядовито и метко Солженицын охарактеризовал тот слой, который был социальной базой диссидентства и который через полтора десятилетия после высылки Солженицына стал еще и главной движущей силой демократического движения» *(А. Лебедев)*.

Мало того, «Красное колесо» можно смело назвать антисемитским произведением. Согласно ему, евреи если и не единственные виновники революции, то очень много сделали для ее победы. Для демократического Запада это выглядело диковато.

В этом нет никакого противоречия со всем, сказанным в предыдущей главке. Солженицын, судя по его сегодняшним текстам, ощущал и ощущает себя «главным инженером человеческих душ». Великим русским писателем. С теми самыми идеями. Почему было не воспользоваться шансом – получить на Западе высокую трибуну и начать вещать оттуда? Для достижения поставленной цели годятся любые средства. В том числе – слукавить, где надо, дабы внушить публике свои идеи.

Но тут в очередной раз подтвердилась истина: люди видят в книгах только то, что хотят видеть. А остальное оставляют за бортом. Вот и американские СМИ, усиленно «пиарящие» Солженицына, старались не замечать некоторых тонкостей его мировоззрения. Мол, «Архипелаг» – это истинная правда. А остальное – чудит мэтр, с кем не бывает. Главное – что против коммунистов.

Примерно так же воспринимала его книги и наша диссидентствующая публика. Про то, что СССР – исчадие ада, глотали. А что Запад – тоже не фонтан, пропускали. Но пророков не бывает наполовину. А раз так, то стоит признать – Солженицын большой писатель с большой фантазией. Не больше. Но и не меньше.

Ну а когда рухнул СССР и Солженицын высказал, что он обо всем этом думает – то горячие демократы как-то вообще поспешили забыть, что такой писатель живет на свете. Так что мне Александра Исаевича даже жалко.

* * *

Но с другой стороны – так было всегда. Вспомним хотя бы Федора Михайловича Достоевского. Из него выдирают с мясом все, что понравится. Как анекдот можно вспомнить фразу о «слезинке ребенка», которую очень любят цитировать прекраснодушные гуманисты. Все как-то забыли, что эти слова принадлежат не самому Достоевскому, а его герою, Ивану Карамазову, находящемуся в состоянии реактивного психоза. То есть, по-простому, сошедшего с ума. Это, знаете ли, большая разница. Потому что если слова героев произведений выдавать за собственные мысли автора, то можно смело писать что-нибудь вроде: «Как справедливо сказал Достоевский, «тварь я дрожащая или право имею?».

В случае с Солженицыным в очередной раз подтвердилась старая истина: писатель может, конечно, заметно повлиять на жизнь. Но он никогда не сможет знать – в какую сторону.

Игра на вылет

Хочу в Америку!

Судьба автора «Архипелага» многим подсказала перспективу литературной карьеры – создавать себе репутацию на Западе, публикуя там «разоблачительные» произведения об СССР. Сюда же подверстывался и Бродский, который тоже выехал с репутацией гонимого поэта. Желающих повторить этот способ отъезда за рубеж было полно.

Все, кто жил в застойные годы, помнят, что Запад тогда казался советским людям сказочным краем, где булки сами в рот падают. Ну и конечно же – свобода! Ввиду уже упомянутой особенности творческой психологии, советским писателям казалось: там будет у них та же самая лафа, что и тут, только вот писать можно будет все, что захочется. А что хотелось-то? Конечно, имелся Василий Аксенов, который чуть ли не всю жизнь млел от штатовской жизни. Имелись и другие, кому социализм стоял поперек горла. Или товарищи вроде Эдуарда Лимонова, литературная манера которых в СССР не могла существовать по определению. Но имелись и те, кто тут на писательской ниве не достиг особенных успехов просто потому, что не имел к этому делу способностей. Но им ведь казалось другое. Это тут «проклятые коммуняки» затирают. А там, в свободном мире, я развернусь. Там меня оценят. Всем казалось – их ждет такой же успех, как и Солженицына.

Но в любом случае для этого нужно было выехать. То есть выехать с 1970 года было трудно, но возможно. Евреев стали выпускать на историческую родину – правда, многие, заплутав по дороге, оказывались в США. Но по «еврейской теме» умудрялись выбираться и чистокровные славяне. Тогда родилась поговорка: «Жена-еврейка – это средство передвижения».

* * *

Но желательно было не просто так выехать, а со скандалом. Для того чтобы «там» сразу раскрутиться. Впрочем, скандальная слава позволяла улучшить свою жизнь и на родной стороне. Западные корреспонденты бегают вокруг, привозят фирменные вещи, которые можно выгодно продать. Денег подкидывают. Да и вообще – ты уже вроде как не простой человек. Тебя тут заберут на пятнадцать суток за пьяную драку – а на Западе завопят про

политические репрессии... В общем, игра имела смысл.

Тем более что советская литература стала оплотом стариков. Ветераны ССП стойко удерживали позиции – и попасть с Союз молодым становилось все труднее и труднее. Люди до сорока лет числились «молодыми писателями»! К тому же у маститых письменников подрастали дети – не на завод же им идти.

Да только вот беда. Слишком много стало умных, кто косил глазом на Запад. Читателей русской литературы там было в общем-то немного. Многие писатели подрабатывали на «вражьих голосах» – радиостанциях «Свобода» и «Голос Америки». Но ведь и у спецслужб, которые содержали эти самые радиостанции, бюджет был тоже не резиновый. Требовалось стать востребованным.

Кумир «шестидесятников»

В этом смысле очень показателен пример Василия Аксенова. Это был один из самых популярных писателей-«шестидесятников». Происхождение его, можно сказать, классическое – из семьи репрессированных представителей партийной элиты. Его мать, Евгения Гинзбург, известна своей «тюремной» книгой воспоминаний «Крутой маршрут». Любопытная, кстати, книга. Интереснее всего особенности психологии автора. Лидия Гинзбург воспринимает репрессии как должное – пока дело не дошло до нее лично. И только тогда начинается недоумение: а меня-то за что? А вот именно за это.

Василий Аксенов начал бурно – с произведений, исполненных неизбежной тогда слюнявой романтикой и большим налетом модернизма, а также всяких тогдашних молодежных прибамбасов. Большой восторг, к примеру, вызывала корявая псевдонародная речь, которыми говорили иные герои его произведений, – примерно такая, как у нынешних телевизионных «Новых русских бабок». Автор объехал автостопом весь бывший СССР, от Львова до Владивостока, и прошел сотни километров туристских маршрутов по самой глухомани, но почему-то такого языка нигде не слышал.

Впрочем, уже тогда проявилась еще одна особенность Аксенова – пламенная любовь к Америке. Как писатель писал впоследствии, он и его друзья считали себя «штатниками». Потому-то в его книгах чувствуется эдакий киношно-американский дух. Даже в «революционной» повести «Любовь к электричеству» большевистские боевики образца 1905 года напоминают некую смесь ковбоев и ребят дона Корлеоне. Еще

смешнее повесть «В поисках жанра» – это, по сути, просто роман битника Джека Керуака «В дороге», переложенный на русские реалии. В середине семидесятых Аксенов побывал в США и, видимо, решил, что там интереснее. И начал готовиться к отъезду.

Для начала был сварганен роман «Остров Крым». По жанру – это нечто вроде, говоря сегодняшним языком, «альтернативной истории». В романе Крым – не полуостров, а остров. Поэтому в 1920 году Красной армии не удалось выбить закрепившиеся там части Врангеля. Как они там выжили, когда в 1919 году население Крыма возросло в 15 раз и им там откровенно кушать нечего было, – автор не упоминает. Как и всем другим представителям этой среды, ему казалось, что булки растут на деревьях. В итоге в Крыму образовалось отдельное государство – нечто вроде Гонконга. Процветающее, живущее, разумеется, на киношно-американский лад. Симферополь – Симфи – космополитический ультрасовременный город, весь в небоскребах под голубым крымским небом. Всем хорошо, всем весело.

Автор не объясняет, с какого перепуга «незалежный» Крым, куда, понятное дело, не могут попасть советские курортники, так цветет и пахнет. Подразумевается, что всюду, где нет советской власти, – хорошо.

Только вот беда – главный герой, плейбой и супермен Андрей Лучников, любит свою «большую Родину». Хотя эта самая Родина описана как сборище убогих придурков и страшных гэбистов. Но вот любит. Настолько, что создает партию, которая пробивает идею о присоединении Крыма к СССР.

И вот тут-то начинается! Советские войска входят в Крым – и с размаху начинают все крушить и всех сажать. Почему? А вот такие они. Они ж только так и могут, эти русские. То есть у Аксенова, понятное дело, «совки». Но для американцев, кому явно и предназначен этот роман, «русские» и «советские» – одно и то же. Враги. Как, впрочем, и теперь.

«Остров Крым» стал ходить в самиздате, его читали, подтверждая уже вызревавшую у интеллигенции мысль: надо только скинуть проклятых коммуняк – и заживем как в Америке.

Но это была разминка. Требовался большой шум.

Скандал заказывали?

Об этой истории очень любят вспоминать ее участники и обслуживающие их журналисты – и ровно ничего не помнят читатели. В случае с Солженицыным, как бы к нему ни относиться – но «Архипелаг ГУЛАГ» был, безусловно, явлением. А вот с так

называемым альманахом «Метрополь» все произошло не так. То есть скандал-то, конечно, произошел. Это как чеховское ружье на стене. Оно должно было выстрелить – и сделало свое дело без осечки. А вот литературной памяти как-то не осталось.

Идея, вокруг которой объединились два десятка литераторов – как известные и раскрученные, такие как Андрей Вознесенский, Фазиль Искандер, Белла Ахмадулина, так и «подпольщики» вроде Юза Алешковского, – была следующей: издать сборник неподцензурной литературы. Автором идеи был Василий Аксенов. В многочисленных последовавших интервью участники много говорили, что, мол, в СССР хороших произведений не выходит, журналы забиты черт-те чем, а народ все равно все это читает. В самом деле, какой неудачный попался народ! Все как-то не так делает, как нужно. И вот Аксенов решил, значит, собрать большую тусовку, чтобы встряхнуть ситуацию. Правда, есть и иные мнения не этот счет. Вот что пишет по этому поводу Виктор Топоров:

«На Западе Аксенова ждали деньги (за книгу матери)[46] и забвение. Деньги манили, забвение пугало. И наш нынешний букеровский лауреат решил напоследок хлопнуть дверью, собрав альманах неподцензурной литературы «Метрополь», для виду предъявить его властям – вот, мол, не угодно ли напечатать? – и, естественно, организовать «утечку» в свободный мир. А после неизбежного скандала – «утечь» туда самому, но уже на белом коне. Так оно, кстати, и вышло – «шестидесятники», как никто другой, умеют обстряпывать свои делишки.

О серьезности аксеновских планов издать «Метрополь» в СССР лучше всего свидетельствует включение в альманах рассказа младшего научного сотрудника Института мировой литературы Виктора Ерофеева. Назывался этот рассказ «Говнососка»... Оно конечно, после отмены цензуры первым у нас, по слову Пушкина, напечатают Баркова, но все-таки...»

Народ вписался в дело с удовольствием. Здесь проявилась еще одна страсть наших либеральных писателей – какое-то детское стремление материться на бумаге. В чем тут причина – наверное, надо искать объяснение с точки зрения фрейдизма. Хотя, честно говоря, если не считать Эдуарда Лимонова, у которого мат получается к месту, все эти непечатные напечатанные изыски никому, кроме самих авторов, не интересны. Кому такое может нравиться, кроме подростков с проблемами переходного возраста? Но они книг не читают. Они слушают группу «Ленинград». Да и руководитель этой группы, Шнуров, вроде в последнее время показал себя как неплохой ведущий в телефильмах.

Вообще, как оказалось позже, творческая интеллигенция мечтала о трех вещах: возможности громко тявкать на власть, писать книги матом и ездить за границу. Когда они всего этого добились – на остальное им стало наплевать. Так что искренний энтузиазм, с которым участники скандала вспоминают «легендарный сборник», понятен. Это было для них святое дело!

В затею вовлекли и Владимира Высоцкого. Говорят, сыграли на слабой струнке артиста: при всей своей невероятной славе ему очень хотелось ощущать себя поэтом. В смысле – не поющим, а печатающимся поэтом. А напечататься почему-то не получалось. Злые языки утверждают, что напечататься Высоцкому не удавалось отнюдь не из-за противодействия официоза. Ведь выходили же его пластинки на «Мелодии»! А вот в литературе...

Мои друзья, известные поэты,
Чуть свысока похлопав по плечу,
Давали мне полезные советы:
Не стоит рифмовать «кричу» – «торчу».

Так вот, как утверждают злые языки, именно эти самые друзья тормозили все попытки Высоцкого напечататься. Почему? Все потому же. Завидно было. Пока Высоцкий только пел, можно было кривить нос, говоря, что это, дескать, массовая культура. А так бы козырей не осталось.

* * *

«Метрополь», само собой, в СССР издан быть не мог. Его и не издали. Зато в 1979 году сборник вышел в США. И начался долгожданный скандал. Чем хороша была советская власть эпохи застоя? Своей предсказуемостью и полным отсутствием соображения. К этому времени идеологическая машина превратилась в вещь в себе. Чудовищная армия профессиональных «партейных» философов и прочих специалистов трудилась исключительно на удовлетворение своих потребностей. Можно как угодно относиться к сталинской пропагандистской машине – но она была эффективна. Эффективность же пропаганды времен застоя помнят все, кто жил в то время.

В виде анекдота расскажу одну историю. В начале девяностых мы, двое журналистов, отправились из любопытства на идеологический шабаш околокоммунистической интеллигенции. Тон задавали бывшие преподаватели марксизма-ленинизма, не

сумевшие вовремя перестроиться и потому с горя подавшиеся в оппозицию. Тон заупокойных речей был таков: проклятый Запад нас разложил своей идеологией. «СССР погубили битлы» – так заявил один из этих товарищей. Когда нам все это надоело, мой друг, пожалуй, лучший в Питере журналист национал-патриотической ориентации, плюнув от досады, полез на трибуну и заявил:

– Вот вы жалуетесь, что Запад выиграл идеологическую войну. Но вам-то советская власть за что платила неплохие деньги? За то, чтобы вы с западной идеологией боролись! И как вы боролись? Кто виноват, что молодежь стала слушать «Битлз», которые, кстати, пели антикапиталистические песни? Так уж молчите теперь!

* * *

Так вот, дубовость советской идеологической машины использовали все кому не лень. Вышли, к примеру, художники на пустырь со своими картинами – а их бульдозером! Оставили бы тружеников кисти в покое – самим бы надоело, они бы и разошлись – зима ведь была на дворе. Вы в самом деле думаете, что туда сбежались толпы народа? Ага. Кроме богемной тусовки, никого и не было. А тут многочисленные иностранные корреспонденты такое шоу сняли! Кстати, художники-то были в большинстве так себе. Но прославились! А вот где они теперь? О них говорят с придыханием – «участник бульдозерной выставки». Но ведь любого творческого человека нормальные люди оценивают по результатам его творчества, а не по тому, за что и как он от кого-то пострадал. Книга или картина, к которой необходимо многословное пояснение, почему она является великой, – это, извините, дерьмо.

То же произошло и с «Метрополем» – как по нотам.

«Аксенов свалил за бугор, Ерофеева (и Евгения Попова) исключили из Союза писателей. В знак протеста вышли из Союза Семен Липкин и Инна Лиснянская. Вознесенский улетел на Северный полюс и получил кличку Сдрейфившая Льдина. Рассыпали набор поэтической книги Рейна[47], и ему пришлось возвращаться в придворные шуты к Евтушенко» *(В. Топоров)*.

Вообще-то, по слухам, у метропольцев была договоренность, что, если хоть кого-то начинают прищучивать, все члены ССП выходят из Союза. Но мало ли о чем договаривались!

«Некоторые из авторов «Метрополя» вышли из Союза писателей – например, Семен Липкин и Инна Лиснянская. Я же не

стала этого делать потому, что мне казалось – это проблема начальства. Хотят – пусть исключают. Я им помогать не намерена» *(Б. Ахмадулина)*.

Но главное-то получилось! Вот мнение «с той стороны».

«...«Метрополь», даже если задумывался иначе, стал ослепительно успешной рекламной акцией, где роль public relations исполнила зубодробительная советская печать, после чего весь цивилизованный мир зашелся в бурных и продолжительных аплодисментах» *(М. Берг)*.

Все понятно? То есть мы, которые этих деятелей пера кормили, – «нецивилизованные». А вот Запад сказал свое веское слово...

В общем, в компании записных «борцов за свободу слова в СССР» прибыло. Кое-кто эксплуатирует эту славу до сих пор. Некоторые и сегодня рассказывают, как их якобы потом преследовали злобные органы, грозились убить по телефону, пытались сбить машиной и вообще – травили не по-детски. Хорошо хоть, что не облучали «психотронным оружием». Но я ведь тоже любую свою драку могу истолковывать как нападение каких-то врагов.

«Альманах «Метрополь» был сразу же издан на Западе, но в самиздат не пошел. Думаю, на пятьдесят процентов из-за громоздкости (хотя читали мы в те дни, допустим, «Зияющие высоты», еще более объемные), на пятьдесят – из-за низкого, очень низкого и чрезвычайно низкого литературного качества. В годы перестройки «Метрополь» издали у нас едва ли не в первую очередь – и провалился он в тартарары, как не было» *(В. Топоров)*.

Кстати, Юрий Андропов, на которого вешают сейчас всех собак, став главой страны, попытался изменить ситуацию. Будучи умным и образованным человеком, он прекрасно понимал: существующая система откровенно подыгрывает противнику по холодной войне. Именно при Андропове в Питере был создан «Клуб-81», объединивший модернистских литераторов, выпустивших вскоре сборник «Круг». «Нестандартные» художники вошли в Товарищество экспериментального изобразительного искусства, которые получили, пусть и ограниченную, возможность выставляться. А по всей Руси великой приказом сверху были созданы в крупных городах рок-клубы. Именно так. Но было уже поздно.

Миф самиздата

Как можем, так множим

«Эрика»[48] берет четыре копии.
Вот и все. Но этого достаточно.

Так Александр Галич[49] сформулировал самиздатовский миф, который был подхвачен и растиражирован. Согласно ему, непризнанные официозом авторы отдавали знакомым несколько рукописей, те их перепечатывали – и произведения широко распространялись в народе. На самом деле все обстояло сложнее.

Что такое самиздат? Это самостоятельное распространение подручными средствами текстов, недоступных в нормальном виде. Самиздат возник, наверное, сразу же после появления печатного станка – потому что возле печатника тут же возник цензор. Который, кстати, в том или ином виде до сих пор присутствует всюду.

Так, в пушкинские времена в «списках» массово ходила книга Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», стихи Рылеева, да и самого Пушкина. Не только те, что против царя, но и вещи, по тем временам неприличные. Ходил Барков – «виртуальный» автор, которому приписывалась вся тогдашняя стихотворная похабщина.

Так и шло всю дорогу. Самиздат был даже при Сталине. Но настоящее его развитие началось в шестидесятых, а в семидесятых он расцвел пышным цветом.

Я начну от обратного – как его изготавливали. Самым распространенным инструментом была печатная машинка. Но довольно быстро додумались и до более совершенных способов. Например, пересъемка. Благо с фототехникой и фотоматериалами в магазинах было все хорошо. А штатив для пересъемки печатных документов изготовить – раз плюнуть. Чертежи для этого нехитрого устройства публиковались в журнале «Юный техник». Не говоря уже о том, что в научных институтах была пропасть более совершенных устройств для фотокопирования.

Потом, с появлением копиров и другой множительной техники в дело пошли и они. Считалось, что доступ к этим аппаратам бдительно контролировали те, кому положено. Но особенность нашей страны – в ней неизбежно действует принцип: если нельзя, но очень хочется, значит, можно.

Во второй половине семидесятых широко распространились «большие» компьютеры – ЭВМ, которые позволяли не только

загонять тексты в память и распечатывать их, но и обмениваться информацией на магнитных лентах. Использовали и более изощренные приемы. Так, в ЛЭТИ мои приятели загнали в память ЭВМ «Сказку о тройке» Стругацких с помощью одного из первых в стране знакораспознавателей (нечто вроде примитивного сканера).

Существовали и фирмы по изготовлению самиздата. В 1985 году я познакомился с одной из подобных московских контор. Действовали они так. Несколько профессиональных машинисток на своих местах работы имели доступ к тогдашнему чуду техники – электронным печатным машинкам «Роботрон». Эти аппараты обладали небольшой оперативной памятью, позволяющей набрать страницу текста и шлепать ее потом сколь угодно. Благодаря особенностям советской организации труда девушки свободно занимались этим делом на службе даже в рабочее время. Потом книги переплетались кустарным способом – и их пускали в продажу.

Все было хорошо. Конечно, самиздатчики любили поговорить о том, что их «пасет ГБ». Но на самом-то деле штаб-квартира «фирмы» представляла собой проходной двор. Хотели бы – взяли бы.

Литературный «черный рынок»

Но не взяли. Потому как – что распространяли-то? Иосифа Бродского, Владимира Высоцкого, братьев Стругацких. Обращаю внимание, кстати: самодельные книги ПРОДАВАЛИ. Я и сам как-то сделал такой же маленький бизнес: купил в магазине «Букинист» книгу «Огненный столп» Гумилева, переснял и продал в тот же магазин обратно. А потом приторговывал фотокопиями.

Конечно, были и те, кто занимался более опасными играми – распространением Солженицына и прочих авторов, за которых можно было огрести серьезные неприятности. Но основная масса самиздата – это были вполне безобидные книги. В том числе – и напечатанные в Советском Союзе. Например, «Мастер и Маргарита», братья Стругацкие. Конечно, ходили и перепечатки вещей, изданных «там». Но! «...Кто бы ни занимался на самом деле стуктурированием и распространением подлинного самиздата, интересовали этих тайных продюсеров и менеджеров в первую очередь и почти без исключения не потаенные и неведомые миру гении, а советские литераторы – чем высокопоставленней, тем лучше, – по тем или иным причинам (сплошь и рядом случайным) пошедшие на конфликт с властями» *(В. Топоров)*.

Добавлю – или просто книги, изданные слишком маленькими тиражами, как «Мастер и Маргарита». То есть самиздат был просто-напросто формой «черного рынка», который в советское время компенсировал убогость «белого». А рынок, какого бы он цвета ни был, живет по единым законам. На него бросают прежде всего то, что пользуется спросом. В случае с литературой – что уже раскручено тем или иным способом.

Разумеется, никак нельзя пройти мимо деятельности славистов из Лэнгли. Сотрудничество, явное или неявное, отечественных самиздатчиков с зарубежными разведками – тема очень болезненная для ветеранов борьбы с советской властью. Дело даже не в этических вопросах. Хотя и в них тоже. Одно дело – бороться с властью, которая не нравится, другое – продавать Родину. Но все-таки главный вопрос – в самооценке. Люди полагали себя героическими борцами, а оказалось, что они просто марионетки, которых использовали в шпионских играх.

Но вернемся к тому, с чего начали главу. Самиздат не был и не мог быть альтернативным способом раскрутки. Множество более или менее талантливых писателей и поэтов «запускали» свои вещи в самиздат, рассчитывая таким образом обрести пусть подпольную, но известность. Но «цепочка» почти никогда не возникала, довольно быстро прерываясь, – а еще чаще распространение не шло дальше первой копии. Были, разумеется, и исключения. Так, в середине восьмидесятых по рукам активно ходил текст Виктора Шинкарева «Митьки». Слава известной арт-группы началась после того, как о тексте, приняв его за репортаж, накатала разгромную статью комсомольская тогда газета «Смена». Антиреклама сделала свое дело. Текст Шинкарева начали активно перепечатывать и ксерить. А тут подоспела перестройка, осталось лишь немного подсуетиться.

Много шума в свое время было поднято по поводу самиздатовских питерских журналов – таких как «Митин журнал», «Часы», «37». Иногда говорят, что эти издания расходились чуть ли не в сотнях экземпляров. Но мало ли что говорят. Благо теперь уже не проверишь. Именно издатели и авторы этих журналов в перестроечные годы старательно раскручивали миф о культурообразующей роли таких изданий. А вот злые языки утверждают, что довольно быстро «тиражи» стали изготовляться в основном для передачи все на тот же Запад – в наивной вере, что там-то оценят. Не оценили. Журналы демонстративно дистанцировались от политики – в широком понимании этого слова. А что еще интересовало западников, кроме описания ужасов советского режима? Все это, по большому счету, была работа для самих себя. Точнее, для узкого круга «посвященных».

* * *

Вокруг самиздата всегда существовало множество историй о борьбе с органами. Почитаешь-послушаешь воспоминания тех, кто развлекался подобным образом, можно подумать – КГБ делать было больше нечего. Хотя, возможно, так оно и было. В Комитете существовал целый отдел, призванный бороться с «идеологическими диверсиями». Надо же было людям чем-то оправдывать свою зарплату! С другой стороны, «преследование конторы» давало возможность раскрутиться на Западе. Так что, можно сказать, существовало то, что в биологии можно назвать симбиозом – взаимовыгодным сосуществованием. Конечно, кого-то неизбежно сажали – тех, кто чересчур увлекался, или просто потому, что по правилам игры должны быть жертвы. Забавно, что с началом перестройки в среде литературных самиздатчиков, как и в среде чисто политических диссидентов, начались было разборки: кто на кого стучал и кто кого заложил. Но они быстро стихли. Подозреваю, потому что быстро выяснилось – все на всех. И решили не углубляться в столь щекотливую тему. К тому же ко всем этим играм неизбежно подверстывались уже упоминавшиеся игры с разведкой, всякие дела с валютой (тогда валютные операции были запрещены), с фарцовкой...

То же самое и в отношении «карательной психиатрии». Считалось, если посадили в дурдом человека, который против советской власти, то, значит, именно за это. Ага. Сходите сегодня на любой коммунистический митинг. Там вы увидите множество людей, которых тоже не мешало бы подлечить. В оппозицию уходят по разным причинам. В том числе и по психиатрическим. А добавьте сюда традиционное для русской литературной и окололитературной среды безбрежное пьянство...

Так, один мой знакомый до сих пор уверен, что КГБ, узнав, что он «засылает» свои стихи в самиздат, стал воздействовать при помощи психотронного оружия с крыши соседнего дома, мешая сочинять. А потом чекисты, гады, и вовсе его в «дурку» посадили. Кстати, рассказывая об этих ужасах, он в перестройку с помощью общества «Мемориал» сумел выбить себе новую квартиру как жертва политических репрессий. Облучать его, правда, все равно не перестали. Как он говорит, «гэбисты сводят со мной счеты».

Так что Галич в своей песне сказал красиво, но по сути – неверно. Четырех копий на «Эрике» было недостаточно. Для того чтобы вынырнуть из неизвестности, требовались куда более серьезные игры...

Вместо заключения

Эдуард Лимонов. Старые игры в новое время

Как известно, в процессе перестройки запас произведений, не дошедших на родине до печатного станка, быстро иссяк. Кое-что из этого можно было читать, в основном же – читать не стоило. Особенно это касается произведений, созданных в эмиграции. Когда же старые запасы иссякли, пошло и вовсе откровенное фуфло. И читать его, соответственно, перестали. Именно этим, а не экономическими трудностями обусловлено обрушение огромных тиражей толстых журналов. Как и падение интереса к «серьезной» литературе. Читатели увидели, что под соусом «свободы» им втюхивали некачественный товар. И отвернулись.

Былым властителям дум осталось лишь делить меж собой западные гранты, объясняться в любви к Борису Ельцину и жаловаться на «засилье массовой культуры», из-за которого, понимаете ли, никто не хочет читать их, таких хороших и талантливых.

Несколько лет назад я провел журналистский эксперимент. Составил список, в который входили авторы всех времен и народов – от Гомера до Лимонова. И отправился на книжную толкучку – на Крупу[50]. Так вот, с помощью местных завсегдатаев я сумел «закрыть» почти весь список. Почти все издания можно было купить. Исключением являлись последние книги либеральных писателей. Не продавалось их! «А у нас не библиотека. Мы продаем что народ берет», – прокомментировали мне ситуацию.

И как в этой ситуации реагируют письменники? В одном из номеров «Литературной газеты» я наткнулся на потрясающий материал писателя, судя по всему, либерального толка. Литератор критикует Путина (когда еще тот был президентом). Как вы думаете, в чем может упрекать либерал не слишком любимого этой публикой президента? В ущемлении свободы слова? В наступлении на частный бизнес? В возврате к советским временам? Ни за что не догадаетесь. Писатель ставит в вину президенту, что тот не уделяет внимания писателям. Автор просто кричит: Владимир Владимирович, ну обратите на нас свой державный взор! Подмогайте нам, сирым и убогим, которых народ читать не желает. Мы ж хранители духовности нации… Все как всегда.

Кстати, насчет духовности. Хоть я и не очень понимаю, что

под этим подразумевается, но тем не менее. Господа, расслабьтесь, не надо хранить мою духовность. Я вам этого не поручал. И уж как-нибудь сам с ней разберусь.

Правда, кое-кто из тех, чьи имена всплыли в перестройку, остался. Прежде всего это Эдуард Лимонов.

«Против системы»

В отличие от многих других Лимонов отправился в эмиграцию, не имея ни скандального капитала, ни репутации жертвы режима. С его стихами, разумеется, в Советском Союзе делать было нечего. Они однозначно воспринимались как антисоветские. Хотя все оказалось не так просто.

О приключениях Лимонова за бугром известно из его романов, которые, помимо всего прочего, продемонстрировали: можно писать и о сексе, можно писать и матом. Нужно только уметь это делать. Все хорошо на своем месте.

Но в романах обнаружилась и своеобразная позиция автора. Лимонов, не желавший встраиваться в советскую систему (он не предпринял ни одной серьезной попытки легализоваться в тогдашней отечественной литературе), обнаружил, что Запад – это всего лишь другая система. Которая его тоже решительно не устраивает. Особенно хорошо это видно в романе «Палач». Если отбросить все садомазохистские залепухи, то это произведение – о невозможности «оседлать жизнь», добиться успеха, оставаясь «кошкой, которая гуляет сама по себе».

Хотя романы Лимонова как раз имели успех. Но автор обладал слишком беспокойным характером, дабы успокоиться и почивать на лаврах. Судя по всему, он хотел быть не просто успешным писателем в западном понимании. То есть человеком, который издает книги, получает за них достойные гонорары и радуется жизни. Но в России-то писатель – был, по крайней мере, – властитель дум! Вождь и учитель.

Само собой, книги, повествующие о сексуальных заморочках, – не совсем тот материал. Требовалось что-нибудь повеселее.

Когда стало понятно, куда идет дело в Советском Союзе, писатель поспешил объявить себя «красно-коричневым» (хотя такой термин появился позже, в 1992 году) – то есть его точка зрения была полностью противоположной настроениям либералов. Вряд ли имеет смысл говорить о какой-то серьезной, продуманной позиции – ее у Лимонова и до сих пор нет. Рискну предположить: это был именно поворот «от противного». Ведь что больше всего до сих пор проклинают либеральные литераторы?

Коммунизм, Сталина и русский национализм. А вот нате вам все это в одном флаконе!

Справедливости ради стоит сказать, что это не было эпатажем на пустом месте. Скажем, в первом и самом известном романе «Это я – Эдичка!» автор высказывает идеи, которые можно назвать леворадикальными. А точнее – троцкистскими. Так, упомянутая Рабочая партия, с которой герой тусуется, – это IWP, самая крупная американская троцкистская структура. Да и вообще, весь настрой романа, включая бурные бисексуальные похождения, соответствует стилю жизни западных леваков. Что же касается «советского национализма», то, по-моему, его Лимонов добавил для большей крутизны. Уж гадить в душу – так всем.

Вообще-то это было сильно завернуто. Как отмечал Довлатов, подавляющее количество эмигрантов только и делали, что объяснялись в любви стране пребывания. Напомню, что, к примеру, в Израиле бывшие наши граждане чаще всего идут в самые непримиримые сионисты. Да и насмешник Довлатов в своих передовых статьях в своей американской газете просто до неприличия прогибается перед мистером Рональдом Рейганом.

Но все-таки реакция писательских эмигрантских кругов на Лимонова была неоднозначна. Мнения разделись не по политическим и не по эстетическим признакам, а... по успешности на Западе. Так, Сергей Довлатов, к примеру, отнесся к новой звезде с симпатией, хотя никогда не жаловал коммунистов. А вот другие... Вой поднялся до неба. По этому поводу забавную историю поведал Довлатов в повести «Иностранка». На каком-то очередном эмигрантском писательском сборище вылезает Наум Коржавин (если кто и помнит такого, то по строчке «Какая сука разбудила Ленина?») и начинает ругательски ругать Лимонова. Время выступления закончилось, а Коржавин только вошел во вкус. Лимонов тогда предлагает: давайте я отдам ему свое время. Отдает – и Коржавин поносит Лимонова за счет последнего. Заметим, совершенно не ощущая идиотизма такого положения.

Как бы то ни было, в России, когда книги других эмигрантов уже никто не читал, произведения Лимонова вовсю расходились. Да, до этого писатель еще помотался по горячим точкам. Циники комментируют: создавал себе биографию. Может, оно и так. Но в любом случае – создал. Сами помотайтесь. Теперь он уже имел полное право говорить, что, дескать, «мы диалектику учили не по Гегелю».

Обыкновенный национал-большевизм

Я не собираюсь в этой книге рассказывать историю Национал-большевистской партии. Хотя это и забавно. Можно как угодно истолковывать мотивации Лимонова, ринувшегося в джунгли уличной политики, но как ни крути – эта политическая деятельность и литературный успех подталкивали друг друга. Без успеха его книг НБП так и осталась бы одной из карликовых радикально-оппозиционных тусовок, о которых никто не слыхал. С другой стороны, деятельность НБП, а точнее, шум, поднятый вокруг нее средствами массовой информации, способствовал успеху его книг. Ведь в чем главная беда постаревших советских и антисоветских писателей? В том, что новому поколению читателей им сказать нечего. А Лимонов... Политической организацию НБП назвать можно с большой натяжкой. Куда больше она походит на артпроект. Но успех-то был! Либералы уже успели надоесть. Я имею в виду не политику, а эстетику. Сытые интеллигенты, что-то там говорящие, внушали отвращение. Вы видели Сванидзе? Кто из нормальных людей вот такого типа может уважать? Он отвратителен только своим видом.

С другой стороны, в отличие от унылых коммунистических структур, у Лимонова было весело. Потому-то под знамена НБП встали, к примеру, культовый джазовый музыкант и композитор Сергей Курехин и панк-идол Егор Летов. Если поступок второго особого шума не вызвал – на то он и панк, то первый... Дело в том, что множество людей, участвующих в так называемом рок-движении середины восьмидесятых, вынесли оттуда совершенно дикий хаос в мозгах – хаос на либеральной подкладке. И одновременно – дикую нетерпимость к инакомыслию. К примеру, когда я стал проникаться национал-патриотическими взглядами, то множество друзей и приятелей тут же перестали поддерживать со мной любые отношения. А тут, можно сказать, один из символов поколения – Курехин – так нехорошо поступает. Хотя вообще-то Сергей никогда ничего до этого не провозглашал политического. Словом, визг вышел потрясающий.

Но это, понятно, оказалось лишь к лучшему. Народ потянулся в лимоновцы. И ведь какой народ! «Лимонка», издание НБП, является шедевром газетного дела. Да и внешний стиль организации очень даже неплох.

Самое-то смешное, что на самом деле ни Лимонов, ни его партия никогда не были «фашистами». Конечно, если не именовать этим словом всех, кому не нравятся «общечеловеческие ценности». Как не были они и коммунистами. Эдуард Лимонов продолжал быть «антисистемщиком». Какой бы «система» не была. Еще при Ельцине в одной из московских газет

был очень остроумный материал про гипотетический коммунистический переворот. Итак, коммунисты победили. На улице стоит Евтушенко и читает стихи, в которых проклинает демократов. И говорит, что на самом-то деле всегда их ненавидел. А за углом стоит Лимонов с плакатом «Да здравствуют жирные!» и производит набор в интернационал-капиталистическую партию...

Забавно, что теперь, когда власть начала укрепляться и в какой-то мере заняла «патриотическую» нишу, Лимонов в последней книге «Другая Россия» провозглашает, по сути, «перманентную революцию» вполне в духе даже не Троцкого, а европейского маоизма. Эдакая романтическая война против всех. «Война без особых причин».

В конце концов Лимонов доигрался до того, что угодил в тюрьму. Просидел, правда, не слишком долго, но все-таки. А потом... Началось самое смешное. Теперь писателя активно пиарят... западные правозащитники! Игра продолжается.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Письмо Правительству СССР Михаила Афанасьевича Булгакова (Москва, Пироговская, 35а, кв. 6)

Я обращаюсь к Правительству СССР со следующим письмом:

1

После того, как все мои произведения были запрещены, среди многих граждан, которым я известен как писатель, стали раздаваться голоса, подающие мне один и тот же совет.

Сочинить «коммунистическую пьесу» (в кавычках я привожу цитаты), а кроме того, обратиться к Правительству СССР с покаянным письмом, содержащим в себе отказ от прежних моих взглядов, высказанных мною в литературных произведениях, и уверения в том, что отныне я буду работать, как преданный идее коммунизма писатель-попутчик.

Цель: спастись от гонений, нищеты и неизбежной гибели в финале.

Этого совета я не послушался. Навряд ли мне удалось бы предстать перед Правительством СССР в выгодном свете, написав лживое письмо, представляющее собой неопрятный и к тому же наивный политический курбет. Попыток же сочинить коммунистическую пьесу я даже не производил, зная заведомо, что такая пьеса у меня не выйдет.

Созревшее во мне желание прекратить мои писательские мучения заставляет меня обратиться к Правительству СССР с письмом правдивым.

2

Произведя анализ моих альбомов вырезок, я обнаружил в прессе СССР за десять лет моей литературной работы 301 отзыв обо мне. Из них: похвальных было – 3, враждебно-ругательных – 298.

Последние 298 представляют собой зеркальное отражение моей писательской жизни.

Героя моей пьесы «Дни Турбиных» Алексея Турбина печатно в стихах называли «сукиным сыном», а автора пьесы рекомендовали как «одержимого собачьей старостью». Обо мне писали как о «литературном уборщике», подбирающем объедки после того, как «наблевала дюжина гостей».

Писали так:

«...Мишка Булгаков, кум мой, тоже, извините за выражение, писатель, в залежалом мусоре шарит... Что это, спрашиваю, братишечка, мурло у тебя... Я человек деликатный, возьми да и хрястни его тазом по затылку... Обывателю мы без Турбиных, вроде как бюстгальтер собаке без нужды... Нашелся, сукин сын. Нашелся Турбин, чтоб ему ни сборов, ни успеха...» («Жизнь искусства», № 44, 1927 г.).

Писали «о Булгакове, который чем был, тем и останется, новобуржуазным отродьем, брызжущим отравленной, но бессильной слюной на рабочий класс и его коммунистические идеалы» («Комс, правда», 14/X-1926 г.).

Сообщали, что мне нравится «атмосфера собачьей свадьбы вокруг какой-нибудь рыжей жены приятеля» *(А. Луначарский,* «Известия», 8/X-1926 г.) и что от моей пьесы «Дни Турбиных» идет «вонь» (стенограмма совещания при Агитпропе в мае 1927 г.), и так далее, и так далее...

Спешу сообщить, что цитирую я не с тем, чтобы жаловаться на критику или вступать в какую бы то ни было полемику. Моя цель – гораздо серьезнее.

Я не доказываю с документами в руках, что вся пресса СССР, а с нею вместе и все учреждения, которым поручен контроль репертуара, в течение всех лет моей литературной работы единодушно и с необыкновенной яростью доказывали, что произведения Михаила Булгакова в СССР не могут существовать.

И я заявляю, что пресса СССР совершенно права.

3

Отправной точкой этого письма для меня послужил мой памфлет «Багровый остров».

Вся критика СССР, без исключений, встретила эту пьесу заявлением, что она «бездарна, беззуба, убога» и что она представляет «пасквиль на революцию».

Единодушие было полное, но нарушено оно было внезапно и совершенно удивительно.

В № 22 «Реперт. Бюл.» (1928 г.) появилась рецензия П. Новицкого, в которой было сообщено, что «Багровый остров» – «интересная и остроумная пародия», в которой «встает зловещая тень Великого Инквизитора, подавляющего художественное творчество, культивирующего рабские подхалимски-нелепые драматургические штампы, стирающего личность актера и писателя», что в «Багровом острове» идет речь о «зловещей мрачной силе, воспитывающей илотов, подхалимов и

панегиристов...». Сказано было, что «если такая мрачная сила существует, негодование и злое остроумие прославленного драматурга оправдано».

Позволительно спросить – где истина?

Что же такое, в конце концов, «Багровый остров» – «убогая, бездарная пьеса» или это «остроумный памфлет»?

Истина заключается в рецензии Новицкого. Я не берусь судить, насколько моя пьеса остроумна, но я сознаюсь в том, что в пьесе действительно встает зловещая тень и это тень Главного Репертуарного Комитета. Это он воспитывает илотов, панегиристов и запуганных «услужающих». Это он убивает творческую мысль. Он губит советскую драматургию и погубит ее.

Я не шепотом в углу выражал эти мысли. Я заключил их в драматургический памфлет и поставил этот памфлет на сцене. Советская пресса, заступаясь за Главрепертком, написала, что «Багровый остров» – пасквиль на революцию. Это несерьезный лепет. Пасквиля на революцию в пьесе нет по многим причинам, из которых, за недостатком места, я укажу одну: пасквиль на революцию, вследствие чрезвычайной грандиозности ее, написать невозможно. Памфлет не есть пасквиль, а Главрепертком – не революция.

Но когда германская печать пишет, что «Багровый остров» – это «первый в СССР призыв к свободе печати» («Молодая гвардия», № 1, 1929 г.) – она пишет правду. Я в этом сознаюсь. Борьба с цензурой, какая бы она ни была и при какой бы власти она ни существовала, – мой писательский долг, так же как и призывы к свободе печати. Я горячий поклонник этой свободы и полагаю, что, если кто-нибудь из писателей задумал бы доказывать, что она ему не нужна, он уподобился бы рыбе, публично уверяющей, что ей не нужна вода.

4

Вот одна из черт моего творчества и ее одной совершенно достаточно, чтобы мои произведения не существовали в СССР. Но с первой чертой в связи все остальные, выступающие в моих сатирических повестях: черные и мистические краски (я – мистический писатель), в которых изображены бесчисленные уродства нашего быта, яд, которым пропитан мой язык, глубокий скептицизм в отношении революционного процесса, происходящего в моей отсталой стране, и противопоставление ему излюбленной и Великой Эволюции, а самое главное – изображение страшных черт моего народа, тех черт, которые задолго до революции вызывали глубочайшие страдания моего

учителя М.Е. Салтыкова-Щедрина.

Нечего и говорить, что пресса СССР и не подумала серьезно отметить все это, занятая малоубедительными сообщениями о том, что в сатире М. Булгакова – «клевета».

Один лишь раз, в начале моей известности, было замечено с оттенком как бы высокомерного удивления:

«М. Булгаков хочет стать сатириком нашей эпохи» («Книгоша», № 6, 1925 г.).

Увы, глагол «хотеть» напрасно взят в настоящем времени. Его надлежит перевести в плюсквамперфектум: М. Булгаков стал сатириком как раз в то время, когда никакая настоящая (проникающая в запретные зоны) сатира в СССР абсолютно немыслима.

Не мне выпала честь выразить эту криминальную мысль в печати. Она выражена с совершенной ясностью в статье В. Блюма («Лит. газ.», № 6), и смысл этой статьи блестяще и точно укладывается в одну формулу: всякий сатирик в СССР посягает на советский строй.

Мыслим ли я в СССР?

5

И, наконец, последние мои черты в погубленных пьесах «Дни Турбиных», «Бег» и в романе «Белая гвардия»: упорное изображение русской интеллигенции как лучшего слоя в нашей стране. В частности, изображение интеллигентско-дворянской семьи, волею непреложной судьбы брошенной в годы Гражданской войны в лагерь Белой гвардии, в традициях «Войны и мира». Такое изображение вполне естественно для писателя, кровно связанного с интеллигенцией.

Но такого рода изображения приводят к тому, что автор их в СССР, наравне со своими героями, получает – несмотря на свои великие усилия стать бесстрастно над красными и белыми – аттестат белогвардейца-врага, а получив его, как всякий понимает, может считать себя конченым человеком в СССР.

6

Мой литературный портрет закончен, и он же есть политический портрет. Я не могу сказать, какой глубины криминал можно отыскать в нем, но я прошу об одном: за пределами его не искать ничего. Он исполнен совершенно добросовестно.

7

Ныне я уничтожен.

Уничтожение это было встречено советской общественностью с полной радостью и названо «достижением».

Р. Пикель, отмечая мое уничтожение («Изв.», 15/IX-1929 г.), высказал либеральную мысль:

«Мы не хотим этим сказать, что имя Булгакова вычеркнуто из списка советских драматургов».

И обнадежил зарезанного писателя словами, что «речь идет о его прошлых драматургических произведениях».

Однако жизнь, в лице Главреперткома, доказала, что либерализм Р. Пикеля ни на чем не основан.

18 марта 1930 года я получил из Главреперткома бумагу, лаконически сообщающую, что не прошлая, а новая моя пьеса «Кабала святош» («Мольер») К ПРЕДСТАВЛЕНИЮ НЕ РАЗРЕШЕНА.

Скажу коротко: под двумя строчками казенной бумаги погребены – работа в книгохранилищах, моя фантазия, пьеса, получившая от квалифицированных театральных специалистов бесчисленные отзывы – блестящая пьеса.

Р. Пикель заблуждается. Погибли не только мои прошлые произведения, но и настоящие, и все будущие. И лично я, своими руками бросил в печку черновик романа о дьяволе, черновик комедии и начало второго романа «Театр».

Все мои вещи безнадежны.

8

Я прошу Советское Правительство принять во внимание, что я не политический деятель, а литератор, и что всю мою продукцию я отдал советской сцене.

Я прошу обратить внимание на следующие два отзыва обо мне в советской прессе.

Оба они исходят от непримиримых врагов моих произведений, и поэтому они очень ценны.

В 1925 году было написано:

«Появляется писатель, не рядящийся даже в попутнические цвета» *(Л. Авербах,* «Изв.», 20/IX-1925 г.).

А в 1929 году:

«Талант его столь же очевиден, как и социальная реакционность его творчества» *(Р. Пикель,* «Изв.», 15/IX-1929 г.).

Я прошу принять во внимание, что невозможность писать для меня равносильна погребению заживо.

9

Я ПРОШУ ПРАВИТЕЛЬСТВО СССР ПРИКАЗАТЬ МНЕ В СРОЧНОМ ПОРЯДКЕ ПОКИНУТЬ ПРЕДЕЛЫ СССР В СОПРОВОЖДЕНИИ МОЕЙ ЖЕНЫ ЛЮБОВИ ЕВГЕНЬЕВНЫ БУЛЕАКОВОЙ.

10

Я обращаюсь к гуманности советской власти и прошу меня, писателя, который не может быть полезен у себя, в Отечестве, великодушно отпустить на свободу.

11

Если же и то, что я написал, неубедительно, и меня обрекут на пожизненное молчание в СССР, я прошу Советское Правительство дать мне работу по специальности и командировать меня в театр на работу в качестве штатного режиссера.

Я именно и точно и подчеркнуто прошу о категорическом приказе о командировании, потому что все мои попытки найти работу в той единственной области, где я могу быть полезен СССР как исключительно квалифицированный специалист, потерпели полное фиаско. Мое имя сделано настолько одиозным, что предложения работы с моей стороны встретили испуг, несмотря на то, что в Москве громадному количеству актеров и режиссеров, а с ними и директорам театров, отлично известно мое виртуозное знание сцены.

Я предлагаю СССР совершенно честного, без всякой тени вредительства, специалиста режиссера и автора, который берется добросовестно ставить любую пьесу, начиная с шекспировских пьес о вплоть до сегодняшнего дня.

Я прошу о назначении меня лаборантом-режиссером в 1-й Художественный Театр – в лучшую школу, возглавляемую мастерами К.С. Станиславским и В.И. Немировичем-Данченко.

Если меня не назначат режиссером, я прошусь на штатную должность статиста. Если и статистом нельзя – я прошусь на должность рабочего сцены.

Если же и это невозможно, я прошу Советское Правительство поступить со мной как оно найдет нужным, но как-нибудь поступить, потому что у меня, драматурга, написавшего 5 пьес, известного в СССР и за границей, налицо, в данный момент, – нищета, улица и гибель.

Москва,
28 марта 1930 года

Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) О журналах «Звезда» и «Ленинград» 14 августа 1946 г.

ЦК ВКП(б) отмечает, что издающиеся в Ленинграде литературно-художественные журналы «Звезда» и «Ленинград» ведутся совершенно неудовлетворительно.

В журнале «Звезда» за последнее время, наряду со значительными и удачными произведениями советских писателей, появилось много безыдейных, идеологически вредных произведений.

Грубой ошибкой «Звезды» является предоставление литературной трибуны писателю Зощенко, произведения которого чужды советской литературе. Редакции «Звезды» известно, что Зощенко давно специализировался на писании пустых, бессодержательных и пошлых вещей, на проповеди гнилой безыдейности, пошлости и аполитичности, рассчитанных на то, чтобы дезориентировать нашу молодежь и отравить ее сознание. Последний из опубликованных рассказов Зощенко «Приключения обезьяны» («Звезда», № 5 – 6 за 1946 г.) представляет пошлый пасквиль на советский быт и на советских людей. Зощенко изображает советские порядки и советских людей в уродливо карикатурной форме, клеветнически представляя советских людей примитивными, малокультурными, глупыми, с обывательскими вкусами и нравами. Злостно хулиганское изображение Зощенко нашей действительности сопровождается антисоветскими выпадами.

Предоставление страниц «Звезды» таким пошлякам и подонкам литературы, как Зощенко, тем более недопустимо, что редакции «Звезды» хорошо известна физиономия Зощенко и недостойное поведение его во время войны, когда Зощенко, ничем не помогая советскому народу в его борьбе против немецких захватчиков, написал такую омерзительную вещь, как «Перед восходом солнца», оценка которой, как и оценка всего литературного «творчества» Зощенко, была дана на страницах журнала «Большевик».

Журнал «Звезда» всячески популяризирует также произведения писательницы Ахматовой, литературная и общественно-политическая физиономия которой давным-давно известна советской общественности. Ахматова является типичной представительницей чуждой нашему народу пустой безыдейной поэзии. Ее стихотворения, пропитанные духом пессимизма и

упадочничества, выражающие вкусы старой салонной поэзии, застывшей на позициях буржуазно-аристократического эстетства и декадентства, «искусстве для искусства», не желающей идти в ногу со своим народом, наносят вред делу воспитания нашей молодежи и не могут быть терпимы в советской литературе.

Предоставление Зощенко и Ахматовой активной роли в журнале, несомненно, внесло элементы идейного разброда и дезорганизации в среде ленинградских писателей. В журнале стали появляться произведения, культивирующие не свойственный советским людям дух низкопоклонства перед современной буржуазной культурой Запада.

Стали публиковаться произведения, проникнутые тоской, пессимизмом и разочарованием в жизни (стихи Садофьева и Комиссаровой в № 1 за 1946 г. и т. д.). Помещая эти произведения, редакция усугубила свои ошибки и еще более принизила идейный уровень журнала.

Допустив проникновение в журнал чуждых в идейном отношении произведений, редакция понизила также требовательность к художественным качествам печатаемого литературного материала. Журнал стал заполняться малохудожественными пьесами и рассказами («Дорога времени» Ягдфельдта, «Лебединое озеро» Штейна и т. д.).

Такая неразборчивость в отборе материалов для печатания привела к снижению художественного уровня журнала. ЦК отмечает, что особенно плохо ведется журнал «Ленинград», который постоянно предоставлял свои страницы для пошлых и клеветнических выступлений Зощенко, для пустых и аполитичных стихотворении Ахматовой. Как и редакция «Звезды», редакция журнала «Ленинград» допустила крупные ошибки, опубликовав ряд произведений, проникнутых духом низкопоклонства по отношению ко всему иностранному. Журнал напечатал ряд ошибочных произведений («Случай над Берлином» Варшавского и Реста, «На заставе» Слонимского). В стихах Хазина «Возвращение Онегина» под видом литературной пародии дана клевета на современный Ленинград. В журнале «Ленинград» помещаются преимущественно бессодержательные низкопробные литературные материалы.

Как могло случиться, что журналы «Звезда» и «Ленинград», издающиеся в Ленинграде, городе-герое, известном своими передовыми революционными традициями, городе, всегда являвшемся рассадником передовых идей и передовой культуры, допустили протаскивание в журналы чуждой советской литературе безыдейности и аполитичности? В чем смысл ошибок редакций «Звезды» и «Ленинграда»? Руководящие работники

журналов и, в первую очередь, их редакторы тт. Саянов и Лихарев забыли то положение ленинизма, что наши журналы, являются ли они научными или художественными, не могут быть аполитичными. Они забыли, что наши журналы являются могучим средством Советского государства в деле воспитания советских людей, и в особенности молодежи, и поэтому должны руководствоваться тем, что составляет жизненную основу советского строя, – его политикой. Советский строй не может терпеть воспитания молодежи в духе безразличия к советской политике, в духе наплевизма и безыдейности. Сила советской литературы, самой передовой литературы в мире, состоит в том, что она является литературой, у которой нет и не может быть других интересов, кроме интересов народа, интересов государства. Задача советской литературы состоит в том, чтобы помочь государству правильно воспитать молодежь, ответить на ее запросы, воспитать новое поколение бодрым, верящим в свое дело, не боящимся препятствий, готовым преодолеть всякие препятствия.

Поэтому всякая проповедь безыдейности, аполитичности, «искусства для искусства» чужда советской литературе, вредна для интересов советского народа и государства и не должна иметь места в наших журналах.

Недостаток идейности у руководящих работников «Звезды» и «Ленинграда» привел также к тому, что эти работники поставили в основу своих отношений с литераторами не интересы правильного воспитания советских людей и политического направления деятельности литераторов, а интересы личные, приятельские. Из-за нежелания портить приятельских отношений притуплялась критика.

Из-за боязни обидеть приятелей пропускались в печать явно негодные произведения. Такого рода либерализм, при котором интересы народа и государства, интересы правильного воспитания нашей молодежи приносятся в жертву приятельским отношениям и при котором заглушается критика, приводит к тому, что писатели перестают совершенствоваться, утрачивают сознание своей ответственности перед народом, перед государством, перед партией, перестают двигаться вперед.

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что редакции журналов «Звезда» и «Ленинград» не справились с возложенным делом и допустили серьезные политические ошибки в руководстве журналами.

ЦК устанавливает, что Правление Союза советских писателей и, в частности, его председатель т. Тихонов не приняли никаких мер к улучшению журналов «Звезда» и «Ленинград» и не только

не вели борьбы с вредными влияниями Зощенко, Ахматовой и им подобных несоветских писателей на советскую литературу, но даже попустительствовали проникновению в журналы чуждых советской литературе тенденций и нравов.

Ленинградский горком ВКП(б) проглядел крупнейшие ошибки журналов, устранился от руководства журналами и предоставил возможность чуждым советской литературе людям, вроде Зощенко и Ахматовой, занять руководящее положение в журналах. Более того, зная отношение партии к Зощенко и его «творчеству», Ленинградский горком (тт. Капустин и Широков), не имея на то права, утвердил решением горкома от 28.1. с. г. новый состав редколлегии журнала «Звезда», в который был введен и Зощенко. Тем самым Ленинградский горком допустил грубую политическую ошибку. «Ленинградская правда» допустила ошибку, поместив подозрительную хвалебную рецензию Юрия Германа о творчестве Зощенко в номере от 6 июля с. г.

Управление пропаганды ЦК ВКП(б) не обеспечило надлежащего контроля за работой ленинградских журналов.

ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Обязать редакцию журнала «Звезда», Правление Союза советских писателей и Управление пропаганды ЦК ВКП(б) принять меры к безусловному устранению указанных в настоящем постановлении ошибок и недостатков журнала, выправить линию журнала и обеспечить высокий идейный и художественный уровень журнала, прекратив доступ в журнал произведений Зощенко, Ахматовой и им подобных.

2. Ввиду того, что для издания двух литературно-художественных журналов в Ленинграде в настоящее время не имеется надлежащих условий, прекратить издание журнала «Ленинград», сосредоточив литературные силы Ленинграда вокруг журнала «Звезда».

3. В целях наведения надлежащего порядка в работе редакции журнала «Звезда» и серьезного улучшения содержания журнала, иметь в журнале главного редактора и при нем редколлегию. Установить, что главный редактор журнала несет полную ответственность за идейно-политическое направление журнала и качество публикуемых в нем произведений.

4. Утвердить главным редактором журнала «Звезда» тов. Еголина А.М. с сохранением за ним должности заместителя начальника Управления пропаганды ЦК ВКП(б).

5. Поручить Секретариату ЦК рассмотреть и утвердить состав редакторов отделов и редколлегии.

6. Отменить решение Ленинградского горкома от 26 июня с. г. о редколлегии журнала «Звезда» как политически ошибочное.

Объявить выговор второму секретарю горкома тов. Капустину Я.Ф. за принятие этого решения.

7. Снять с работы секретаря по пропаганде и заведующего отделом пропаганды и агитации Ленинградского горкома тов. Широкова И.М., отозвав его в распоряжение ЦК ВКП(б).

8. Возложить партруководство журналом «Звезда» на Ленинградский обком. Обязать Ленинградский обком и лично первого секретаря Ленинградского обкома и горкома тов. Попкова принять все необходимые меры по улучшению журнала и по усилению идейно-политической работы среди писателей Ленинграда.

9. За плохое руководство журналом «Ленинград» объявить выговор тов. Лихареву Б.М.

10. Отмечая, что журнал «Звезда» выходит в свет со значительными опозданиями, оформляется крайне небрежно (обложка имеет неприглядный вид, не указывается месяц выхода очередного номера), обязать редакцию «Звезды» обеспечить своевременный выход журнала и улучшить его внешний вид.

11. Возложить на Управление пропаганды ЦК (т. Александрова) контроль за выполнением настоящего постановления.

12. Заслушать на Оргбюро ЦК через 3 месяца отчет главного редактора «Звезды» о выполнении постановления ЦК.

13. Командировать т. Жданова в Ленинград для разъяснения настоящего постановления ЦК ВКП(б).

Опубликовано с незначительными изъятиями: Правда. 21 августа 1946.

Записка Отдела культуры ЦК КПСС об итогах обсуждения на собраниях писателей вопроса «О действиях члена Союза писателей СССР Б.Л. Пастернака, несовместимых со званием советского писателя»
28 октября 1958 г.

ЦК КПСС

Докладываю о собрании партийной группы Правления Союза писателей СССР и совместном заседании Президиума Правления Союза писателей СССР, бюро Оргкомитета Союза писателей РСФСР, Президиума Правления Московского отделения Союза писателей, состоявшихся 25 и 27 октября сего года.

На этих заседаниях был обсужден вопрос «О действиях члена Союза писателей СССР Б.Л. Пастернака, несовместимых со званием советского писателя».

На собрании партийной группы 25 октября присутствовало 45 коммунистов-писателей.

В обсуждении вопроса приняло участие 30 человек. Все выступавшие в прениях товарищи с чувством гнева и негодования осудили предательское поведение Пастернака, пошедшего на то, чтобы стать орудием международной реакции в ее провокациях, направленных на разжигание холодной войны.

Единодушное мнение всех выступавших сводилось к тому, что Пастернаку не может быть места в рядах советских писателей. Однако в ходе прений некоторые товарищи высказывали мнение о том, что Пастернака не следует исключать из членов Союза писателей немедленно, так как это будет использовано международной реакцией в ее враждебной работе против нас. Эту точку зрения особенно активно отстаивал тов. Грибачев. Он говорил о том, что исключению Пастернака из Союза писателей должно предшествовать широкое выступление советской общественности на страницах печати. Решение Союза писателей об исключении Пастернака из своих рядов должно явиться выполнением воли народа. Позиция тов. Грибачева была поддержана писателями Л. Ошаниным, М. Шагинян, С. Михалковым, А. Яшиным, С. Сартаковым, И. Анисимовым, С. Герасимовым и некоторыми другими. С.А. Герасимов заявил, что «надо дать просто выход народному мнению на страницах

широкой печати». В выступлениях тт. Грибачева и Михалкова была высказана мысль о высылке Пастернака из страны. Их поддержала М. Шагинян.

Многие выступавшие в прениях товарищи резко критиковали Секретариат Правления Союза писателей и, в частности, тов. Суркова за то, что Секретариат не исключил Пастернака из Союза тогда, когда стало известно о передаче им своего клеветнического сочинения буржуазному издателю, – особенно за то, что не было в свое время опубликовано в советской печати письмо членов редколлегии журнала «Новый мир» Пастернаку.

Участниками прений указывалось, что Секретариат Союза писателей, не опубликовав ранее письма, поставил сейчас Союз в более затруднительное положение. Будь это письмо опубликовано полтора года тому назад, говорил т. Грибачев, «не было бы у Пастернака Нобелевской премии, так как прогрессивная пресса мира все сделала бы, чтобы не допустить этого». Это мнение т. Грибачева разделяли в своих выступлениях тт. Кожевников, Софронов, Кочетов, Караваева, Анисимов, Ермилов, Лесючевский, Турсун-заде.

Писатели А. Софронов и В. Ермилов остро ставили вопрос о запущенности идейной работы в Союзе писателей. Вопросы идейной жизни Союза писателей, отмечал А. Софронов, за последние годы не стояли в центре внимания всего Союза. Наряду с правильной и обоснованной критикой недостатков в работе Секретариата Правления Союза писателей и его первого секретаря тов. Суркова в выступлениях тт. Грибачева, Софронова и отчасти тов. Кочетова была сделана попытка представить дело так, что чуть ли не вся деятельность Секретариата Правления была компромиссом в литературной политике, отступлением от принципиальной линии. По отношению к Пастернаку Секретариат проявлял либерализм, говорил А. Софронов, и в то же время тов. Сурков всячески унижал первого писателя мира тов. Шолохова. Моя реплика о том, что нельзя говорить о литературной политике как политике компромисса, не встретила поддержки.

В результате широкого обмена мнениями партийная группа приняла единодушное решение вынести на обсуждение Президиума Правления Союза писателей резолюцию об исключении Пастернака из членов Союза писателей СССР.

27 октября состоялось совместное заседание Президиума Правления Союза писателей СССР, бюро Оргкомитета Союза писателей РСФСР и Президиума Правления Московского отделения Союза писателей, обсудившее вопрос о поведении Пастернака, несовместимом со званием советского писателя.

На заседании присутствовало 42 писателя – члена Правления Союза писателей СССР, бюро Оргкомитета Союза писателей РСФСР, Президиума Правления Московского отделения Союза писателей и 19 членов Правления Союза писателей СССР и ревизионной комиссии. Не приехали на заседание 26 писателей. Из числа не приехавших на заседание не были по болезни тт. Корнейчук, Твардовский, Шолохов, Лавренев, Гладков, Маршак, Тычина, находятся в заграничной командировке тт. Бажан, Эренбург, Чаковский, на лечении в санатории – тт. Сурков, Исаковский, по занятости служебными делами т. Лацис; без указания причин тт. Леонов и Погодин. Не пришел также сказавшийся больным личный друг Пастернака писатель Всеволод Иванов. Сам Пастернак на заседание не явился, сославшись на болезнь. Он прислал в Президиум Союза советских писателей письмо, возмутительное по наглости и цинизму. В письме Пастернак захлебывается от восторга по случаю присуждения ему премии и выступает с грязной клеветой на нашу действительность, с гнусными обвинениями по адресу советских писателей. Это письмо было зачитано на заседании и встречено присутствующими с гневом и возмущением.

Председательствовал на заседании тов. Тихонов Н.С.; с сообщением выступил тов. Марков Г.М.

На заседании выступило 29 писателей. В числе выступавших – видные беспартийные писатели тт. Тихонов Н.С., Соболев Л.С, Николаева Г.Е., Панова В.Ф., Ажаев В.Н., Чуковский Н.К., Антонов СП. Выступавшие в прениях при полной поддержке и одобрении всех участников заседания разоблачали и гневно осуждали предательское поведение Пастернака. Они характеризовали Пастернака как порвавшего с народом и страной перебежчика в лагерь врага. Говоря о морально-политическом падении Пастернака, его клеветническом сочинении, беспартийный писатель В. Ажаев заявил: «Мы с гневом и презрением осуждаем это враждебное нашему социалистическому делу и художественно убогое, копеечное сочинение. Мы осуждаем не совместимые со званием советского писателя поступки Пастернака, отдавшего свое злобное сочинение в чужие руки и ныне готового вприпрыжку бежать за «наградой». Поступки эти окончательно изобличают в нем человека, которому чуждо все то, что бесконечно дорого каждому советскому человеку».

Беспартийная писательница Г. Николаева, характеризуя предательские действия Пастернака, заявила: «Я считаю, что перед нами – власовец». Касаясь вопроса о мерах по отношению к Пастернаку, она сказала: «Для меня мало исключить его из Союза – этот человек не должен жить на Советской земле».

В очень резких тонах говорил беспартийный писатель Н. Чуковский о враждебной сущности Пастернака, о его провокационных поступках. «Во всей этой подлой истории, – сказал Н. Чуковский, – есть все-таки одна хорошая сторона – он сорвал с себя забрало и открыто признал себя нашим врагом. Так поступим же с ним так, как мы поступаем с врагами».

Писательница Вера Панова такими словами определила свое отношение к Пастернаку: «В этой озлобленной душе, которая раскрывалась во всем этом деле начиная с написания романа и кончая письмом, – нет ни чувства родной почвы, ни чувства товарищества, кроме безмерного эгоизма, неприемлемого в нашей стране, кроме невыносимой гордыни, неприемлемой в коллективистском обществе. Видеть это отторжение от Родины и озлобление даже жутко».

По поводу письма Пастернака армянский писатель Н. Зарьян сказал так: «Уже это письмо – антисоветское враждебное письмо. И на основе этого письма необходимо было бы человека исключить из Союза писателей. Этим письмом Пастернак ставит себя вне советской литературы, вне советского общества».

На этом заседании, как и на собрании партийной группы, в выступлениях С. Михалкова и Ю. Смолича были высказаны острые критические замечания по адресу Секретариата Правления Союза писателей за то, что до сих пор не было опубликовано письмо членов редколлегии журнала «Новый мир» Пастернаку и последний оставался в рядах Союза писателей.

Обращает на себя внимание тот факт, что лишь в отдельных выступлениях указывалось на то, что в течение длительного времени некоторые писатели всячески превозносили значение Пастернака в советской поэзии. Присутствовавший на заседании поэт СИ. Кирсанов, в свое время превозносивший Пастернака, не высказал своего отношения к обсуждавшемуся на заседании вопросу.

Присутствовавшие на заседании писатели единодушно приняли решение об исключении Пастернака из членов Союза советских писателей.

В решении по этому вопросу говорится: «Учитывая политическое и моральное падение Б. Пастернака, его предательство по отношению к советскому народу, к делу социализма, мира, прогресса, оплаченное Нобелевской премией в интересах разжигания войны, Президиум Правления Союза писателей СССР, бюро Оргкомитета Союза писателей РСФСР и Президиум Правления Московского отделения Союза писателей РСФСР лишают Б. Пастернака звания советского писателя, исключают его из числа членов Союза писателей СССР.

Зав. Отделом культуры ЦК КПСС
Д. Поликарпов

К документу приложена записка: «Разослать членам Президиума ЦК КПСС и кандидатам в члены Президиума ЦК КПСС. 27.X.58. *В. Малин*».

АП РФ. Ф. 3. Оп. 34. Д. 269. Л. 53-57. Подлинник.

Опубл.: Континент. 1995. № 1. С. 198 – 202.

Л.А. Самутин «Воспоминания» (фрагмент)

Хотя мой собственный «судебно-следственный» опыт минимален, я знаком с судьбами сотен людей, которым повезло куда меньше, чем мне, помню их рассказы, а с некоторыми могу проконсультироваться дополнительно. По-видимому, возможности чеха были гораздо больше моих. Ему даже удалось разыскать бывшего следователя Солженицына. Почему он не догадался задать ему мои вопросы? Я понимаю, что, конечно, мне такой случай никогда не представится. Это такая же утопия, как шанс заглянуть в судебное дело!

«Шанс заглянуть в судебное дело» А.И. Солженицына добрые дяди дали, кроме чеха Ржезача, еще одному иностранцу – Франку Арнау. Тут вспомнили, как в двенадцатом номере «Военно-исторического журнала» за 1990 г., когда его еще возглавлял генерал Виктор Филатов, под заголовком «Ветров, он же – Солженицын» была воспроизведена публикация из немецкого журнала «Neue Politik» (№ 2, 1978. Гамбург), как было написано в том предисловии, «выдающийся криминолог и писатель», который «до последних лет своей жизни (он умер 11 февраля 1976 г. в Швейцарии) был неутомимым борцом за правду и законность».

Последние годы Арнау трудился над книгой, которой дал предварительное рабочее название «Без бороды» («Der Bart ist ab»). Можно предполагать, что оно хорошо выражало суть задуманной книги – намерение автора «побрить» Ветрова, давно щеголяющего длинной бородой. Действительно, судя по фактам, Арнау сильно занимал, как пишет редакция, «тот миф, который возник на Западе вокруг личности Александра Солженицына и особенно вынашивался теми, кто хотел бы возродить холодную войну». Собирая материал для книги, автор проделал широкие изыскания, приведшие его также и в Советский Союз, где он побывал в 1974 г. Следует добавить, что публикация в журнале «Neue Politik» была осуществлена с согласия вдовы и наследницы автора, Этты Арнау.

Редакция «Нойе политик» писала, что Арнау удалось собрать обширный материал по вопросу «Солженицын – Ветров», и он неоднократно заявлял, что готовит публикацию об этом. Но если сперва автор говорил, что простой здравый смысл не позволяет думать, будто человек, давший в лагере обязательство-подписку быть доносчиком и сам признавшийся в этом на страницах своей

книги, тем не менее доносительной деятельностью не занимался, и никто с него не спрашивал за бездеятельность, и она не мешала его своеобразному лагерному «благоденствию», то позже Арнау писал: «Теперь у меня в руках документальное доказательство его активной деятельности».

Этот, по словам Арнау, «абсолютно убийственный для репутации Солженицына» документальный материал дан в немецком переводе, а рядом – в факсимильной копии. Вот его полный и точный текст.

«Сов. секретно. Донесение с/о от 20/1-52 г.

В свое время мне удалось, по вашему заданию, сблизиться с Иваном Мегелем. Сегодня утром Мегель встретил меня у пошивочной мастерской и полузагадочно сказал: «Ну все, скоро сбудутся пророчества гимна, кто был ничем, тот станет всем!» Из дальнейшего разговора с Мегелем выяснилось, что 22 января з/к Малкуш, Коверченко и Романович собираются поднять восстание. Для этого они уже сколотили надежную группу, в основном из своих – бандеровцев, припрятали ножи, металлические трубки и доски. Мегель рассказал, что сподвижники Романовича и Малкуша из 2, 8 и 10 бараков должны разбиться на 4 группы и начать одновременно. Первая группа будет освобождать «своих». Далее разговор дословно:

«Она же займется и стукачами. Всех знаем! Их кум для отвода глаз тоже в штрафник затолкал. Одна группа берет штрафник и карцер, а вторая в это время давит службы и краснопогонников. Вот так-то!» Затем Мегель рассказал, что 3 и 4 группы должны блокировать проходную и ворота и отключить запасной электродвижок в зоне.

Ранее я уже сообщал, что бывший полковник польской армии Кензирский и военлет Тищенко сумели достать географическую карту Казахстана, расписание движения пассажирских самолетов и собирают деньги. Теперь я окончательно убежден в том, что они раньше знали о готовящемся восстании и, по-видимому, хотят использовать его для побега. Это предположение подтверждается и словами Мегеля «а полячишка-то, вроде умнее всех хочет быть, ну, посмотрим!».

Еще раз напоминаю в отношении моей просьбы обезопасить меня от расправы уголовников, которые в последнее время донимают подозрительными расспросами.

Ветров

20.1.52».

На донесении отчетливо видны служебные пометки. В левом верхнем углу: «Доложено в ГУЛаг МВД СССР. Усилить наряды

охраны автоматчиками. *Стожаров».* Внизу: «Верно: *нач. отдела режима и оперработы Стожаров».*

Несмотря на то что текст ветровского доноса сравнительно невелик, однако он дает выразительный материал для размышлений: в нем отчетливо узнается не только почерк Солженицына, но и некоторые устойчивые особенности его письма, литературной манеры, хотя и представлены здесь эти особенности порой буквально крупицами.

Например, одна из отчетливых особенностей языка Солженицына состоит в сильной тяге к сокращенному соединению слов. Он не напишет «хозяйственный двор» или «строительный участок», а непременно – как в «Архипелаге»: «хоздвор», «стройучасток». Или даже: «концемартовская амнистия», «цемзавод» (цементный завод), «замдир» (заместитель директора) и т. д. Некоторые из этих словесных образований сущие уродцы, но привязанность к таким уродцам нашла место и в доносе, где мы встречаем слово «военлет» – военный летчик.

Другая особенность солженицынского письма состоит в большой любви к назойливому подчеркиванию тех или иных слов и целых выражений. На небольшом пространстве доноса обнаружила себя и эта особенность: в середине текста подчеркнуто «всех знаем!», а в конце – «обезопасить меня от расправы уголовников».

Еще одна вполне очевидная особенность – злоупотребление запятыми. Александр Исаевич охотно ставит их там, где можно бы и не ставить, а порой даже и в таких случаях, где ставить совсем не следует, не полагается. Такое же пристрастие видим и в доносе. Там в первой фразе взяты в запятые слова «по вашему заданию», в четвертой – «в основном».

Иные совпадения точны до буквальности. Так, у Ветрова читаем: «Это предположение подтверждается и словами Мегеля «а полячишка-то, вроде умнее всех хочет быть!..». Во-первых, запятая здесь, конечно, опять-таки ни к чему, но интересно то, в какой простецкой манере вставлена прямая речь Мегеля: она даже начата не с большой буквы. Точно такую же упрощенность видим и у Солженицына в «Архипелаге». Ну хотя бы: «Кто-то крикнул сзади: «А нам нужна – свобода!».

Или вот слово «краснопогонники». В доносе оно запросто вложено в уста Ивана Мегеля. Мы неоднократно встречаем это слово и подобные ему хотя бы в том же «Архипелаге»: «Эти «краснопогонники», «регулярные солдаты» (т. 3, с. 72), «Наверху краснопогонники спрашивают фамилию» (т. 3, с. 194), «Командование ввело в женскую зону «чернопогонников» – солдат стройбата»...

Взять такие, допустим, обороты речи, вложенные опять-таки в уста Мегелю: «Их кум в штрафник затолкал», «вторая группа в это время давит службы». Подчеркнутые слова в подобных контекстах опять-таки часто встречаются в книгах Солженицына. Хотя бы: «Пришли хлопцы к паханам, сели поговорить о жизни и сказали им так: «Если будете нас давить – мы вас перережем», «Нам, тридцать пять лет давимым» (т. 3, с. 309) и т. д.

Несмотря на обстоятельность проделанного выше анализа, надо сказать, что в подлинном авторстве доноса, несколько загадочным образом попавшего в руки Арнау, во время его посещения Москвы, больше всего убеждает даже не идентичность почерков, особенностей манеры письма и других характерных частностей, с одной стороны, в журнальной копии, с другой – в книгах Солженицына и в его эпистолах, а идентичность «почерков» иных – психологических, нравственных – при совершении им клеветническо-доносительских деяний на всем протяжении его жизни.

Вспомним такую особенность «почерка» Ветрова, как обстоятельность и широта, с коими он давал показания против всех ближайших друзей юности – никого не забыл! – и даже против случайного вагонного знакомца Власова, а на Симоняна не поленился накатать аж 52 страницы!

Подобная же картина и в его доносе от 20 января 1952 г.: назвал и срок бунта (22 января), и имена руководителей (Малкуш, Коверченко, Романович), и чем вооружились (ножи, доски, металлические трубки), и в каких бараках основные силы (во 2, 8 и 10), и каков план действий (разбиться на четыре группы и начать выступление одновременно), и что именно предстоит делать каждой группе в отдельности, и не забыл даже такую деталь, как отключение запасного движка!

notes

Примечания

1

Это слово вышло именно из матросского лексикона времен революции.

2

Дом на Таврической улице, 35. Там, в квартире поэта и философа Вячеслава Иванова, проходили «литературные среды», на которых бывали практически все известные литераторы и философы того времени – включая Есенина.

3

Время от времени по ТВ показывают экранизацию этого романа. Режиссер Н. Досталь, по-моему, неплохо справился с задачей. Во всяком случае, дух романа схвачен верно.

4

Имя Александр входило в псевдоним Крученых под манифестом в «Пощечине общественному вкусу» и в сборнике «Трое», потом поэт стал использовать свое настоящее имя Алексей или заглавную букву «А». Иногда (например, в «Декларации слова как такового») он ставил имя Александр в скобках после Алексея.

5

В России принято называть последователей Гитлера фашистами. Строго говоря, это не совсем верно. Фашисты были в Италии и некоторых других странах. А среди германских нацистов термин «фашист» был пренебрежительным и означал что-то типа «болтливый интеллигент».

6

Малевич отнюдь не был эдаким «выпендрежником». Он очень серьезно относился к своим экспериментам. А что такой результат получился… Бывает.

7

Ленину в 1917 году было 47 лет, и его в партии называли Стариком.

8

У белых, кстати, царил еще больший разброд. Там вообще чуть ли не каждый сражался за что-то свое.

9

Странное имя Мамонт – настоящее. Псевдонимом является фамилия. Настоящая – Неелов.

10

Кстати, матрос Анатолий Железняков, разогнавший Учредительное собрание, был не большевиком, а анархистом. А потом погиб, сражаясь за красных, но так и не изменив своих убеждений. Наверняка он революцию видел как-то по-своему.

11

В царской армии человек, имевший среднее образование, имел право пойти вольноопределяющимся. Это давало некоторые льготы – меньший строк службы, возможность не жить в казарме, а «стоять на квартире», избавление от хозяйственных нарядов. Взамен вольноопределяющиеся обязаны были сдать экзамен на офицерский чин. В военное время эти люди довольно легко выбивались в офицеры. С 1915 года людей со средним образованием стали сразу отправлять в школы прапорщиков (прапорщик соответствует нынешнему младшему лейтенанту).

12

После смерти Ленина по инициативе Сталина прозвучал призыв рабочим вступать в ВКП(б). Это был один из первых шагов Сталина к реальной власти.

13

Евгений Петров являлся младшим братом Катаева.

14

Для особо любопытных могу привести роман Б. Егорова, Я. Полищука и Б. Привалова «Не проходите мимо», изданный в 1958 году. Написано хорошо, но это очевидное подражание Ильфу и Петрову.

15

Перевод был опубликован в России.

16

После опубликования повести бывший командир Первой конной Семен Буденный выступил в печати с резким протестом, увидев в произведении клевету. В литературных кругах родился анекдот: Буденного спрашивают: «Как вы относитесь к Бабелю?» Тот разгладил усы: «Это смотря какая бабель!»

17

Сегодня слово «маргинал» стало синонимом понятия «люмпен», то есть человек без корней. Первоначально это был просто термин, без какой-либо негативной оценки.

18

«Второй серией» «Нивы» был популярный в СССР журнал «Огонек». Не перестроечный, а такой, каким был до В. Коротича.

19

Автор учился в Ленинграде, в физико-математической школе. Так что образованности школьников, многие из которых имели прекрасные домашние библиотеки, удивляться не стоит.

20

«Сайгон» – кафе на углу Невского и Литейного проспектов. Работало с 1964 по 1990 год. Там собирались представители богемы и разных молодежных субкультур – хиппи, панков и так далее.

21

Вспомним, какой скандал в куда менее ханжеские времена вызвала шутка Джона Леннона, что «Битлз» стали популярнее Иисуса Христа. Этими словами он чуть было не закрыл группе дорогу в Америку.

Кстати, еще до революции Маяковский сыграл главную роль в фильме «Барышня и хулиган».

23

Забавно, что в академическом собрании сочинений 1955 года текст приводится полностью, без точек. Редчайший случай в советское время.

24

До 1912 года РСДРП формально была единой, хотя фактически развалилась на большевиков и меньшевиков.

25

Во всех советских учебниках повествуется, что уже много позже Ленин похвалил стихотворение Маяковского «Прозаседавшиеся». Но он похвалил-то изложенную там довольно простую мысль.

26

Очень жалко, что в сериал Бортко это не попало. Там герои бегают по пустынным улицам вне времени и пространства.

27

Забавно, что в заведении, отведенном Булгаковым под шоу команды Воланда, в 1913 году выступал со своим женским оркестром самый известный сатанист XX века Алистер Кроули, объявивший себя Зверем *666*. Булгаков, правда, вряд ли об этом знал – концерты Кроули прошли совершенно незамеченными, да и Зверь был практически неизвестен в России ни до революции, ни после, а Булгаков тогда жил в Киеве. Но вот такое совпадение.

Конечно, в застойное время московской интеллигенции очень нравился образ посрамленного «лимитчика».

29

Забавно, что в годы перестройки в «Огоньке» была статья, где Ильф и Петров порицались за презрение к этому персонажу. Ведь он думал! Тут автор статьи проговорился о своих нестоящих симпатиях – ведь думал Лоханкин исключительно о себе и своей роли в мироздании.

30

Симонов хотя бы только за стихотворение «Жди меня» заслуживает памятника. А он и еще кое-что написал.

31

Любопытно, что в «Аэлиту» Толстой всадил модные тогда оккультные теории Елены Блаватской и ее последователей.

Можно, к примеру, вспомнить его роман «Помутнение», в котором агента полиции коллеги сажают на наркотики, дабы он проник в центр по их производству.

33

Слова И. Кормильцева, поэта, получившего известность в качестве автора слов песен группы «Наутилус Помпилиус».

Подобные же слухи о генерале Скобелеве Борис Акунин развил в роман «Смерть Ахиллеса».

35

Интересующихся этим вопросом отсылаю к книгам: Прудникова Е., Колпакиди А. «Двойной заговор»; Бушков А. «Красный монарх».

36

Имеется в виду роман «Нагие и мертвые», в котором американская армия времен Второй мировой описана в очень мрачных красках.

37

Олдингтон Ричард – английский офицер, автор произведений о Первой мировой войне, таких же мрачных, как у Ремарка.

38

Лара – героиня романа Пастернака «Доктор Живаго». Считается, что он списал ее со своей возлюбленной – Ольги Ивинской.

39

На операторском жаргоне – хорошо поставленный кадр.

Это была политика совершенно неприкрытой оголтелой национальной дискриминации. То же самое, что наблюдалось в Грузии в начале девяностых.

41

К освоению космоса Хрущев не имеет никакого отношения. Основа была заложена Берией. Маховик запустили. Единственная заслуга Никиты Сергеевича здесь в том, что он не мешал.

42

В пародийной форме это описано в романе В. Сорокина «Голубое сало».

43

В Лэнгли, штат Вирджиния, расположена штаб-квартира ЦРУ.

44

Общий школьный друг Солженицына и Виткевича.

45

Жена Солженицына.

Имеется в виду «Крутой маршрут».

47

Рейн Евгений – питерский поэт. Если кто о нем и слышал, то как о профессиональном друге Иосифа Бродского.

48

Марка печатной машинки, одной из лучших среди продававшихся в СССР.

Мне могут задать вопрос: почему я не упомянул о Галиче? «Магнитофонная культура» – это совершенно особый жанр, который жил по иным законам.

50

Бывший ДК имени Крупской в Санкт-Петербурге. Является самым известным книжным рынком.